КРАСНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ВСЕХ

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

1925 г. ЯНВАРЬ № 1

ЛЕНИНГРАД

РАБОЧЕЕ ИЗДАТ-ВО «ПРИБОЙ»

При этом номере всем подписавшимся на журнал с приложением рассылается М. Ю. Лермонтов. Избранные произведения.

Рабочее Издательство „ПРИБОЙ"
Ленинград, просп. 25 Октября, д. № 1.

Открыта 1925 подписка

на

КРАСНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ВСЕХ

ГОД ИЗДАНИЯ 4-ый

12 №№ ЖУРНАЛА

В журнале принимают участие виднейшие политические и общественные работники, лучшие научные, литературные и художественные силы Ленинграда, Москвы и других городов СССР.

В ГОД **2** рубля

12—24 КНИГ ПРИЛОЖЕНИЙ

12 книг — **1-ая серия** избранные сочинения **Н. ЛЕНИНА** — 12 книг

12 книг — **2-ая серия** избранные сочинения русских классиков: Лермонтов, Пушкин, Некрасов, Салтыков-Щедрин, Гоголь, Лев Толстой и др. — 12 книг

в год **2** рубля

ПОДПИСКА

	БЕЗ ПРИЛОЖЕНИЙ:	С ПРИЛОЖЕНИЯМИ: с одной серией	С ПРИЛОЖЕНИЯМИ: с двумя сериями
на 1 год	2 р. — k.	4 р. — k.	6 р. — k.
на 1/2 года	1 » 20 »	2 » 20 »	3 » 30 »

ПОДПИСКУ ПРИНИМАЕТ:

в Ленинграде — пр. 25 Октября, № 1, „СЕВПЕЧАТЬ", Пр. 25 Октября, № 52, Торг. сектор Изд-ства „ПРИБОЙ";

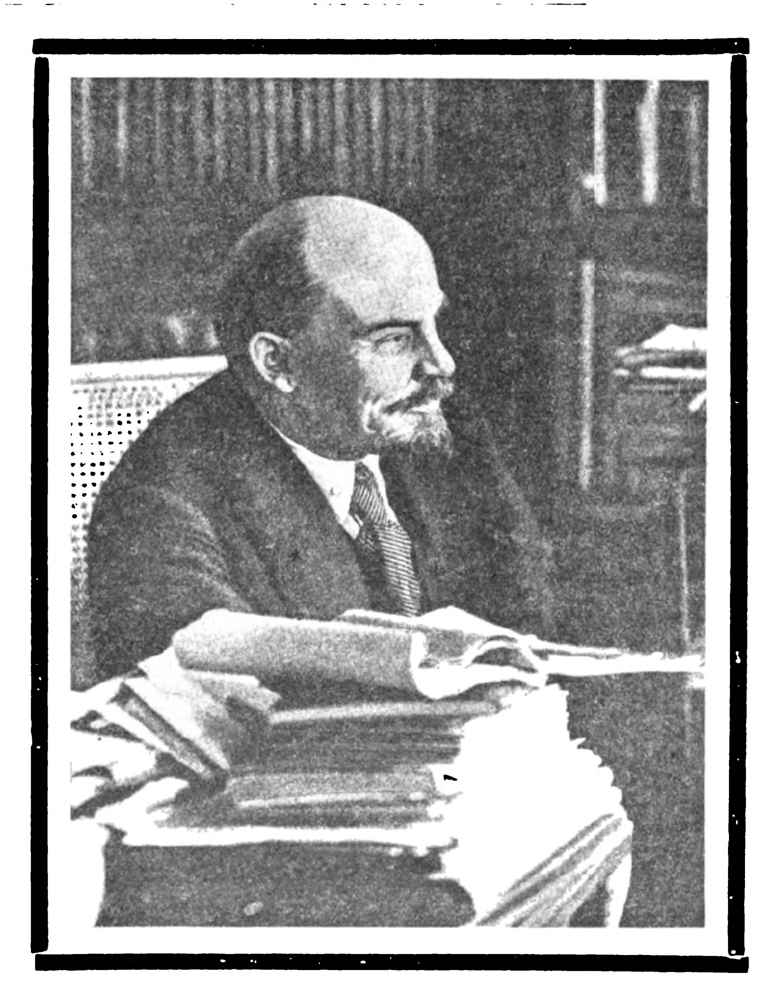
в Москве — Лубянский пассаж № 47, 48, 49, Московское Отделение Рабочего Издательства „ПРИБОЙ".

Всюду почтовые отделения.

в год **4** рубля

КРАСНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ВСЕХ

№ 1. четвертый год издания 1925.

Вождь и учитель

(К годовщине смерти)

Год тому назад ушел в могилу вдохновитель и руководитель, организатор и вождь Октябрьской революции. Перестало биться великое сердце славного борца за освобождение угнетенных, за раскрепощение пролетариата, за лучшее будущее человечества.

Гениальный теоретик и практик революционного движения, посвятивший всю свою жизнь одному делу — уничтожению эксплоатации класса классом, — покинул ряды борцов. Он ушел, заложив прочный фундамент под то здание, грандиозный силуэт которого всегда стоял перед глазами этого великого строителя новых общественных форм.

Коммунистическая партия, созданная и выкованная его неутомимыми трудами и долгими годами энергичной деятельности, партия, вооруженная его революционной теорией — ленинизмом, — твердо продолжает дело своего вождя и учителя, неуклонно идя по пути, указанному им. Оружие отточено, сила, владеющая этим оружием, неиссякаема. Препятствия на пути будут преодолены.

И теперь — в годовщину смерти Ильича — необходимо еще и еще раз остановить свое внимание на его учении и жизни, изучить его теорию, обеспечивающую успех будущих побед, и тщательно рассмотреть практические приемы его революционного действия, извлекая оттуда критерий для сегодняшнего дня.

Настоящая статья, не претендуя на разбор жизни, теории и практики Ильича полностью, ставит своей задачей наметить для читателя лишь основные вехи. Для того, чтобы овладеть теорией и методом Ильича, нужно, как не раз говаривал он, учиться, учиться и еще раз учиться.

I

Сын директора народных училищ Симбирской губернии, Владимир Ильич Ленин (Ульянов) родился 10/22 апреля 1870 года. 17 летним юношей он уже сталкивается с деспотизмом самодержавия: за подготовку покушения на Александра III казнен брат его Ал. Ил. Ульянов.

Годы учения Ильича — беспрерывная подготовка к революционной деятельности. После трехмесячного пребывания своего в Казанском университете он исключается оттуда за участие в сходке. Выслан в дер. Кукушкино в 40 вер. от Казани.

Все его попытки вновь вернуться в университет или же получить разрешение на выезд заграницу для продолжения образования разбиваются о полицейский режим. На ряду с этим он ведет неустанную самообразовательную работу, тщательно изучает Маркса и, несмотря на суровый режим самодержавия, поддерживает связи с членами нелегальных революционных кружков.

Сдав, наконец, экстерном государственный экзамен при юридическом факультете Петроградского университета, Ильич, участвуя в кружке марксистов, пишет работу „Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни" (1893 г.). Пропагандистская деятельность, чтение докладов и рефератов в марксистских кружках переплетаются с нелегальной работой на сходках рабочих.

В брошюре „Что такое друзья народа и как они воюют с с.-д." (1894 г.) Ильич уже оформляет свои взгляды, гениально предвосхищая мысль о коммунистической революции пролетариата в союзе с крестьянством. Критикуя временных попутчиков рабочего движения (Струве и др.), он в то же время настойчиво добивается установления связи с заграничной группой „Освобождение Труда" (Плеханов, Аксельрод, Засулич).

Связь установлена. Побывав заграницей, Ильич, с чемоданом нелегальной литературы, возвращается обратно и, об'езжая центры рабочего движения (Вильно, Москва, Орехово-Зуево), стремится об'единить разрозненную деятельность тогдашних социал-демократических кружков. Эта работа ведет к расширению с.-д. деятельности. Подготовляется издание популярного с.-д. журнала. Ильич пишет брошюру „О штрафах".

Декабрь 1895 года — Ленин, вместе с членами „Союза борьбы за освобождение рабочего класса", арестован. В тюрьме он не

падает духом. Поддерживая связь с организацией, руководя стачками, он пишет листовки и брошюру „О стачках“, подготовляя материалы к большой своей работе „Развитие капитализма в России“.

Ссылка в Сибирь. Жизнь в с. Шушенском, Минусинского уезда, Енисейской губ. проходит в напряженной литературной работе. Здесь же, написав много статей, он закончил „Развитие капитализма в России“ (1899 г.).

Из Сибири, окончив ссылку, переезжает в Псков. Пребывание в столичных городах запрещено. За нелегальное посещение Петрограда арестован. По освобождении выехал заграницу (1900), где принял участие в организации и издании журнала „Искра“, который в рабочем движении сыграл огромную роль.

В борьбе с народничеством и с экономизмом („Что делать“, 1902 г.), в борьбе с меньшевиками („Шаг вперед, — два назад“, 1904 г.) выковывается теория и практика ленинизма. Непримиримость в теории ведет к ясному и глубокому пониманию событий; гибкость тактики дает возможность сплотить крепкое ядро большевиков в с.-д. партии.

1905 год дал возможность Ленину возвратиться в Россию. Прожив легально лишь два дня, он остальное время руководит партией, скрываясь в подполье. Поражение 1905 года не бросило его в ряды отчаявшихся. Наоборот, еще с большей энергией он собирает разбитые силы, вдохновляет уставших, подбадривает впавших в панику, в уныние. Расправляясь с философскими ревизионистами и дополнителями в книге своей „Материализм и эмпириокритицизм“, он в то же время ведет жестокую борьбу с теми отступниками от рабочего класса, которые стремились ликвидировать подпольную организацию партии и перейти всецело в условия думской легальности.

Разрушая это ликвидаторство справа, борясь в рядах большевиков с неустойчивыми товарищами, ликвидаторами слева, отказывающимися от использования легальных условий, Ленин не оставлял работы по изучению опыта 1905 г., по выяснению причин поражения. Итак, борьба с отступлениями и извращениями марксизма, с притуплением его революционности, борьба с ликвидаторством и буржуазным либерализмом, и все это на фоне отчаянной схватки с самодержавием — таков путь Ильича и его партии.

Этот период реакции показал все величие Ильича, как революционера. Быть революционером в период под'ема революционного движения хорошо, но немногие хорошие революционеры сохраняли свое действительно революционное устремление, а тем более революционное действие, в период падения, затишья рабочего движения. Ильич обладал этим качеством.

Начало нового под'ема (Ленский расстрел — 1912 г.) в рабочем движении Ленин встречает с отточенной теорией, дающей ему возможность полностью руководить движением, подготовляя и организуя силы для революции. Читая лекции по теории, он все время руководит думской фракцией; печатая свои руководящие статьи в „Звезде“ и „Правде“, он делает доклады о событиях в России, приспособляя к ним свою тактику; организуя с'езды, совещания и конференции своей партии, он продолжает без устали громить меньшевиков, вскрывая вредность их теории и тактики для рабочего движения.

1914 год. Разразилась война. Полились потоки крови. Тысячи и тысячи людей погибали во имя интересов ничтожной кучки империалистов. Ильич сразу решительно и настойчиво проводит свою тактику: империалистической войне нужно противопоставить войну гражданскую.

Он не смущается изменой II-го Интернационала, его не страшит патриотический пыл большинства. Угар войны среди рабочих скоро пройдет. Многие им не захвачены. Вместо II нужен III Интернационал; шовинизм нужно вскрывать, показывая его гнилость.

Под грохот пушек пишется книга „Империализм, как новейший этап капитализма“ (1916), где вскрывается сущность современной хозяйственной жизни, ведущей к монополиям, к господству небольшой кучки финансистов.

Весть о феврале 1917 года застала Ильича в Цюрихе. Попасть в Россию нельзя. Ильич решается на „запломбированный вагон“, предвидя, что враги используют этот шаг в своих интересах. Ильич в России. Сразу же он берет в свои руки руководство событиями.

Искусно маневрируя, он ведет рабочий класс к Октябрю. Бешеная злоба врагов рабочего класса обрушивается главной своей тяжестью на него и на ближайших его помощников. Гнусные обвинения в „шпионстве“,

неоднократные покушения, ненависть всего буржуазного мира не останавливают его. Он знает, что на другом полюсе накапливается любовь, решимость умереть за дело его жизни, готовность довести это дело до конца.

Победа в Октябре, подготовка к этой победе, закрепление ее результатов, дальнейшее расширение, беспрестанная критика прошлого, подробный анализ настоящего для более безошибочных действий в будущем, чуткое прислушивание к биению жизни классов пролетариата и крестьянства, союз которых основа успехов Октября — все дело Ильича.

Ильич умер, наладив дело. Осталась его партия, вооруженная его теорией, закаленная в практической борьбе. Дело Ильича обеспечено.

II

Партия — наиболее сознательная и передовая часть класса, учитывающая не только временные и повседневные интересы его, но и, главным образом, направляющая действия своего класса на защиту длительных интересов его, выражающая его историческую роль в общественном процессе — такая партия должна свою политику и тактику строить на прочных теоретических основах, не поддающихся никакой раз'едающей критике. Партия рабочего класса должна обладать такой прочной теорией. „Роль передового борца — писал Ленин в 1902 году — может выполнить только партия, руководимая передовой теорией“ [1].

Естественно, обладать такой прочной и передовой теорией может лишь партия того класса, который не заинтересован в искажении истины с целью сохранения своего, вопреки историческому ходу вещей, господствующего положения, как, напр., буржуазия XX века, класса, который идет вперед, а не тащит общество назад, который не останавливается перед временными препятствиями, не пугается встречающихся опасностей, который, наконец, не стремится укрепить себя, как класс, а ставит своею целью уничтожение всех классов и в том числе и себя. Таким классом является только пролетариат.

Передовая теория была всегда и будет в то же время революционной теорией.

„Без революционной теории, — писал тогда же Ленин — не может быть революционного движения“ [2]. И это вполне понятно для тех, кто не питает тайное желание использовать революционное движение для достижения совсем не революционных целей, кто, отрицая возможность самостоятельного политического выступления пролетариата в союзе с крестьянством, тащит это движение в хвосте либеральной буржуазии, кто вполне заслуженно называется Лениным **хвостистами**.

Революционное движение без теории стихийно. Стихийность, не оплодотворенная сознательностью, не может намечать **плана своих** действий, не может ставить целей движению. Без сознательного руководства, не будучи подкована теорией, она обречена на беспрестанное поражение, на архи-революционные действия, конечные результаты которых будут выгодны лишь буржуазии. Пролетариат — движение которого в современных условиях единственно революционно — должен, следовательно, обладать передовой и революционной теорией.

Такой теорией является **ленинизм**. Нередко можно встретить мнение о противоположности, о различии марксизма и ленинизма. Это неверно. Ленин всецело стоит на почве марксизма и растет из этой почвы. Эти теории едины, противопоставление их бессмысленно. Марксизм, перенесенный в обстановку империализма, в обстановку непосредственных боев пролетариата с буржуазией, является ленинизмом. „Ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности“ [3].

Ленин не критик Маркса. Он верный ученик его. Извращения марксизма, достигшие в последние годы среди европейской социал-демократии грандиозных размеров, встречают со стороны Ленина беспощадный отпор и жесточайшую критику. Он борется и против стремления подправить Маркса Кантом в области философии и против выхолащивания из учения Маркса его революционной сердцевины — диалектики, и против тех мудрецов, которые, принимая экономические взгляды Маркса, отбрасывают его исторические воззрения, его материалистическое понимание истории, равным образом и против тех, искусных защитников буржуазного строя, которые, сохраняя Марксову теорию в качестве догмы, на

[1] Ленин „Что делать“ т. V, стр. 136.

[2] Там же, стр. 135.

[3] Сталин. „О Ленине и ленинизме“, 1924 г., стр. 25.

практике притупляют ее революционное острие, затемняя сущность буржуазного общества — демократией, насилие буржуазного государства — организацией порядка, невозможностью его уничтожения и т. д.

Ленин, очищая Маркса от всех извращений, поправок и дополнений, сделанных тайными и явными сторонниками буржуазии, восстановил истинное учение Маркса и гениально приложил его к той исторической эпохе, в которой ему пришлось жить и действовать. Источники марксизма: английская промышленность XVIII в., утопический социализм (Фурье, Сен-Симон и Оуэн) и классическая немецкая философия (от Канта до Гегеля); его составные части: диалектический материализм, материалистическое понимание истории с учением о классовой борьбе и учение трудовой стоимости, дающее возможность об'яснить природу прибавочной стоимости,— все эти основы марксизма нашли достойного преемника в лице Ленина [1].

И в философии, и в истории, и в политической экономии Ленин с гениальной простотой изложил и развил мысли Маркса.

После революции 1905 года, в эпоху реакции началось сильное шатание умов в России. Появились различные модные философские теории. Начался повсеместный пересмотр философских основ марксизма. Материализм Маркса подправлялся идеализмом от Маха и Авенариуса. Спрос на „измы" (эмпириомонизм Богданова, эмпириосимволизм Юшкевича и т. д.) был необыкновенный. Российский обыватель явно соскучился о боге. На сцену выступило богоискательство и богостроительство.

Все эти философские увлечения, выгодные буржуазии, естественно, были связаны с упадком революционного движения, с усилением реакции, с торжеством „чудища обла, озорна, стозевна и лаяй". Часть „революционеров" (в ковычках) ушла в стан „ликующих, праздноболтающих, обагряющих руки в крови", часть впала в уныние, в отчаяние, связанное с мистицизмом, верой в чудеса, в черта с его бабушкой. Идеалистические настроения были неизбежным следствием отчаяния и кажущейся безвыходности положения. Неудачная практика и мрачная действительность толкали неустойчивых на поиски в потустороннем мире воплощения своих идеалов. Создавалась иллюзия тем более вредная, что она отвлекала силы от повседневной, столь необходимой работы в область фактических, воздушных и необычных мечтаний.

Ленин не поддался всеобщей панике и не впал в раз'едающее отчаяние. Видя увлечение идеализмом и учитывая его опасность для революционного движения, он с бешеной энергией принимается за критику модно-философских теоретически неверных и практически вредных течений и теченьиц. После долгого и тщательного изучения он пишет книгу „Материализм и эмпириокритицизм" (1908 г., т. X, соч. Ленина).

В этой книге Ленин, беспощадно критикуя новые „измы", все время настойчиво проводит основную мысль: **материализм**, признающий, в противоположность идеализму, первоначальную материю; материализм, утверждающий, вопреки идеализму, независимое, вне нашего сознания существующее реальное бытие мира, является истинно научной, действительно передовой и революционной философией, на почве которой пролетариат может и должен вести свою борьбу, если он хочет побед. Всякие идеалистические привески к материализму мешают этой борьбе, затрудняют ее и, затемняя сознание рабочих масс, делают победы сомнительными.

Извращения материализма, являющиеся результатом критики Марксовой философии, прошедшей длинный путь исторического развития через Спинозу и Фейербаха, неизбежно ведут к тому, что приверженцы такого извращения (не суб'ективно, может быть), а об'ективно прислуживают буржуазии, открывая ей (через идеалистические щели) пути для воздействия на рабочий класс, предоставляя ей возможность науку заменять верой, революционное действие — мистической иллюзией. Действительность с борьбой классов, неизбежностью революции, диктатурой буржуазии прикрывается туманными покрывалами, под покровом которого буржуазия и ее агенты могут великолепно обделывать свои делишки. Или идеализм с религией и верой или материализм с наукой и практикой — так стоит вопрос.

Революционная душа материализма—**диалектика**. Мир не может не быть в движении, а движение не может быть оторвано от мира. Познание мира в движении — высшая ступень познания. Познавать мир.

[1] См. Ленин „Три источника и три составных части марксизма", т. XII, ч. II, стр. 54.

как нечто застывшее, готовое, раз навсегда данное, всегда само себе равное, это значит познавать лишь настоящее, без учета прошлого, без предвидения будущего. Противоречивость развития, проходящего стадии возникновения, роста и уничтожения, как следствия этого роста, сущность диалектики. Незнание диалектики—утверждает Ильич—ведет к идеализму. Материализм без диалектики — мертворожденное дитя, неспособное разрушить оковы идеализма и противопоставить ему точную и научную теорию, познающую самую действительность, а не ее тень.

Диалектический материализм в области общественных изменений дает нам возможность осознать всю сложность этого процесса, понять его противоречивость, неизбежность перехода от одной общественной формы к другой (от феодализма к капитализму, от капитализма к коммунизму), неизбежность социальной революции, борьбы классов и мн. др. Отсюда ясно значение философии для практики, для борьбы.

Ильич враг философских „безголовцев", людей, стремящихся создать надпартийную общечеловеческую „философию для философии". Эти люди, прикрывая звонкими фразами о беспартийности философии ее реакционный, буржуазный характер, особенно вредны. Они—тайные враги рабочего класса, а тайный враг хуже явного. Носители философии—люди—всегда и везде в классовом обществе принадлежат к тому или другому классу, имеющему определенный быт и определенные интересы. И их сознание, хотят они этого или не хотят, определяется этим бытом.

III

То же в теории государства. Чинные и благородные правоведы буржуазии в течение тысячелетий писали и говорили о государстве, как о некоей над-исторической и надобщественной сущности. А если это так,—утверждали эти правоведы,—а это несомненно так, за это ручается религия, то не смей помышлять о разрушении существующего государства, не смей думать о возможности его изменения. И на ряду с этим создавались теории о медленно-эволюционном развитии государства, развитии, не допускающем никакого резкого скачка и изменения. Отсюда государство—продукт длительной организации порядка, без которого люди пожрали бы друг друга, впав в анархию. Отсюда — не смей думать о революции, не пытайся поднимать и принимать участие в вооруженном восстании.

Маркс и Энгельс разоблачали эти буржуазные теории государства. Они уже показали противоречивость и лживость „свободного государства", прикрывающего буржуазно-демократической формой сущность буржуазной диктатуры. Люди, подвергшие взгляды Маркса ревизии, затемнили и извратили этот пункт. Государство, по мнению этих ревизионистов, орган примирения классовой борьбы, орган, уничтожать который ни в коем случае (борьба, мол, усилится!) нельзя.

Ленин, восстановив истинный смысл Марксова учения о государстве, вскрыл всю лживость и реакционность подобного рода взглядов различных Куновых, Каутских и т. д. В книге своей „Государство и революция" (1917 г., т. XIV, ч. II) он определенно заявил, что „государство—продукт непримиримости классовых противоречий", а поэтому — „орудие эксплоатации угнетенного класса" классом господствующим. А если это так,— а что это действительно обстоит так, доказывается всей историей классового общества,— то угнетенный класс (в капиталистическом обществе пролетариат в союзе с крестьянством) должен восстать и разрушить буржуазную государственную машину. Восстание пролетариата ведет к его диктатуре. На переходный период организуется пролетарское государство.

И это государство не вечно. Оно должно отмереть. При чем отмирает не буржуазное государство, а пролетарское. Но до тех пор, пока общество разбивается на классы, пока не уничтожены причины классового разделения людей — имущественное неравенство,—говорить об уничтожении государства, как это делают анархисты, бессмысленно. Это значит не понимать природы государства, его происхождения и причин, делающих государство необходимым продуктом современного расщепленного на классы общества. Итак, в основе отмирания государства лежит отмирание классов. Безгосударственное общество будущего есть бесклассовое общество.

Механизм государственного насилия есть механизм классовой борьбы. Все ошибки и извращения истинного понимания теории государства — от анархистов через оппорту-

нистов к монархистам—покоятся на ошибочном представлении хода классовой борьбы, на отрицании этой борьбы, на замене ее борьбою „наций“, „рас“ и т. д. Одни делают это по ошибке, по непониманию; другие из-за выгоды, из-за желания сохранить свое господство и место у вкусного общественного пирога.

Теория государства Ленина тесно связана со всей его практической деятельностью. Естественно, если суждено отмереть, изжить себя государству буржуазному, то возможна и необходима борьба с ним через парламентаризм, мирным путем, на почве легальности, в рамках буржуазной государственности. На этом пути, очевидно, возможно сонливо-тягучее „вростание старого свинства в социализм“. Если же, наоборот, буржуазное государство не может изжить само себя, т. к. буржуазия, поддерживающая и возглавляющая его, неспособна и незаинтересована в уничтожении себя, как класса, а следовательно, и своего классового государства, обеспечивающего ей господство, то, несомненно, с ней и ее государством нужно вести борьбу путем вооруженного восстания, нужно итти на гражданскую войну и свергнуть буржуазию, организовать на переходный период пролетарское государство. Так стоит вопрос.

Выдвигая диктатуру пролетариата в союзе с крестьянством, борющегося против стремлений буржуазии вернуть власть и организующего новый строй, Ленин, естественно, с чрезвычайной силой и неустанной энергией боролся против буржуазной демократии и против демократии вообще. Демократии вообще не существует. Она прикрывает собою форму господства какого-либо определенного класса.

Если раньше, в эпоху торгового и промышленного капитала, когда на почве свободной торговли обменивались равные товаровладельцы, конкурирующие между собою, возможна была демократия, охватывающая сравнительно широкие слои мелкой буржуазии, то теперь, в эпоху империализма—монополистического капитализма, разрушающего свободу торговли, отдающего все в безраздельное владение финансовых тузов, — демократия является лишь ширмой для самой разнузданной диктатуры обнаглевшего финансового монополиста.

Государство в руках этого монополиста превращается в грозное оружие, охраняющее его спокойствие и богатства и обеспечивающее дальнейшее увеличение этих богатств путем расширения рынков, путем захвата колоний. Государство быстро милитаризируется. Вооруженное до зубов новейшими средствами истребления, оно, направляемое монополистом, сталкивается из-за рынков сбыта и сырья с другим империалистическим хищником. Неизбежность империалистических войн в эту эпоху очевидна.

Как же бороться с этой очевидной и пагубной для всего человечества необходимостью? И Ленин решительно отвечает на это: избежать империалистических войн можно лишь путем перехода власти из рук буржуазии в руки пролетариата. Больше того. Он не только отвечает на этот вопрос, но и настойчиво проводит эту борьбу, организует и руководит этой борьбой. Он своей теорией империализма гениально обосновывает необходимость для победы над империализмом соединения революционных сил промышленного Запада с революционными силами колониального Востока. В этом мощь Коммунистического Интернационала перед II Интернационалом, забывшим угнетенные колониальные народы, предавшим эти народы на разграбление и, что хуже всего, принимавшим и принимающим участие в эксплоатации этих народов.

В конкретной обстановке нашей российской действительности соединение революционных сил пролетариата с революционностью крестьянства, обездоленного помещиками, породило Октябрьскую революцию. А гениальное руководство Ленина и его партии помогло победить в этой революции и закрепить ее завоевания.

Еще в 1894 г. Ленин так заканчивает свою книгу „Что такое друзья народа“: „Когда передовые представители его (рабочего класса. А.) усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение, и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу,—тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран), прямой дорогой открытой политической

борьбы, к победоносной коммунистической революции"[1].

Развитие капитализма в России, внедрение его в деревню особенно тщательно изучаются Лениным. Рост промышленных центров, собирание пролетариата, рост его сознательности, раскрестьянивание мужика, распадение общин, расслоение деревни, в которой при капитализме крестьянство неизбежно распадается на бедняков, середняков и кулаков, возможность союза пролетариата с беднейшей частью крестьянства—все эти вопросы привлекают внимание Ильича с первых же шагов его революционной деятельности.

В работе своей „Развитие капитализма в России" он, тщательно подбирая и анализируя статистические данные по многим районам России, устанавливает те тенденции капитализма, которые в процессе своего развития ведут с неизбежностью к революции, к крушению существующего и на вид крепкого тогда еще капитализма. История оправдала и оправдывает теорию Ленина.

IV

Практики революционного движения бывают двух родов. Одни вооружены теорией; другие же—не имеют никакой теории. Последние, путаясь в сложности событий, захлебываясь в вихре нарастающего или падающего движения, плетясь в хвосте событий, пропускают сроки или зарываются вперед.

Ленин принадлежал к практикам первого рода. Роль его как практика, вооруженного передовой и революционной теорией, может быть прослежена на всем протяжении русского рабочего движения. Для нашего изложения возьмем три момента: революцию 1905 года, Октябрьскую революцию и переход от военного коммунизма к новой экономической политике.

Пронизывая практику теорией и подтверждая на каждом шагу правильность теории практикой, он в революции 1905 г., учитывая соотношение классовых сил, имеющееся в то время в стране, руководил рабочим движением так, что оно направлялось (не на словах, а действительно) к революционным завоеваниям.

Признавая буржуазную революцию „безусловно необходимой в интересах пролетариата", он выдвигал, в противоположность меньшевикам, положение, что „рабочему классу выгоднее, чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении прошли именно не реформаторским, а революционным путем, ибо реформаторский путь есть путь затяжек, проволочек, мучительно-медленного отмирания гниющих частей народного организма. От гниения их страдает прежде всего и больше всего пролетариат и крестьянство".

Отсюда — не отстранение от революции, имеющей буржуазный характер, а решительная борьба за проведение революции до конца; отсюда — пролетариат не хвост буржуазии, а самостоятельный борец, заключающий союз с крестьянством; отсюда — не отказ от захвата власти по меньшевистскому рецепту, а активное участие во Временном правительстве, образованном путем восстания; отсюда, наконец, — не подталкивание либеральной буржуазии, а поднятие вооруженного восстания в союзе с крестьянством, несмотря на то, что буржуазия в ужасе отшатнется от этого восстания.

Решительность тактики, намечающей конкретно пункты удара по врагу, изменение ее в зависимости от изменений обстановки, привлечение на сторону пролетариата таких союзников, которые решительно пойдут с ним на штурм буржуазной крепости, отказ от соглашения с такими сторонниками революции, которые в самый ответственный момент изменят пролетариату и, предавая его, сами пойдут против него,—этого не понимали меньшевики и с.-р. История жестоко наказала их за это.

Февраль довершил начатое в 1905 году. Пролетариат в союзе с крестьянством и либеральная буржуазия в союзе с англо-французским финансовым капиталом восстали против самодержавия и повалили его. У власти стала буржуазия. Стал возможен путь к Октябрю.

И Ленин — гениально предвидящий события — энергично принялся за подготовку Октября, направляя на этот путь силы своей партии и рабочего класса. Его апрельские тезисы намечают направление и основные вехи этого пути.

Крестьянство, жаждущее мира, крестьянство, мечтающее о земле, под влиянием хода всех событий быстро революционизируется. Буржуазия и, идущие в согласии с ней,

[1] Ленин „Что такое друзья народа", 1923 г., стр. 172. (Разрядка автора).

партии меньшевиков и с.-р. своей близорукой политикой наступления и разгона земельных комитетов отталкивают от себя крестьянство, которое неизбежно поэтому должно пойти в союзе с пролетариатом.

Отрыв крестьянства от буржуазии, укрепление его союза с пролетариатом — главная задача периода от Февраля по Октябрь. И на фоне этой главной задачи Ленин бешено борется с соглашательством, вскрывая его ложь и обман, неутомимо стягивает революционные резервы под одно руководство, организуя и оформляя все действительно революционно настроенные массы, готовые на решительные практические действия.

Так приходит Октябрь, где совершается „революция пролетариата и большинства крестьян, а именно беднейших крестьян — против буржуазии, против ее союзника англо-французского капитала, против ее правительственного аппарата, возглавляемого бонапартистом Керенским“.

Завоевания Октября закреплены. Новые трудности—нужно поднять хозяйство. Военный коммунизм, не оставляя крестьянину излишков, лишает его стимула к расширению и улучшению своего хозяйства. Ленин, чутко прислушивающийся к процессам, происходящим внутри класса, делает крутой поворот к НЭП'у.

Продразверстка заменяется продналогом. Крестьянин, получающий в свое распоряжение излишки для свободного обмена, получает стимул. С этим связывается под'ем сельского хозяйства, а на почве его возможен и необходим под'ем фабрично-заводской промышленности.

Продналог, предполагая свободу торговли, является причиной нэповской накипи в городах. Но основное—под'ем хозяйства—есть, и это основное дает возможность изжить и преодолеть все опасные для революции следствия НЭП'а.

Политика крутых поворотов, ежедневной проверки своей тактики действительностью, гибкость тактики, учитывающей все своеобразие момента и обстановки, неуклонное движение к заветной и твердо раз навсегда поставленной цели—эти качества характеризуют Ленина, как практика революционного движения.

V

Теоретическая прозорливость Ильича соединялась с необыкновенной практической сметкой. Предвидеть, продумать за врага все его возможные действия, учесть всю конкретность данной обстановки, взять событие во всем его своеобразии — все эти свойства диалектического метода, называемые в простом обиходе „смекалкой“, Ленин прилагал к действительности со свойственной ему неудержимой энергией и умелостью.

Решительность, не переходящая в бесшабашное ухарство или, по выражению Ильича, в „левое ребячество“, осторожность, не впадающая в излишнюю тревогу и панику,—внимательность, сосредоточивающаяся на главном и подчиняющая этому главному все второстепенное, настойчивость, граничащая с упорством, разрушающим преграды, осмотрительность, предвидящая в настоящем причины будущих неудач, — все это в нужной пропорции и в нужном сочетании нашло свое выражение в Ильиче.

Непрестанная борьба с самодержавием воспитала в нем несокрушимую волю. Необходимость преодолеть неисчислимое количество препятствий, стоящих на пути к победе в этой борьбе, выковала из этой воли упругую пружину, которая то резко распрямлялась, свирепо ударяя по врагу, то сжималась, выбирая место для нового еще более сильного удара.

Удар следовал за ударом. Были времена, когда вместо „лобовой атаки“ выбирались обходные пути нападения, когда, вместо штурма, с подмывающим победным маршем на устах, приходилось, с глухими проклятиями в пересохшем горле, итти „тихой сапой“ на осаду неприступных с виду твердынь самодержавия и капитала. Ленин на все был способен. Везде он находил слабую сторону врага и направлял туда главные силы своей партии и ее класса.

Штрафы, налагаемые на рабочих, и тактика единого рабочего фронта, незначительная забастовка небольшого предприятия и философские споры о „высшей материи“, арест и избиение рабочего полицейскими разбойниками в форме и научный разбор запутанной теории рынка, бедственное положение товарища по партии и процесс развития капитализма в деревне — все эти и многие другие вопросы находили место, смотря по времени и обстоятельствам, в поле зрения Ильича. Всюду он успевал. И, заинтересовавшись чем-нибудь, вносил свое, новое, гениальное, вносил то, что вело к правильной

постановке вопроса. А давно уже известно, что правильно поставленный вопрос на половину, если не больше, предрешает правильность ответа. И действительно, жизнь оправдывала и оправдывает решения его.

Что человеку свойственно ошибаться — это давно известно. Но чтобы человеку свойственно было сознавать и признаваться в своих ошибках — это пока еще свойство редких и исключительных натур. Ильич был такой натурой. Несмотря на свой авторитет, несмотря на правильность почти всех своих решений, он всегда охотно и правдиво любил говорить о тех немногих ошибках, которые ему приходилось совершить. И здесь никогда не было того свойственного человеку стремления сваливать свою вину на других, которое характеризует значительное большинство человечества.

Гений революции в скромной роли обличителя своих ошибок, без хныканья указывающий пути к их исправлению, враг кичливости, не поддающийся головокружению от величины своих побед, противник беспринципной склоки, не допускающий, однако, подмены или устранения принципиальности — таков Ильич.

Живой, веселый и остроумный собеседник, любящий пошутить, шахматист и конькобежец, страстный охотник и неутомимый ходок, всегда находящий себе дело и в далекой сибирской ссылке и в заграничном изгнании, не знающий скуки и бедствия, во всем, везде и всегда не забывающий основной своей цели: победы рабочего класса — таков Ильич.

В избе сибирского минусинского мужика, в хате подмосковского кашинского крестьянина, во дворцах Смольного и Кремля — Ильич всегда один и тот же. Та же хитро-насмешливая улыбка, ильичевский смешок и смелая мысль о международной революции, всемирный вызов буржуазии всего света, клич пролетариям всех стран — соединяйтесь!

А. А—ров.

БОРИС СОЛОВЬЕВ

О детстве

Где же ты, желанное начало,
Ты руки хотело бы другой,
Чтоб строка гранитно простучала,
Напролет пробитая пургой.
Чтоб рванулась в мутные просторы,
Под железный скрежет поездов,
По сугробам и по косогорам
Мимо сел и мимо городов!
А таким ты видишься мне, детство,
Горьким и кочевничьим—таким;
Что ж, свое высокое наследство
И до этих берегов докинь!
Вот опять крепчающий мороз там,
Дружество железа и полей,
Отболев тоской тысячеверстной
Песнями теперь переболей.
Слышу—буфера забились в схватке
Над стремительной струей земли,
В рассыпную затрещав, площадки
По мостам, по шпалам понесли.
Вы легко запомнились, вокзалы,
С каменными выступами плеч,
У которых радостью бывало
На гранит промерзнувший прилечь.
Здесь плясали отсветы сухие
Январем чеканенной луны,
Рокотали речи грозовые,
Грустью матерей напоены.
Вот улыбок острые расколы,
Иней на синеющих штыках,
И твои, твои былины, голод,
Я читаю в сумрачных зрачках.
А над этим, над давно любимым,
Над страной, над клочьями папах—
Серый ветер захлебнулся дымом
И прогорклым порохом пропах.
Пальцы, почерневшие от вспышек,
Редко отрывались от курка,
Но как ласково взнесла мальчишку
Та же заскорузлая рука!
Эта жизнь, пришедшая с востока,
Вспыхнувшая снова наяву,
Пусть другие назовут жестокой—
Я тебя любовью назову.
Пусть же ныне—иначе твой голос
В каменных раскатах разнесло,—
Но в далеких городах и селах
Понял я другое ремесло.
Знаю—хорошо уметь стихами
Рассказать и радость и печаль,
Хорошо сырыми вечерами
Синие туманы повстречать.
Слышать сквозь просторы кочевые
Пересвист стального колеса,
Эти песни выросли впервые
На полях, где сумрак и роса.
И вглядишься ль просто и сурово—
Все кругом становится ясней:
Мне теперь уже послушней слово,
Сердца бой—уже послушней мне.
Что ж, родные радости и дали
И родные сумерки рябин,—
Вы мою улыбку разгадали—
Я навеки ветер полюбил.
Вот я вижу это и другое,
Все открыто взгляду моему,
Но за годы голода и горя
Я годов покоя не возьму.
Милая, поймешь ли, по раздолью
Правду этой песни не развей,
Ты, меня наполнившая болью,
Тоже стала радостью моей.
Может быть, почувствуешь такое,
Приникая к бьющему ключу...
Помнится суровое, крутое,
А другого детства—не хочу.

С. ОБРАДОВИЧ

Вечернее предместье

За огородами косолапо
Бредут проселки и стада.
Предместьем зад—назад на запад,
Как маятник—поезда.
Закат—как на плакате дьявол—
Сгорал. Шли сумерки толпой,
И месяц в облаках кудрявых
Мерцал серебряной серьгой.
Смех от бассейна струйкой бодрой..
Дни через край и впопыхах,
Как переполненные ведра
У молодости в руках.
Тих у калиток бабий отдых,
И „сонником“ и „Беднотой“.
Над крышами желтеют звезды
Подсолнечною шелухой.
Гам на углу: на красных ставнях
Во фраке с пенной кружкой рак,
В окне—глаза темнее камня,
В дверь—под гармонику трепак.
Пустырь. Цыгарок стайкой трепет.
Гремят у пыльного куста
О Коминтерне и декрете
Грузчик, литейщик и кустарь.
Им всем покладистее грузы,
Чем слово грузное пред толпой.
Но веяло от слов и блузы
Рудой, упорством и борьбой.
Уж полночь. Колокол заохал.
Туман бродягою в кусты.
Зевнул засов. Чертополохом
Ворча, затих пустырь;
Пустырь,
Где детство—как ему ненастье;
Где—помню—бой кулачный в кровь,
Где в первый митинг сердце настежь;
Где первую я сжег любовь...
Далекий выстрел. Лай собачий.
Роняя жар - перо, звезда
В даль пала с Млечного куста.
Ночь грузным маятником, маячат
Бессонные поезда.

НИКОЛАЙ БРАУН

Степь

Сметает ночь последний пепел
За освеженный горизонт.
Он встал—росой размякший ветер,
Широкий чуя перегон,
И прямо в степь размах наметил,
И зашагал...
Ты слышишь вызов
Огней, бегущих по карнизам
Ослепших мазанок? Ты чуешь—
И слух на память шевелит,—
Как, в ночи южные кочуя,
Стучал, хозяйничая, быт
В боях измызганных копыт,
Когда в хозяйские ворота
Московский заново раздел
Врывался в ночь и рвал тенета,
И плуг, оставленный заботой,
Чернел в забытой борозде?
Скупой свидетель переходов,
Стучась крылами о луга,
Ты с нами, ветер, прошагал,
Ты сам захлестывал невзгоды
И в память накрепко зажал
Размокший кровью перевал.
Они туда прошли—копыта,—
Где море ластится в песок,
И голос финского гранита
Об униженных, о забытых
Летел по выступам дорог.
Теперь опять просторны степи,
Широкий воздух и покой,—
И поднят плуг, и межи метит
Иной хозяйскою рукой.
И вот он встал, кочевник ветер,
Идет в дозор очередной,
И, может быть, делам забытым
Он точный выровняет счет,
И к нам, шатаясь, прибредет,
И о степных, о черных битвах,
О славных битвах пропоет.

Рассказ ВСЕВОЛОДА ИВАНОВА.

Рис. худ. В. Сварога.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Садовник настроен элегически.

Война окончилась.

И сразу море стало аспидно-кровяное, цвета запекшейся крови. Кипарисы замерли подле этой кровяной лужи. Их хвоя похожа на шинели, они темно озеленевшие солдаты.

И во вторую половину дня садовник улыбается умиротворенно и оливково.

В первую — он пытается проснуться, сон у него послевоенный, долгий и нелепый, как крымские парки, где рядом с пальмой насадили теперь месткомы огурцы. В первую половину дня морок его жизни запашист и огромен, как цветы магнолии.

Чаще всего в первую половину дня к нему приходит газетчица, продающая „Известия" курортникам и коммунистам, ремонтирующим напряжение. Только она сама, одна в городе помнит, что родом она из славнейших купцов Галицыных, владевших на Урале неисчислимыми рудниками, а в Крыму—неизмеримыми виноградниками. Она, как продолжение сна садовника, рассказывает о своем муже (два года назад расстрелянном отрядами Бела-Куна), что он жив и находится в Тульском концентрационном лагере. Ей бы немного скопить денег, ей бы занять немного — и, странно, как сон, она где-то находит деньги и едет ненадолго в Тулу. Она длиннее и однообразнее своих снов, ей сорок семь лет и множество утеряно ее жизни и ее одежды.

Это и есть тот человек, которого может видеть садовник Кара Дмитриев в первую половину своего дня. Встречаются еще вещи, цветы, оранжереи и дворец.

Прежде чем перейти ко второй половине дня (все движение людей будет там) узнаем, что ныне во дворце эмира бухарского—восточный музей, а в нижнем этаже, где в войну заседала тройка по ущемлению буржуазии—дирижер симфонических концертов дрессирует фоксов. Дирижера зовут Коршуновым, он толст и легок, как волна, он любит маслины, и даже сапоги его пахнут очень странно.

Уходя вечером на концерты, он с сожалением смотрит на дворец и говорит:

— По-европейски жил эмир и уцелел, а другого эмира расстреляли в Туркестане, так тот там восемьдесят жен имел, и все теперь машинистками в Чека служат.

Садовник же не может понять — как он может делить одного эмира на двоих, и поэтому не любит Коршунова.

Зачем говорить об эмирах, когда цветет земля.

Однажды он видел сон и, проснувшись, когда шел к морю купаться, ему долго казалось, что сон продолжается.

Ему виделось, тотчас же по окончании войны, когда люди за свою злость расплатились мором и голодом, кораллово-красный пепел пронесся над садами. Море приняло в себя кровь, деревья

приняли в себя движение войн, а цветы—окраски сражений.

И точно, в порту он видел, как дерево кораблей, шхун и фелюг (над кораблями паруса, как созревшие плоды, напряжены и готовы скатиться в рейд) — дерево несет к граниту набережных: желтоватотелесные груши, желтую достойно созревающую только на островах Японии и вдруг невиданно созревшую здесь мушмалу, яблоки похожие на розы. Запыленные татары везут арбузы, и курносые рабфаковцы осматривают императорские дворцы.

В Севастополе потоплены дредноуты, с бесчисленных фортовых орудий англичане сняли замки и швырнули в море. Никто не ищет замков, но по привычке у бесполезных орудий ходят часовые.

Кара Дмитриев верит своим глазам, он любит свои глаза.

Совершенно неожиданно приходит умиротворенная цветисто-оливковая радость, и садовник даже во вторую половину дня не может понять — чего он ждет и что ему нужно.

Мерная, полноценная тишина, как старинные тюльпаны, вступает в оранжереи, сады и парки. Цепь человеческих дней можно измерить его усталой душой. Цепь наступает легкая и неуловимая, как первая половина его дней.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Восточный размер бытия не создается архитектурой.

Садовника эмир любил за матово-бронзовые плечи. Гуляя парком, эмир любил, опираясь на голый торс садовника, принимать от него розы. Из вин эмир предпочитает коньяк, из женщин—проституток Варшавы, но ярче чем при чтении стихов Саади вспоминались ему туговитые барельефы Персии—при виде курчавой длинной бороды своего садовника.

Но, как заросли бурьяном и месткомским картофелем цветники дворца, так спутано и крестьянинится лицо сына садовника, Павла. Зимой он ходит с портфелем из клеенки. Тело его вдруг вспоминает зиму: оно в шинели, солдатских сапогах—хотя зима здесь всего два дня в году. Летом он почти гол. Женщины его—женщины войны, берет он их быстро. Они приходят и уходят, точно он мчится из селения в селение. „Город же здесь“—он не понимает слов отца и почему он не должен носить шинели. Он изредка приносит отцу деньги и, настойчиво похваляясь революцией, советует отцу искать службы в порту. Оранжереи не скоро понадобятся, и цветы теперь, говорит он уверенно, будут разводить по новой системе.

Отец улыбается:

— Посмотрим.

Сын горячится и кричит о плодовых цветах, изобретенных в Америке. Оттуда теперь идет вся техника, а туда наши идеи, сплоченные Интернационалом. Старорежимникам, даже в цветном деле, остается одна черновая работа. Отец опять улыбается искренне и курчаво:

— Какой я старорежимник, я тоже рад, что нет эмира.

— У тебя осталась цветная закваска, иди в порт.

Теплый ветер с гор поднимает бороду садовника. Распускающиеся глицинии поднимают ему глаза. И цветы и любовь везде одинаковы — думает он. Он несколько раз видел сына с дочерью газетчицы, приходящей к нему в первую половину дня рассказывать свои сны. Никто почти в городе не помнит Галицыных, весь почти город, как любая больница, меняется каждое лето, он знает, что будет стоить любовь Марии Галицыной и каких цветов спросит еще у него сын.

Однажды садовник получает письмо с заграничными марками. Письмо заставляет его вспомнить девятнадцатый год. Многое случилось тогда даже в простой жизни садовника. Зачем бы он теперь стал закапывать на кладбище дрянную шкатулку, она бы стояла теперь на божнице, например, у себя в комнате. Земля была сырая, и, словно всем телом лез туда, с моря шел гнилой запах водорослей. Вечер походил на покинутый трактир. И верно, многие кабаки в городе были покинуты и корабли увозили беженцев за море. Старик Галицын плакал над шкатулкой и все же—почему-то

не взял ее с собой. Из-за этих слез не вырыл, наверное, Кара Дмитриев шкатулку позже и все заставлял себя думать, что гниют теперь там маловажные документы.

Садовник идет в порт встречать пароход. Сгнили документы, и не спросит, может, старик Галицын. Трапы пахнут рыбой и морем. Сколько же ему теперь лет, думает садовник, много наверное лет. Со стариком спускается сестра газетчицы, зовут ее Ксенией Константиновной. „А старуха-то, должно, умерла"— думает садовник и незаметно крестится. Опять вспоминается кладбище и шкатулка. Надо было бы перерыть ее в другое место, сгнила. Почвы теперь злые и на разложение жадные, как эти прошедшие годы.

В бывшей усадьбе Галицыных детский дом, они же решают открыть столовую в городе. Со старой купеческой сноровкой Галицын уютным голоском спрашивает:

— Приезжают ли теперь состоятельные или все бесплатно?

Ночью садовник ведет Галицына на кладбище... Теперь на соседних могилах вместо крестов большие деревянные пятиконечные звезды. Галицын спрашивает шопотом: „без отпеванья коммунистов-то или разрешают". Он стар и рад шкатулке, хотя многому не верит. Ему кажется, что садовник держит за спиной топор, достанет шкатулку и убьет. На рогово-желтое пальто сыплется сухая земля, он ее крошит, крошит. Нельзя же одной рукой держать лопату,—думает он,—но садовник умеет держать в одной руке лопату, в другой—нож.

Такая же мысль, хотя по-другому, приходит и садовнку. Ведь за такие сокровища убивают людей. И чем он быстрее роет, тем ему большим кажется сокровище, ему становится жарко и он пыхтит. Такие же вздохи он слышит и у Галицына.

Старику опасно и тяжело нести шкатулку, но он ее не передает, он торопливо отказывается зайти передохнуть к садовнику. Его ждет Ксения Константиновна и очень беспокоится. Садовнику не хочется настаивать, и он все-таки настаивает.

— Нет, уж я к себе, милый, уж к себе,— бормочет старик.

Придя домой, садовник неизвестно чему пугается. В девятнадцатом году было, ведь, страшнее зарывать, но почему-то не дрожали так руки и ноги и не была в поту голова.

— Ну их к лешему...—шепчет он, ложась спать.

Комната скрипучая, рамы повыбиты— на рамах еще прилип девятнадцатый год.

Кому теперь нужны документы девятнадцатого года?

Ему следует только определять честность, и даже не цену.

ГЛАВА „ТРЕТЬЯ"

Природа умиротворяет только при безделье.

У садовника на пальце появилось кольцо с уральским рубином. И когда он рассматривал или, вернее, радостно чувствовал красную капельку на пальце (алую и честную как его кровь), вдоль аллеи бежала к нему газетчица. Четыре часа дня: что, разве она спит днем, подумал садовник. Солнце сушит и выцветает и так конченное тело. Губы ее в ссадинах и издали голос ее походит на звон цикад.

— Идемте.

Садовник добродушно шутит:

— Какие сны покажете, Елена Константиновна?

Но она почему-то яростно бранит дочь. Садовник с улыбкой думает о сыне и о цветах.

Раскаленная улица несется в раскаленную гору.

Продавщица газет приводит садовника в садик, точно нарочно просыпавшийся вдруг в мыльно-белый жар холма. Стены сухой каменной кладки полуразвалились, за ними видно, как по узкому переулку с тяжелыми вязанками дров идут с гор туземцы. Усталыми распаренными голосами кричат петухи.

Галицын неодобрительно смотрит на садовника и спрашивает старшую дочь, газетчицу:

— Какую черную кошку, матушка, запустила ты меж нами. Это, прямо тебе скажу, нехорошо.

Младшая дочь, Ксения, садится на камни и вытирает сухие длинные руки.

— Не кошка, папа, а „Известия".

— Ксения, я горжусь честным трудом. Про меня весь город знает, чем я занимаюсь, а вот где ты за границей была и где научилась задом так вилять?

— Брось ты, Елена, маленькая что ли? Люди останавливаются и почему-то постороннего человека привела; нехорошо, Елена, нехорошо, какие твои годы. Мы с Ксенией за спокойствием приехали.

Два проходящих мимо черных человечка скалят зубы. Ксения неприметно плачет: ни в одном из писем не писала она, что делала в Константинополе.

Газетчица вся в ехидной испарине, ей хочется дотронуться до сестры, она отскакивает, крестится, она кого-то благодарит.

— Слава тебе, господи, слава тебе, господи, ревешь, ага. Я все могу понять, я все. Я сегодня во сне видала своего мужа, его сослали в Вологодскую губернию, в деревню. Я сейчас...

Она ищет в грязном мешечке записанный со сна адрес. Один только отец не верит ее юродству, он подходит к черным человечкам и шопотом предлагает им проходить мимо. „Сами проходите"—отвечает один из них со злостью.

— Я к ним пришла на дорогу просить, они тут в России на всякий случай ризы золотые и камешки уральские оставляли... я у них прошу. А она, шлюха, шлюха, не дает, на дорогу не дает.

При слове „камешки" все прямеют. Молчаливые человечки с восточной юркостью переглядываются и словно уже пересыпают на ладонях камешки. Теперь мещане на юге говорят не о политике, а о кладах аристократов. Черненькие перешептываются: „графья должно быть вернулись, не перепродадут ли..."

Смородино-черная борода садовника мнется.

— Стыда-то нисколько нету, Елена,— говорит устало отец:—чего говоришь-то, подумай.

— Мне стыдиться воров, мне? Вы все там прокутили, здесь мое оставалось, мне мужа спасать надо, мне к мужу ехать.

Газетчица, с визгом выпрямив пальцы, кидается на сестру.

— Я из горла вырву, жениха на нее ищи... на последние думаешь жениха купить.

Старик отодвигает старшую, укоризненно смотрит на садовника—он думает, что тот рассказал все газетчице. Губы у него удивительно прямые и ко многому привыкли, он не спеша говорит Елене:

— Расстреляли Семена Николаича, давно, мать, расстреляли, теперь нам могилу искать, а ты там какие-то камешки ищешь. Нечего делать тебе в Вологодской губернии и по совести тебе говорю, если не хочешь, чтоб еще за мной туда ехать — не кричи. Пойдемте лучше, чайку изопьем.

— Ничего не дадите?

— Шальная ты, Елена, шальной и осталась. Ну, куда я, скажи ты мне, ходил в эти дни?

Газетчица указывает на садовника:

— Я его привела, чтоб пред ним,—он святой и чистый человек,—богом поклялись, что ничего у вас нет и не на что мне ехать.

— Полгорода на оранье сбежалось. Чай пойдешь пить или нет?... Изволь, поклянусь тебе, всем своим богом поклянусь.

Он морщится и машет усталой рукой.

Тогда садовник сдергивает кольцо и сует его газетчице. Пальцы потные и кольцо долго не сходит. Галицын смотрит на него остро и вместе устало. Елена пытается поцеловать садовнику руку, тогда Галицын торопливо идет к домику.

Петухи продолжают разморенно орать.

У калитки садовник встречает Марусю. На ней татарское платье, и в платье таком я бы сравнил ее с полонянкой. Впрочем, садовник не знает ни о скифах, ни о татарах, ни о генуэзцах.

— Мама здесь?

— Здесь, а Пашку моего не видали в тутошных местах?

— Нет.

Садовник делает широкий шаг и спрашивает:

— В разрыв-траву верите, барышня?

— Это что на Иван-Купала, с папортником?

Она на секунду думает, может быть, о матери.

— Хотела бы поверить.

Садовник делает шаг еще крупнее:

— А мой Пашка совсем никак...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Садовник путается в заключениях.

Пускай люди доживают жизнь так, как умеют, если не вредно. Галицын вместо работы стал искать свой клад, пускай живет на клад. Газетчица на газеты и младшая дочь старика пускай ищет себе мужа. Жизнь коротка и если слабже смог ее сделать садовник — очень хорошо, тугая жизнь — как недозрелый апельсин. Сок его горький и слипает пальцы, и на нем, как на цветном грибе, гибнут мухи. Садовник Кара Дмитриев ходит к морю и ждет, когда Галицын выйдет к набережной в новом платье, чтоб толстая трость хорошо звенела по песчанику, чтоб он твердо и спокойно подошел к столику ресторана и заказал бутылку вина. Садовник оглядывается: в каких шелках ходят теперь женщины. Их пестрые полосатые платья похожи на индусские купола или большие лепестки, локоны их как виноградные кисти.

В новом костюме и отец и дочь будут очень веселы.

Хм, чорт качай, приятно думать, что ты почти подарил мир именитейшему купцу Галицыну. Ведь в России не знают их теперь, но за границей то едва ли забыли. Мало ли туда отправлено было товаров и уральских камней и мало ли оттуда вывезено добра. Очень немало.

Случится так, что обмолвится Галицын в письме или встречному знакомому о честности садовника. Ведь он мог знать, что там лежало золото и камни — мог знать и не вскрыл. Четыре года лежало и дабы не смущать себя, — думал он — лежат там всякие монархического письма бумаги.

Пройдет слава... Ерунда, что стоит слава, когда от наиверной славы Галицыных ничего не осталось. Газетами одна и, бог знает, чем другая...

Так размышляя, выходил садовник к морю, к набережной.

Да, тепло и приятно даже в одежде пройти подле моря.

И вот в один вечер садовник встретил Галицына.

Шел он сутулый, постаревший, с рваным и грязным мешком под мышками. Пахло от него самой дешевой и самой противной рыбой, похожей на чешую, а не мясо, рыбой-камсой.

Прошел он мимо и не поздоровался.

Длинный и крепкий его подбородок зарос волосами, иноземный костюм неумело зашит на локтях.

Э, подумал садовник, бережлив же ты, дяденька, и со своей особой мыслью свернул за ним и так как хитрость человеческую, а не цветную, усваивал туго, то и опросил легонько:

— Константин Константинович, вы?

И вдруг под каштанами Галицын неожиданно остановился и место такое неудобное, в скверике, подле уборной. Запах, леший знает, какой, тут и переспросить никак неудобно.

Наклонился и в самое лицо прошипел:

— Отстань от меня, халуй, ханжа и гад.

Садовник вышел на чистое место.

Море также метет камни.

Волна в таком же запахе легко-тухлого яйца.

— Непонятно доживают свою жизнь люди, — сказал садовник.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Митинг с заезжими агитаторами.

Сын его имел солдатскую привычку как то полновесно махать руками, словно гири зажаты в кулаки. Шел он по кипарисовым аллеям со всей непочтительностью к этому роду дерева. Когда ему было весело, он любил подражать приказчикам, а в Крыму самые подлые приказчики — небо и море продают.

— Папаша, имеете желание итти на антирелигиозный митинг? Будут там московский и симферопольский агитаторы. Туда и Галицыны пошли.

Садовник разгладил бороду и ответил хмуро:

— Я их вчера видал, да нет, не их, а почти его, старика.

— Не об'ясните ли, папаша, зачем они приехали в Россию?

— Жить.

— А зачем уезжали?

Тоже чтоб жить, ведь ты же пристрелил бы.

— Случилось бы, папаша, пристрелил бы. А на сестру газетчицу имеют они придел наводить в мыслях.

— Думаю, имеют.

— А у газетчицы дочь есть.

Кипарисы все-таки походят на солдат, а какие цветы любят солдаты. Русские солдаты не привыкли к цветам.

— Папаша, имеете желание итти на антирелигиозный митинг?

— Пойдете, папаша? Об живой и мертвой церкви будут говорить, а потом обеих их умертвят. Резолюций выносить не будут, и одобрять и порицать можно. Я там оратором записан, меня тоже стоит послушать.

— Ты за какую церковь?

— За такую, чтоб без креста и с красным флагом.

Он хлопает себя по ляжкам, кувыркается по траве и кричит:

— А какой церкви, эмир был?

Садовник гладит бороду. Сын не огорчает его — сам он давно отвык думать о боге, давно со смертью жены оползла красками икона и в девятнадцатом году совсем как то изчезла. В углах то вместо икон паутина. Сейчас ему скорее жаль затянутых паутиной углов, жаль пустоты и старости, оттого то он говорит строго:

— Перестать охальничать.

— Пойдете, что ли?

— Да можно и пойти.

Когда на эстраде показался узкоплечий в желтых очках человек, Павел подтолкнул отца. „Ничего от вашего бога не останется“—шепнул он. Человек ступал неторопливо и к столу, казалось, шел целый час. Говорил он тоже не спеша и видимо привык говорить с крестьянами, потому что часто вставлял анекдотцы и мелкие рассказики.

Галицыны сидели крепко, старик опирался на стенку скамьи словно на всю свою жизнь. Газетчица, видимо, с ними помирилась, на ней была чистая шерстяная кофта. Павел попытался было пробраться к Марусе, но было очень тесно и хотелось ему посмотреть на отца.

— Или был такой здесь случай, граждански и граждане, тянул человечек с помоста: — идет здесь один товарищ по своим делам, в парк, скажем. Паренек молодой, шаг легкий, не слышно его. И видит, совершенно внезапнейше, идут впереди двое, идут, значит, прямо на кладбище. Естественным путем, подозрительно. Паренек за ними и видит: роют. Естественным путем, паренек ждет. Порыли, порыли и обратно и у одного под мышкой тяжеловесный предмет по виду, сундучок. Если сразу потребовать, — двое, — убьют, — кладбище за городом и по промежутку времени. двигается паренек за ними. В городе один, который пустопорожний, отстает, тяжеловесный двигается дальше и только выходит он на одну из улиц, где можно подозревать существование милиционера, товарищ, совершенно сознательно обращается к нему: на минуточку, мол, задержитесь, господин - гражданин. Ночи здесь такие, что у меня вчера калоша спала, я час искал и не нашел. Гражданин подозрительного порядка, ящик, конечно трах об земь и в переулок—куда же побежишь с такой тяжестью. Граждане и товарищи, церковь сошла с политической и экономической арены, все же мотивы и аргументы остались у ней старые. Что же вы думаете было най-

дено в этом ящике. В этом ящике, товарищи, найдены были спрятанные попами золотые ризы, драгоценные камни из окладов, итого из спрятанного от из'ятия в пользу голодающих на пятнадцать тысяч довоенных рублей. Сейчас мы изжили наиболее острые моменты голода, но, товарищи, как бы пригодился этот сундучок в более раний период. Но лучше поздно, чем никогда, и после моей речи, товарищ, нашедший сундучок и суб'ектов, сообщит в связи с этим о своих религиозных убеждениях...

Садовник тряхнул головой, темень шла какая то с затылка. Хотел было спросить какого вида был сундучок и давно ли произошло, но на скамье впереди его увидал он устремленные к нему глаза Галицына. Был в них и упрек, и сожаление, и гнев. Весь мелко одряхляясь, подумал садовник: „а он, ведь, это про меня".

Дальше же произошло самое худшее. На эстраду вышел Павел и, размахивая руками, начал говорить. Лицо у него потное, ворот рубахи по матросски растегнут.

— Силой нашей железной сплоченности нам удалось за такой малый период... антирелигиозная пропаганда и прочее... иду я тогда, товарищи, и вижу впереди по виду будто два попа. Один повыше, поосанистее, на нашего протоиерея походит, а другой мельче, и видно из сана пониже, потому что все время сундучок тащил, а осанистый шел впереди. Как вы после этого им доверять должны, когда точно установлено, что драгоценности из России привезены и таких в наших местах зарегистрировано не было. Может золото это намерены за границу на поддержку заговора против Советской Республики...

Садовник встал и, легонько шевеля пальцами у сердца, стал биться к выходу. Комсомольцы кричали: „к чорту их, обманщиков, в море со всеми принадлежностями". Запах от толпы шел едкий и густой, как от залежавшейся рыбы. И у выхода сказал в лицо какой то девице в красной повязке:

— Брехня, ведь, сплошь брехня и один позор.

На что девица, выставляя мясистые груди, ответила:

— А вы идите на сцену, гражданин, и возражайте. У нас в религиозных областях свобода слова.

Кумачевый платочек слезал у ней на бок, верхняя губа вспотела. Вышел садовник на крыльцо.

День, как всегда, жаркий и светлый.

С моря, как всегда, жаркий и светлый ветер.

Одинокая фелюга медленно, будто в последний раз, уходит в море.

Трудно понять даже фелюгу и ветер.

А еще труднее понять человека.

День в море, как одинокая фелюга с одиноким ничего не понимающим человеком.

И день близок телу как сын.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Свершившееся на берегу моря, чаще же в России свершающееся на берегах рек.

Рядом с дворцом эмира бухарского, в саду, заросшем молодым дубняком, одиноко, без ограды стоят чугунные ворота. Там по черной жести написано белым:

„*Спите орлы боевые*".

То же самое по-татарски и еще ниже:

„КЛАДБИЩЕ КОММУНАРОВ".

Колыхается черное знамя — „жертвам моря", музыканты едят груши. Садовник спросил останавливаясь:

— Кто утонул?

— Петербургский комсомолец, купался и—судорога.

Газет садовник не читал никогда, значит речь оратора-коммуниста не напомнила бы ему газета. Впрочем, что ж тут дурного, если газетами определяется зачем человек живет.

Оратор отряхивался так, словно выплыл из моря. У него отцветшие растрепанные волосы.

Похороны напомнили ему вчерашнюю девицу в кумачевом платке. Потом он вспомнил Марусю и дальше Павла. У газетчицы, с трудно запоминаемой фамилией Галицыных, одна лишь дочь. Жаль, что исчезают купеческие поколения: у них, да у попов крепче всего была семья и семейная любовь.

Мысль о возвращении домой и особенно по кипарисовой аллее, больно защемила его сердце. Садовник никогда не садил кипарисов, а сын вырос солдатом: грубым, безжалостным и веселым.

Садовник, через отягченные зноем улицы, шел к голому камню моря. Издали музыка звучала отчаянно — словно музыкантам наплевать на смерть так же, как и на жизнь. Да и похороны не понравились ему: провожавшие держались суетливо, будто в канцелярии без начальства.

Восемь лет он носит одну и ту же голубоватую визитку с плеч эмира и мелкую соломенную шляпу. Утром, надевая визитку, он заметил, что она совсем обветшала под мышками. С непривычных мыслей человек часто потеет.

Цикада из-за камня старается перестрекотать галечник, сыплящийся под его голубую тень.

Берег укорачивается и скоро пойдут императорские парки. Ослик, подаренный молодому императору итальянским королем, развозит теперь совхозское молоко. А когда то с парохода ослика встречали почетным караулом казаки и в имение вели его с музыкой.

Внезапно размеренный стрекот галек рушится.

Он смотрит в море.

Какое ему дело — почему разрушился размеренный стрекот галек.

Конечно же нет, он делает вид что смотрит в море. У него нет своих мыслей и он рад бы был проходившим людям. Он подумал бы о их одежде, обуви, манере итти.

Конечно, часто море пахнет по разному — но ведь у него есть цветы и надо бы найти человека, который бы смог рассказать как пахнут в полдень и как вечером цветы и когда их надо рвать.

Из-за глыб желтовато-сурикового обрыва выходят. Он не глядит на них, но по галькам можно узнать развязную живую и простую походку мужчины и женщины, не чувствующей зноя, переполненной собой, поигрывающей плечами, телом.

— Здравствуйте,—говорит садовник.

Если они ответят, он обернется вполную и будет говорить с ними. Теперь им, конечно, хочется говорить.

Женщина, не замечая его, морщит гладкую кожу лица и досадливо предлагает спутнику.

— Оправился бы.

— А, ну-у?..

Здесь садовник оборачивается.

Это сын его Павел и дочь газетчицы Галицыной, Маруся.

Похлопывая себя по бедрам, Василий хохочет. У него толстые хрящеватые и неумеренно открытые ноздри.

— Ты, батя, как тут? Ты место для рыбалки подыскиваешь? Здесь наметкой надо, вон — кефаль идет.

Он гладит покатистые плечи женщины и нюхает крутой воздух.

— Кефаль, — повторяет он, поискивая что то губами.

Женщина полнокровно краснеет, глядя на кефаль. У ней свои мысли и едва ли она видит выпрыгивающих из волн рыб. Садовнику жаль ее.

А Павел, поигрывая бровями, говорит:

— Мне место хорошее в совхозе дали а, вообще, помимо этого намерен с Марусей советиться браком. Помимо идеологической разрухи по всему фронту, уходит она от матери. Качаем, Марусь, домой.

— Павел, обожди.

— Чего?

Павел потер себе ребра и сказал весело-устало:

— Упарились, лучше после переговорим. Тут море чище спирта действует. Если ты канитель насчет отцовского права, то я тебя заранее предупреждаю, лучше брось. Старуха у ней тоже бросила и ушла к своим.

Садовник проговорил покаянно.

— Я о другом.

Сын отошел к обрыву и сел.

— И говорить нам, папаша, не о чем. Хотите вас в порт устрою или в совхоз, даром хлеб есть не придется. Пустячьем жизнь заросла, вот и бродите потому. Уйдете из дворца и все будет окончено. Если так по духовному вам сказать, тени в вас бродят. Мы же многие предрассудки прощаем, простится и вам.

Садовник покривленно глядит на женщину.

У ней пожолклые упорные глаза и ползуче размышляющие ресницы. Она по-

ощрительно прислоняется плечом к Павлу, тот же словно разлезается голосом.

— Оранжерейному существованию амба.

Садовник размолото переспрашивает ненужное слово:

— Амба?

— Значит, аминь.

Павел размахивается и с силой хлопает женщину по бедрам.

— А там то старик знает, насчет сундучка?

— К чему нелепые вопросы, когда я всенародно митинговал. Его счастье, что я тихий и не донес, а то бы закатили показательный процесс из вас и как через перекрестный вопрос дернули, не стали бы камушки в воду пошвыривать.

Они, грубо по солдатски обнявшись, подымаются в гору.

Садовник бросает гальку в зеленую густую, как сало, волну.

К ногам его море все больше и больше подкатывает галек. Крошечные крабы тоже походят на камушки. Мыслей своих так же, как галек, не сосчитать и не омыть слезами.

Подойти бы и подсказать самую главную. Война не окончилась.

А что это об'яснит и к чему поведет. События идут по своему, как эти двое в гору.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В рассказ вновь вводятся элегические настроения.

В заплатах, еще более старящих его тело, бегает городом старик Галицын. Дочь его Ксения сытно кормит пансионеров, но их меньше и они ищут и стол и женщин грубее и дешевле. Ночью, ложась спать в грубые сбитые из плах кровати, они укоряют друг друга.

— Здесь и даром женщин много и газеты твои, Елена, никто не хочет читать.

— Не мешай мне видеть сны, может быть мне еще будет указание о моем муже, он бы нас тогда избавил от всего.

— Отец думал, кончится в России константинопольское, у нас имение рядом и все нас знают и еще с чахоточными, с чахоточными... Я, Елена, хочу в Москву.

— Везде одинаково, не мешай спать, мне снятся везде одинаковые сны.

И шопотком-шопоточком, дабы не разбудить отца, длинными константинопольскими и портовыми словами она бранит садовника, его сына и Марию, прельстившуюся кучерским крепким телом. Любовь должна быть вязкой и редкой, а эта, кучерская, быстра и горяча, как вспыхнувшая береста.

Город же в жаре, жгучими каменными уступами пытается преодолеть и походить на горы, на яйлу. Уступы его, как лестницы в горы. Владычествующие рабы стоят на лестницах. Замки, имения и дачи господ взяты усталыми от войны людьми. Их много усталых, вся страна. И только эта усталость мешает им превратить горы в сплошную лестницу, дабы отдыхать всем.

Пока они выростили один цветок.

Огромное красное полотнище над белыми плитами плоских домов.

Только один этот цветок создали рабы. И этими розами увенчали себя.

Так мог бы думать садовник, бродя в плоском, как черепаха, городе. Но мысли его безличны и безглазы, подобны арабским плетениям. Кольцо его с уральским рубином продается в комиссионном магазине и ошелкованные курортные дамы примеряют на пухлые пальцы. Куртины садовника в исправности. Дикие лошади на привязи. Все же зарево сражений чувствует его старое сердце. Потому и мысли его как ворох опавших листьев — остались одни запахи. Море зеленовато-пепельно-серое. Каштаново-коричневые горы. Пахнут смолой и серой камни. И словно зеленый лепесток над ними небо.

Мне ли не воскликнуть здесь:
Кони ржут в полночь!
Осмотри седла свои, человечество!
Потому что война не окончилась, война приближается!

Мраморная доска у ворот дворца и выбитая золотом надпись:

„Сейд Саад Шифи эмир Бухарский",

Экскурсанты карандашами чертят на ней фамилии и одну из них „Редиска

Федор" — садовник стирает. В ограде дворца нелепо размалеванные артисты разыгрывают ленту-агитку „Крушение старого мира". Толстый в сером костюме режиссер кричит:

— Приготовьтесь, товарищи... Но, бегите, бегите — снимаю!

Оператор торопливо свертывает на катушку людские страсти.

— Вы садовник? — спросила его актриса.

— Да.

— Нельзя ли мне чайную розу?

— Чвы грите, товарищ садовник?.

У оранжереи она начинает жаловаться: платят меньше, чем прачкам, а сниматься в жару гонят по пыльному шоссе за пять верст, в Ливадию, например. Вдруг, сгорая от любопытства, краска на губах:

— Правда ли во дворце не могут найти пять замурованных комнат?

— Пустяки, сударыня.

— А ведь теперь очень скучно.

Впрочем, она позже говорит всем по секрету: садовник ей сознался, что очень скучно, но что он знает, есть замурованные комнаты и в них кораны (весной здесь татары очень ценили кораны).

А сцену царского приема помогает ставить опытный человек, — Галицын. Дабы заплатили ему больше, он лжет о родстве своем с светлейшими Голицыными, и что для большевиков вместо „о" вставил „а" в фамилию. У него совсем неподвижное и цвета юфти лицо, режиссер, утешая его будущим, нерешительно дает ему роль дворецкого.

— Не все сразу, не все. У кино в республике огромнейшие возможности, и у нас с ним вместе.

Заметив садовника, Галицын просит удалить посторонних.

Режиссер, вытирая полотенцем потные скулы напыщенно вопит:

— Посторонних просим разойтись. Граждане, уважайте труд!

Рука тощая, жилистая, а карандаш в руках подошедшего словно выросший вдруг зеленый стручок. Он, мотая прикрытым очками лицом, тараторит:

— Стекла мхом переложите да осторожно. Гвозди и ящики, тесин не колоть, я их мелом, карандашом перемечу. Оставить ту часть, которую садовник и, вообще, комиссия.

— Позвольте заметить,—говорит с порога Кара Дмитриев: — оранжереи все ценны, а не часть их... я ничего не могу делать в части. Вы вот смотрите, здесь у меня русская роза.

Карандаш облетел вкруг его лица, словно видел он не глазами, а этим зеленым стручком.

— Чвы грите, товарищ садовны... мы все, мы все предусмотрели... рекомны с такими вопро обращать в отдел охраны памятников старины и лесов.

— Старина? Цветы — старина?

— А вы как дума, твры садовны. Безусловно старина, экономическая натуральная старина. Сейчас порд дня — временно историей — экономиче строите. Оранжереи на постро барака для ремонта трудя, очень ясно. Выгодны оранжере оставляем, как зубров или продажу нэпманам. Да. Понадобились цветы, когда ломается лазарет, барак и превращается в оранжереи, чрезвычайно просто эконом...

Поклонился, приказал стручком.

— Прщ... немедл ломать за исключе садовником указа...

И также быстро, глотая шаги, как слова—исчез.

Плотники не спеша сели на корточки подле крыльца.

— Сколько жалованья то получаешь?— спросил один у садовника.

— Так, живу.

— Так чего же тебе беспокоиться?

Самый младший устало заметил:

— Стекла наломается множество.

— Да, стекла хватит, — подтвердили все.

Рухло, плевок через плевок, сплюнули. Еще поговорили о стеклах и об эмире („расстреляли, сказывают, а может и удрал. Крепкий был мужик, сколько девок по Крыму перепортил") и, нарвав по букету роз, ушли, пообещав начать завтра после обеда работу.

А вечером стекла оранжерей налились синью и переплеты рам вдруг стали словно черные жилы. Рябь пошла по цветам и воздух стал будто морская вода.

Садовник шел меж кустов.

Много цветов засохло. Паутина вверху походила на медуз. Ноги его тяжелели, он задыхался, хотя запаха цветов почти не чувствовалось. Губы же ощущали соленый привкус. „Будто аквариум"— подумал он.

И верно — цветы походили на водоросли. Их посинелые длинные стебли и не по-русски огромные толстые, изнеженные листья, чуть задевая его плечи, будто уплывали дальше. Осыпающиеся, без запаха, лепестки подымало выше, к отсутствующему солнцу, на поверхность вод. Поломанные чугунные скамейки, без спинок и сидений, словно рифы.

Он натыкается на них и рвет себе платье и руки.

„Отделу памятников старины сказать надо" уныло шутит он о своих порезах. Он идет широко размахивая, словно гребет. И сам он здесь словно большая больная рыба.

Он бродит до того, что начинает ощущать голод. Парк эмира в дубах, магнолиях, кипарисах, олеандрах. Во всем парке, словно нарочно, нет ни одного плодового дерева. Будто эмиру не хотелось есть. На цветы жить трудно, их покупают плохо. А сломают оранжереи, тогда как? И сейчас только он видит испуганно: почти все оранжереи пусты, засохли или увяли.

Запахи цветов, которыми он гордился больше, чем запахами моря — запахов цветов нет давно.

Как давно — ему трудно вспомнить. Стоит ли думать о том, что до приезда Галицына или позже?

Будет кормить сын в совхозе? Его! Садовник улыбается рыхло и почти пусто.

Эмира нет,—он мертвый садовник. Его мысли, которые он думал здесь недавно еще—мертвые мысли, как запахи цветов, которыми он будто был наполнен. Мертвые цветы и запахи убежали за своим владыкой.

Сын ушел, да и приходил ли он? У сына не дом, а казарма, а в казарму ходят в гости по воскресеньям.

Выкапывая шкатулку, вместо нее закопал он свою душу. Или выйдет иначе.

Не выходит иначе. По нему также, как по дворцу эмира, придется экскурсировать и об'яснять, чего не знал ни эмир, ни творцы дворца, ни слуги его!

Пустоту-ль создавали дворцы?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Заключительная зелень строк, но не мыслей.

Он рядом с рубахой кладет в мешок остатки хлеба, три огурца и какую то растрепанную книжку (в детстве и позже он много читал книг, а весной говорил с эмиром не о книгах, а о цветах). Вещи ложатся неуютно в котомку, словно щепы.

Затем он пишет заявление в домком, приклеивает его к замку своей комнаты. Ничего об'ясняющего нет в заявлении. И, наконец, он заменяет восьмилетнюю соломенную шляпу забытой фуражкой сына. Шея у него короткая и жилистая, курчаво-бородая голова круто и твердо посажена, походка его уверенная, шаг большой, громкий и быстрый.

И вот он теперь на винограднике.

Четыре кизиловых палочки твердо держат накиданные на них ветви. К вечеру под шалашом сгущается тень, и земля

пахнет селитрой. Хозяин его, арендатор виноградника, губастый грек, важно опираясь на шалаш, говорит спокойно и размеренно:

— Я люблю, чтоб у меня один сторож жил. И ему расчет быть одному—жалованья больше, а мне — сожрет один меньше. Ну, сегодня десять фунтов винограду, ну, завтра десять, а потом и два фунта будет тяжело жрать. Ты только с хлебом не пробуй.

Вот сторож Кара Дмитриев проходит мимо лоз, связанных парами (виноградники возделываются впервые после войны и шестов для подвязыванья лоз не хватает). Внизу, на склоне гряды, виноградники переламываются и среди зелени показывается земля. Она приветлива, приятна и похожа на пролитое вино. Грозди пахнут еще листьями лоз. Ореховое дерево растет подле шалаша сторожа. Плоды его бессознательно грубы и почему то глазу приятно на них отдыхать.

Кара Дмитриев тревожно, тоскливо и ничего не понимая, улыбается. Веки его окружены фиолетовыми кругами и матово-странно его лицо.

Он смотрит вниз по склону. Первые половины дней — окончились навсегда, сны его исчезли.

Шоссе среди виноградников пустынно.

Почему никто не идет?

Какие и чьи солдаты будут пить вино с этих полей? Повезут ли они оружие или иконы, или на порогах своих домов будут избивать отцов или будут без ответа призывать их? Или опьяненные вином создадут новые дворцы и призовут сюда своих новых садовников? За виноградниками ленивое, наполненное скрытым сладострастием море. На море такие же, как здесь по склону, гряды. Дельфины прыгают, сторожат плоды моря от детей и птиц. Но дорога пустынна, она тщетно ждет пешеходов, и деревья, тщетно наклоняясь, тщетно пытаются, подмести ее.

Пустота и пустыня в сердце земли — в вине и в человеке.

ВСЕВОЛОД РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Мой лес

Он стонал, чернорукий и дикий,
Но не даром мой сон сторожил —
Для огня и для бури великой
Я высокие песни срубил.
Если рушат смолистые срубы, —
Ветровое похмелье поют.
Так врезайся пилой жаркозубой
В сердцевину столетнюю, Труд!
Пусть, шатаясь в ночи по болотам,
Можжевельником корчась в огне,
Будет прошлое совьим полетом
Биться со слепу в шумной сосне —
Ты ведь знаешь, качаясь веками,
Что смолистые, гордые сны
Узловатыми тянет руками
Каждый пень из твоей глубины.
Торопи же разбойные силы,
Грозовую вершинную дрожь,
Если родине, сызнова милой,
Земляной слепотою поешь.

9-ое Января 1905 года

1. Положение рабочих и рабочее движение перед 1905 годом.

1900 — 1902 годы были годами тяжелого промышленного кризиса. Мелкие предприятия закрывались. Более крупные сильно сокращали производство, рабочих увольняли сотнями и даже тысячами. Оставленным рабочим сильно уменьшали заработную плату. На многих фабриках сокращали число рабочих дней до 2—3 в неделю. Страдали все промышленные районы России, всюду масса безработных. Предприниматели спешили использовать безвыходное положение рабочих и бесцеремонно усиливали эксплуатацию рабочих. Рабочие отвечали на это стачками.

Но стачечное движение в эти годы приобретало особый характер по сравнению с прошлым. До этих пор было так, что во время промышленных кризисов на нажим предпринимателей рабочие отвечали стачками, не будучи в состоянии вынести ухудшения своего и без того тяжелого положения. Число стачек во время промышленных кризисов увеличивалось. Предпринимателям стачки во время кризиса были на руку, ибо они в это время стремились к сокращению производства; предприниматели ни на какие уступки стачке не шли. Во время промышленного оживления изголодавшиеся рабочие стремились подработать, неохотно шли на забастовку. Предприниматель, с своей стороны, в это время боялся забастовки, делал мелкие уступки, не подавал поводов к столкновениям, дорожа каждым часом работы каждого станка. Число забастовок в годы промышленного под'ема уменьшалось. Таким образом, забастовки носили стихийный, малосознательный характер. Рабочие усиливали наступление при невыгодных условиях для себя и выгодных для предпринимателя — и, наоборот, отступали тогда, когда об'ективные условия были выгодны для их нападения на фабриканта, и невыгодны для него. Момент стачки не выбирался сознательно рабочими с расчетом на наиболее выгодную для себя обстановку. Как общее правило, стачки усиливались в неудачное для рабочих время. Становилось окончательно невтерпеж — и рабочие бастовали. Надо было ждать, что когда рабочий класс станет более сознательным, он станет выбирать момент открытого боя своему противнику, и характер стачечного движения изменится в обратную сторону: стачечная волна будет увеличиваться во время промышленного под'ема и уменьшаться во время кризиса промышленности.

Так именно и было в 1900—1904 г.г. Во время промышленного кризиса 1900—1902 г.г. число стачек уменьшилось, стачечная волна пала. В 1903 г., с оживлением промышленности, стачечная волна сильно поднялась, а в 1904 г., с новым кризисом промышленности, вновь пала.

Число стачек с 1899 по 1904 г. было: 189, 125, 164, 123, 550 и в 1904 г. меньше сотни. Тут уж прямо видна сознательная боевая тактика рабочего класса. Рабочие старались воздерживаться от стачек при невыгодных для себя условиях промышленного кризиса и бросались в бой, когда обстановка была невыгодна для противника, и противник вынужден итти на уступки, чтобы скорее выйти из боя и приступить к работе. Предприниматель, которому промышленное оживление после застоя давало возможность вернуть потерянное за время застоя, стремился развить производство и шел на уступки рабочим, лишь бы скорее приступить к работам.

Развившаяся к этому времени сознательность рабочих характеризуется и тем, что стачки начинают сопровождаться открытыми массовыми выступлениями—сходками и демонстрациями. Причины стачек остались прежние — экономические. Но каждая стачка, неизбежно кончавшаяся вмешательством полиции или даже воинской силы и нередко жестокой расправой, показывала рабочим на опыте, что экономическая борьба, отстаивание своих экономических интересов без политических свобод, невозможна.

Пропаганда существовавших в это время социал-демократических организаций способствовала выяснению положения.

В с.-д. кружках шла борьба двух течений. Одна часть говорила, что борьба рабочих должна ограничиваться борьбой за экономи-

ческие улучшения, что при столь неравных силах рабочего класса и самодержавия нечего и думать вести борьбу за завоевание политических свобод („экономисты"); другая часть говорила, что без завоевания политических свобод нет и не может быть экономических завоеваний, и борьба политическая должна быть для рабочего класса на первом месте. Последнее „искровское" течение взяло верх над „экономизмом", и с.-д. всюду перешли к политической агитации, лишь основывая ее на картинах экономического положения. Во многих промышленных центрах с.-д. издавали свои периодические органы (Петербург, Киев, Харьков, Нижний, Саратов), которым, впрочем, не долго удавалось существовать из-за преследований жандармерии. Издавались также прокламации и листки. Типографии подвергались, конечно, жесточайшим выслеживаниям охранки. В течение одного 1904 г. была арестована 21 типография.

В эти же годы рабочие стали выступать и прямо с политическими демонстрациями. Так, в 1901—1902 годах рабочие Петербурга и ряда других городов устроили первомайские демонстрации. В некоторых районах Петербурга при этом были крупные столкновения с полицией и даже с войсками, доходившие до баррикад и уличных боев. На Обуховском заводе в Петербурге в бою с полицией и войсками участвовало до 3000 рабочих. Были убитые и раненые. Возникло известное громкое „обуховское" дело. Был суд, который, конечно, жестоко расправился с „виновниками"—рабочими. Это дело нашло себе отклик не только в России, но и за границей. Международное социалистическое бюро выразило сочувствие русским рабочим в их борьбе с самодержавием. Крупные первомайские демонстрации имели место и в 1902 г. во многих промышленных центрах—в Нижнем, Саратове, Вильне, Минске, Екатеринославе, Кременчуге и т. д.

Крупные демонстрации с кровавыми расправами над рабочими имели место в 1902 г. в г. Батуме, где рабочие заступились за уволенных рабочих. Убито было 14 и ранено около 80 рабочих.

В эти же годы происходили в разных местах стачки железнодорожных мастерских. Движение жел.дорожников приняло большие размеры, ввиду их сознательности и независимости от промышленных кризисов. Выступления железнодорожников были настолько серьезны, что в конце 1902 г. правительство образовало „Особое совещание" для борьбы с ними. Пред'явленных железнодорожниками экономических требований совещание не удовлетворило.

Наконец, стачечное движение проникло даже в среду сельско-хозяйственных рабочих—на Кубани в 1902 г.

1902 год закончился знаменитой стачкой в Ростове-на-Дону, тянувшейся 3 недели, с крупными сходками, в которых участвовало до 30.000 человек.

В 1903 году было оживление промышленности, и рабочий класс бросился в бой. Стачки сильно возросли, разлились по всей стране, принимая местами характер всеобщей стачки — на Кавказе и на Юге России. На бакинских нефтяных промыслах бастовали около 45.000 рабочих. Вслед за бакинской начались забастовки в Тифлисе, Батуме, затем в Киеве, Екатеринославе, Елизаветграде, Керчи, Николаеве и т. д. В Киеве, Екатеринославе, в Керчи и на ст. Михайловка были столкновения с войсками—были убитые и раненые. В Киеве и Одессе рабочие для прекращения движения ложились массами на рельсы. Затем стачки пошли па Западе и в Москве. После многих забастовок были расправы судом, административной ссылкой и пр.

Все эти стачки, расстрелы и прочие правительственные расправы будили сознательность рабочих, а иногда вели и к стойкой организованности; так, в Баку в 1904 г. рабочие так сорганизовались, что предприниматели вынуждены были пойти на небывалую уступку—заключить с ними коллективный договор.

В 1903 году был созван II с'езд Российской социал-демократической рабочей партии. На нем были представлены 22 русских организации. С'езд утвердил программу партии. Здесь произошел раскол по организационным вопросам на 2 фракции—большевиков и меньшевиков.

В это время охранка надумала взять рабочее движение в свои руки и руководить им по своему усмотрению, посредством создания рабочих организаций с поставленными во главе своими людьми.

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению, приведем несколько картин из житья-бытья рабочих этого времени.

В 1897 году мы обследовали жилищные условия рабочих на вольных квартирах

в одном фабричном селе Костромской губернии близ Иваново-Вознесенска. 62% рабочих имело площадь пола от 1/5 до 2/3 кв. сажени на 1 чел., 20% рабочих располагало площадью от 2/3 до 4/5 кв. сажени и 8%— до 1 кв. сажени; в среднем 0,6 кв. саж. на 1 чел. Куб. содержание воздуха было: для 37% до 1/2 куб. саж., для 39%—от 1/2 до 4/5, для 11%—до 1 куб. саж.; в среднем— по 0,6 куб. саж. на 1 чел. Заработная плата (ткача) 8—10—12 р. в месяц.

Другое наше исследование, относящееся к фабричным рабочим г. Шуи и произведенное в 1899 г., показало, что фабричная работница к 40 годам изнашивается и выбрасывается с фабрики. Только 7% женщин-работниц было старше 40 лет. Это же исследование показало сильное вымирание детей фабричных рабочих. Из 100 родившихся 43 умерло до 1/2 года, 9 от 1/2 до 1 г., 10 от 1 до 5 л. и 2 от 6 до 10 л., всего 64. Между тем, смертность детей в Европейской России, в возрасте до 1 года, была около 29 из 100 родившихся. Смертность грудных детей фабричных рабочих почти равна смертности их среди подкидышей Московского воспитательного дома.

Такова цифровая картина.

Приведем описание без цифр. Оно относится к обследованной нами в 1901 г. жизни и работе рыбопромышленных рабочих дельты Волги.

„Жилище промыслового рабочего. Десяток конусом расставленных, вверху связанных жердей прикрыт стоймя и очень жидко пучками камыша; камыш далеко не доходит до вершины конуса, и конус вверху раскрыт. Сбоку оставлено для входа маленькое, в половину роста человеческого, отверстие—щель: в него можно войти, только вдвое согнувшись. В таком шалаше (по местному „шиш“) живут от 12 до 20 человек. Они спят на чуть-чуть прикрытой камышом земле, головами к окружности, ногами—к центру. В центре, у ног рабочих, висит котел для варки пищи и чаю. Ветер подымает из-под котла тучи пепла и сору, слепит глаза, засыпает пищу. В таких „жилищах“ живет в дельте Волги много тысяч промысловых рабочих. Назвать такой „шиш“ жилищем, конечно, никак нельзя. Жилищем в простейшем его виде называется искусственное помещение, защищающее человека от влияний внешней атмосферы. Камышевый шиш, в котором рыбопромышленник помещает своих рабочих, никого ни от чего защитить не может“... „На некоторых тонях мне приходилось встречать такие „постройки“: маленькая в полроста человеческого вышиной и в рост человеческий длиной камышевая конурка. Сбоку — маленькая щель для влезания. В каждой из этих удивительных лилипутских построек, через которую можно перешагнуть, живет 3—4 человека. Сидеть в них нельзя, можно только лежать. Чтобы влезть в конурку, надо предварительно распластаться на земле... Котлы для варки пищи помещаются в обыкновенных „шишах“. Рабочие ходят туда есть и затем идут отдыхать „к себе“. Признаюсь, когда я в первый раз очутился среди этих „построек“, я был немало смущен. Я стоял, как Гуливер среди лилипутов, среди целого поселка (штук 20) таких крошечных „жилищ“. Среди них высилось несколько „шишей“ в качестве „общественных кухон и столовых“... Вообще, положение свежего, постороннего человека, попавшего в царство рыбных промыслов, в высокой степени странное. Человек этот имеет общее представление об общеизвестных предметах: жилище, кухне, больнице и пр. Но вот попадает он в царство рыбных промыслов. В качестве жилища ему показывают камышевый „шиш“ или полуразрушенный камышевый сарай без пола, потолка и окон; такой же сарай с висячими котлами называется кухней; клетушка камышевая без пола и печи называется заразным отделением и т. д. Свежий человек недоумевает, теряется. Не насмешка ли это? Да, это насмешка, издевательство над человеческим разумом, над человеческим обществом“... [1]

Описание положения рабочих в России было бы далеко не полным, если б не сказать о существовавшем к этому времени рабочем законодательстве.

Если не вдаваться в исторические изыскания, когда законы о фабричных рабочих писались и оставались полностью на бумаге, то первым рабочим законом был закон 1 июня 1882 г.—„Правила о работе малолетних на заводах, фабриках и мануфактурах“. Проект этого закона 23 года странствовал по разным комиссиям. Этим законом воспрещен прием

---

[1] *И. С. Вегер.* Положение рабочих на рыбных промыслах дельты Волги. „Русское Богатство“ 1902 г. Май.

на фабрики малолетних до 12 лет, а работа подростков от 12 л. до 15 л. ограничена была 8 часами в день, и совершенно воспрещена им ночная работа. Закон этот увидел, наконец, свет потому, что в течение нескольких лет перед этим происходили значительные рабочие волнения — Петербург, Варшава, Орехово - Зуево, Донецкий бассейн. Кроме того, сокращения рабочего времени и ограничений для детей, подростков и женщин давно и настойчиво добивались петербургские фабриканты — текстильщики, конкурировавшие с фабрикантами Московско-Владимирского района, где женский и детский труд был очень сильно развит, а в Питере и его окрестностях он был мало распространен. Опубликованный закон был по ходатайству фабрикантов отложен введением на 2 года. Часть закона имела значение временных правил—до 1890 года. Для надзора за соблюдением закона были введены фабричные инспектора. Но число их было крайне незначительно: напр., на Харьковский округ был 1 фабричный инспектор с 2 помощниками. Права инспекторов были, при том, весьма ограничены, власти никакой они не имели. Только в 1885 г. им дана была власть по осуществлению надзора за исполнением законов.

3 июня 1886 г., после ряда рабочих волнений 1884 и 1885 г.г. был издан закон об условиях найма рабочих. В 1890 г. закон о труде малолетних, подростков и женщин был издан в окончательной форме. Но он был значительно хуже закона 1882 г.

Такова длившаяся 31 год история закона об ограничении труда малолетних рабочих.

Стачки 1893 г. в Шуе, Егорьевске, Харькове, Ростове-на-Дону и Петербурге, стачки 1894 г. в Минске, Вильне, Тифлисе и Петербурге и, наконец, стачки петербургских текстильщиков в мае—июне 1896 г. и в январе 1897 г. дали в результате закон 2 июня 1897 г. о нормировке рабочего дня—сокращение его до 11½ ч., с ограничением сверхурочных работ до 120 часов в год; последнее ограничение было через несколько месяцев отменено.

Стачки 1901, 1902 и 1903 г. дали закон 2 июня 1903 г. о вознаграждении потерпевших на работе рабочих.

Так русское рабочее законодательство шло все время одним путем: рабочие волнения,— усиления их — рабочий закон. Закон появлялся ничтожный и потом циркулярами сводился почти на нет. Таково было царское рабочее законодательство. (И. С. Вегер. „Охрана труда").

Таково было число и качество законов, ограждавших интересы рабочих к этому времени.

2. Департамент полиции берется направлять рабочее движение.

Когда в Германии рост рабочего движения достиг значительных размеров, правительство, стремясь ослабить движение и привлечь рабочих на свою сторону, развило широкое рабочее законодательство.

Когда во второй половине девяностых и в начале девятисотых годов рабочее движение достигло в России больших размеров, царское правительство оказалось неспособным понять исторический ход развития и принять в своих интересах меры, которые соответствовали бы требованиям и условиям времени,—меры законодательной охраны труда. Правительство приняло выдвинутую из недр охранки идею овладения рабочим движением путем создания при посредстве охранки рабочих организаций со своими людьми во главе. Эти рабочие организации со своими людьми из охранки во главе должны были заступаться за интересы рабочих перед предпринимателями, давить на фабрикантов через охранку, добиваться от них уступок рабочим. Этим путем — поддержкой экономических требований рабочих к фабрикантам—охранка рассчитывала привлечь рабочих на сторону правительства и отвлечь их от политики, отвратить неудовольствие рабочих от царизма. Этим путем правительство рассчитывало направить рабочее движение в желательное ему русло и держать его в своих руках. Это был, конечно, химерический план, свидетельствовавший о том, что царское правительство лишено было способности понимать происходящие события. В этом плане — заставить фабрикантов не злоупотреблять своей властью, делать незначительные уступки рабочим, чтобы не вызывать рабочих волнений, слышится старый прием времен крепостничества, когда предводители дворянства и высшая власть заставляла дворян-помещиков не злоупотреблять своей властью, чтобы не вызывать крестьянских волнений. Тут были не только старо-дворянские традиции, но и ново-дво-

рянские интересы. Дворянство было заинтересовано в сохранении царизма, будучи связано с ним своей судьбой. Оградить „престол“ за счет фабрикантов было для дворянства весьма желательно. И стародворянские традиции, и новодворянские интересы об'ясняют, почему эта „идея“ давления на фабрикантов, отвлечь неудовольствие рабочих от монарха, зародилась именно в министерстве внутренних дел — гнездилище дворянства—и почему к этой идее отрицательно относилось другое министерство — финансов, призванное защищать интересы промышленников и заключавшее в себе при том со времени Витте массу „разночинцев“.

Инициатор этого дела, начальник московского охранного отделения Зубатов писал: „Революционеры сильны только доверием рабочих масс, и его надо отвоевать у них во что бы то ни стало“. Но, стремясь завоевать доверие масс, Зубатов относился отрицательно к более или менее серьезным мерам, которыми это доверие завоевать можно было бы, как, напр., к фабричному законодательству. „Уверения, что лишь одно законодательное расширение прав рабочих заставит их отойти от революционеров и почувствовать полное доверие к окружающим условиям, конечно, неправильно“, писал Зубатов. По его мнению, рабочее законодательство „без предварительного успокоения рабочей массы должно было бы обратиться в новые опорные пункты для врагов власти и порядка“.

Словом,— знаменитое „сначала успокоение, потом реформы“. А успокоить рабочее движение, доходившее уже до 240.000 забастовочных дней в 1899 г., правительство рассчитывало этими зубатовскими рабочими организациями. Хотя Зубатов в своих записках оперировал именами Маркса и антимарксистов, но печать непонимания и тупоумия лежала на всей этой затее.

Начало зубатовским рабочим организациям положено было летом 190 г. образованием „Московского общества взаимного вспоможения рабочих механического производства“. В начале 1902 г. были образованы такие же общества текстильщиков, пуговичников, кондитеров и т. д., захватив большинство рабочих профессий Москвы.

Зубатовские организации появились и в других городах - Минске, Одессе.

Нигде эти организации не оправдали надежд их инициатора и расчетов правительства. Ниточки охранки не могли, конечно, задержать роста рабочего движения. В Одессе зубатовские организации были смыты широким забастовочным движением. В Москве на зубатовские организации еще раньше поднялись фабриканты, которые подали по этому поводу докладную записку министру финансов (который тогда, при отсутствии министерства торговли и промышленности, ведал нужды промышленности). В этой записке фабриканты вполне резонно говорили: „Если в предоставлении рабочим известной организации имеется в виду отвлечение их от участия в антиправительственной деятельности, то не менее опасным оказывается допущение их к деятельности антикапиталистической, которая, несомненно, имеет одинаковое политическое значение“... В августе 1902 г. Зубатов был переведен в Петербург. Зубатовские организации в Москве захирели.

Зубатов пытался организовать и в Питере такие же организации, но, вследствие различных трений в высших сферах, ему это не удалось. После помянутой одесской забастовки, в которой зубатовские организации принимали участие, Зубатов был отрешен от должности и выслан под надзор полиции (конец 1903 г.). Одесский Зубатов - Шаевич—сослан был в Сибирь.

Тем не менее, сама идея, очевидно, не потерпела краха в глазах правительства, и в начале 1904 г. департамент полиции берется за создание подобных же организаций в Петербурге и поручает это дело священнику Гапону.

Питерским рабочим организациям департамент стремился придать вид, менее связанный с охранкой, т. к. питерские рабочие, как более сознательные, были более чувствительны и разборчивы на этот счет. Кроме того, решено было, что здесь не должен допускаться такой нажим на предпринимателей, как в Москве.

В феврале 1904 г. мин. вн. дел утвердило устав „Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. Петербурга“. Официальным руководителем собрания был Гапон. Неофициально делом руководила группа рабочих, имевшая вес в рабочей массе, ранее имевшая отношение к с.-д. организациям. Эта группа все время не доверяла Гапону и о его связях с охранкой знала. С.-д. организация все время вела упорную борьбу с гапоновским союзом, называя его зубатовским. Между

гапоновским и зубатовским разница была только в том, что гапоновская действовала более осторожно. Гапон с Зубатовым, когда этот был в Питере, находился в постоянных сношениях. Но, вместе с тем, Гапон не был, повидимому, прямым агентом охранки и простым исполнителем ее воли, а действовал и самостоятельно. Свою самостоятельность Гапон выставляет на вид в письме к Зубатову. Но ведь все провокаторы думают, что они действуют самостоятельно, что они независимы и даже, де, используют охранку в своих целях и т. д.

Гапоновский союз разрастался. Осенью 1904 г. он имел в рабочих районах Питера 3 отдела, а к концу года—11. Число членов отделов было около 8.000. Они не только росли числом, но в них, действительно, билась жизнь. Культурно-просветительные мероприятия союза посещались рабочими. 1904 г. был годом промышленного кризиса, низкой зарплаты и дороговизны. Рабочие шли в „отделы“, как в единственное место, где можно было побеседовать о своих нуждах. Нужда и безработица сильно росли. Забастовочное движение пало. Неудовольствие рабочих росло.

Правительство „во избежание большой революции предприняло маленькую войну“, чтоб отвлечь на нее внимание недовольных масс, и об‘явило войну Японии, „вероломно напавшей на Портартур“. Война шла для русского правительства неудачно. Причины, вызвавшие ее, и поводы к ней были известны. Японская авантюра и военные неудачи служили к разоблачению гнилости русского самодержавного режима, к накоплению большего и большего неудовольствия масс.

Война усилила кризис.

Осенью 1904 г. была „весна“ Святополк-Мирского. Общий под‘ем настроения и либеральные газетные статьи влияли и на темы разговоров в собраниях.

В конце 1904 г. вспыхнула большая забастовка на Путиловском заводе в Петербурге, встретившая большое сочувствие рабочих масс Петербурга. Предприниматели не только не уступали в этой стачке, но не допустили вмешательства гапоновского союза. Попытки главарей союза уладить конфликт не удались. Обращение по этому поводу к начальству также ни к чему не привело. Забастовка стала распространяться и на другие предприятия. 27 декабря на собрании правлений всех отделов решено было обратиться с петицией к царю. На следующий день собрание представителей всех 11 отделов—по 20 чел. от отдела—вынесли резолюцию: если законные требования не будут удовлетворены, собрание фабр.-зав. рабочих Петербурга не ручается за спокойное течение жизни в городе. Гапон был против петиции царю. Но в это время всеми отделами владели, не Гапон и не руководители союза, а заполнявшая отделы рабочая масса. Мысль о петиции царю была горячо подхвачена рабочей массой. Кто подал мысль о петиции к царю, вопрос лишний. Ходатайства „на высочайшее имя“ были в обычае русской жизни. Да и рабочее движение знало в своей практике это средство. В 1878 г. забастовавшие рабочие фабрики Новой Бумагопрядильни в Петербурге после долгих и бесплодных хождений ко всякому начальству с просьбой о заступничестве составили прошение с помощью народовольцев „его императорскому высочеству наследнику цесаревичу“, которое заслушивалось и признавалось рабочими, было одобрено, и толпа рабочих отнесла его к Аничкову дворцу, где их встретил градоначальник и принял прошение „для передачи его высочеству“. Рабочие уверяли, что „наследник глядел в окно“. Прошение осталось без ответа, конечно...

В первую неделю января бастовали уже почти все крупные предприятия Петербурга—около 150.000 рабочих.

Содержание петиции читалось по всем отделам. Говорились горячие речи с верой в царя-заступника угнетенных. В отделы стекались десятки тысяч рабочих.

Политические понятия масс были смутны. К партийной пропаганде и раз‘яснениям масса относилась отрицательно.

В одном из отделов после прочтения петиции председатель задал вопрос: „А что, если царь нас не примет и не захочет прочесть нашу петицию, чем мы ответим на это?“. Тогда точно из одной груди вырвался могучий, потрясающий крик: „Нет тогда у нас царя“; возгласы эти повторились в разных местах собрания. Возгласы „долой самодержавие“ не встретили сочувствия.

Выпускавшиеся в эти дни с.-д. прокламации раз‘ясняли рабочим сущность происходящего, ошибочность надежд на царя и необходимость классовой борьбы.

Как сама петиция, так и все происходившее при чтении ее показывают, что рабочая масса была политически мало сознательна. Теперь нет надобности доказывать, всяк теперь настолько политически грамотен, чтоб знать и понимать, что нигде и никогда цари и короли не являются защитниками угнетенных, а по существу своему являются приказчиками господствующего класса. И искать рабочим защиты от гнета господствующего класса у приказчика этого класса можно было только вследствие политической темноты. Вера в царя была следствием этой темноты. Далее, то, что просила петиция, было, в сущности, просьбой об упразднении самодержавия. И просили об этом рабочие самого самодержца — чтоб он сам себя упразднил. Это было просьбой об изменении существующего государственного строя. А история учит, что государственный строй меняется только насильственным путем. Обращение рабочих к царю с просьбой об улучшении экономического и правового положения рабочего класса показывало политическую несознательность рабочих.

Наступившее 9-е января — „кровавое воскресенье“ — сразу значительно просветило рабочий класс, подняло его политическую сознательность.

3. Кровавое воскресенье и его последствия.

Утром, в воскресенье, 9-го января, у всех отделов собрались густые массы рабочих и с хоругвями, иконами и царскими портретами впереди, в поднятом настроении с пением молитвы за царя, направились к Зимнему дворцу, где, предполагалось, был царь, но где его даже и не было. В шествиях были дети, женщины, старики.

Об открыто подготовлявшемся в течение последних дней шествии рабочих к Зимнему дворцу знал весь Петербург. Знали, конечно, и полиция и правительство. Гапон известил министра внутренних дел. 8-го января группа литераторов была по этому поводу у председателя совета министров Витте. Раньше состоялось по этому поводу совещание нескольких министров с директором департамента полиции и градоначальником. Полиция всюду оставалась безучастным зрителем происходящих приготовлений к шествию. Даже в это утро она не препятствовала скопищам и шествию. Но высшее правительство готовилось. Петербург был негласно превращен в военный лагерь, город был поделен на участки. Всюду войска — в полной боевой готовности. Офицерам было дано право стрелять по своему усмотрению. Из окрестностей Петербурга были вызваны еще войска.

Русский царизм подготовился достойно встретить идущие к нему с крестным ходом рабочие массы.

Как только шествия двинулись с своих мест, последовали нападения войск и расстрелы толпы. Стреляли долго и многократно. Если требуемые предупреждения — сигналы трубой — и давались, то толпа этих сигналов не понимала. И за сигналами так быстро следовала стрельба, что толпа и не имела времени рассеяться, да и места не было в виду огромной величины густой толпы. При нападении войск толпа пела молитву за царя.

У Нарвских ворот, как описывается в „Былом“, толпа заметила выстроившуюся пехоту, запела громче и пошла вперед еще тверже. Неожиданно из-за Нарвских ворот появился мчавшийся во весь опор кавалерийский отряд с шашками наголо. Разрезая толпу, пронесся во всю длину. Толпа дрогнула. „Вперед, товарищи, свобода или смерть“. Толпа согнулась и двинулась вперед. Кавалерия опять врезалась в нее сзади и промчалась обратно в Нарвские ворота. Со стороны солдат раздался сухой, перекатившийся по линии, из края в край, треск. Со стороны народа раздались предсмертные стоны и проклятия. Передние ряды падали, задние убегали. Три раза стреляли солдаты, три раза начинали и долго стреляли, три раза переставали.

На Петербургской стороне, у Троицкого моста, „стреляли безостановочно, с промежутками“.

На Дворцовой площади „кавалерия лошадьми и шашками разгоняла демонстрантов, но, освободившись от солдат, место сейчас же занималось демонстрантами. Александровский сад был заперт вместе с публикой. Послышался рожок. Павловцы вместе с кавалерией дали три залпа по рабочим в саду. Последствия были ужасны. Многие из убитых, сидевших на решетке сада, так и повисли в воздухе. Другие валялись убитыми и ранеными. Перевязать их или убрать некому было. Сад заперт“...

На Васильевском Острове толпа рабочих, которую войска не пропустили дальше, когда

узнала о происходивших в других местах расстрелах, бросилась строить баррикады, повалив телеграфные и телефонные столбы, соорудила несколько баррикад, разобрала мастерскую оружия, захватила типографию и приступила к печатанию составленной тут же одним с-д. прокламации с призывом к вооруженному восстанию. Подоспевшие войска помешали. На одной из баррикад был выброшен красный флаг, и оратор с баррикады обратился к солдатам с речью, но раздавшийся залп сразил его...

Сколько было всего убито в этот день, осталось невыясненным.

Расстрел произвел быструю перемену в настроении рабочих. „Нет бога, нет царя", кричали рабочие в некоторых местах. Повторял это и Гапон. В отделах люди веровавшие топтали иконы и портреты царя.

Петербургский пролетариат дорого заплатил за свою веру в царя и в чужое заступничество за его нужды, за свое непонимание классовых взаимоотношений, борьбы классов.

В этот день он понял многое и стал в переднем ряду, руководителем русской революции.

В Петербурге после расстрела забастовали и те, кто раньше не бастовал и в шествиях не участвовал. Вся рабочая масса Петербурга всколыхнулась. Забастовки рабочих после 9-го января носили уже чисто политический характер. Влияние партий и с.-д. сильно сразу возросло. Всюду слышны были выражения озлобления против правительства. Интерес к политическим вопросам, к партийной литературе появился в рабочих массах огромный. Запрос на партийную литературу во много раз превышал возможность удовлетворения.

Петербургский пролетариат сознал себя.

Как поняли промышленники январьские события и как выразили они свое отношение к ним? Промышленники поспешили указать, что рабочие волнения носят исключительно политический характер, и что во всем виновато правительство, а промышленники тут не при чем и находятся, де, с рабочими в хороших отношениях. Эта позиция была выгодна и для их карманов. В ряде совещаний петербургские фабриканты „единодушно констатировали отсутствие взаимного озлобления" (с рабочими), „рабочие вовлечены в настоящее движение причинами внешними и притом не экономического характера", а потому, идя рабочим навстречу, постановили: не применять к данному случаю правил о штрафовании за прогульное время" (какое великодушие... перед лицом сильного рабочего движения?! *И. В.*) не принимать мер к обнаружению зачинщиков и главарей стачки, а равно не применять к ним особых карательных мер. (Все та же игра в великодушие. Но этим фабриканты косвенно признали, что раньше они эти меры применяли). Собрать средства для оказания помощи семействам пострадавших рабочих во время беспорядков 9 января. За время забастовки не платить.

Что касается требований рабочих, то о них собрание петерб. предпринимателей высказалось так: „Общие пункты пред'явленных рабочими требований, а именно: о 8 час. раб. дне, об участии рабочих в установлении размера заработной платы, об участии рабочих в регулировании внутреннего распорядка пром. заведений, об уничтожении штрафов за прогулы и стачки, — признаны не подлежащими обсуждению. Представить министру финансов письменное заявление о необходимости скорейшего разрешения означеных вопросов в законодательном порядке, при участии фабрикантов и рабочих".

Этот пункт постановления с перечисленном требований рабочих показывает, что предприниматели отлично знали, что экономическое положение рабочих и борьба за него занимает большое место в причинах, вызвавших „настоящее движение", и что, во всяком случае, отнюдь нельзя сказать, как они говорили в одном из пунктов, что причины — „не экономического характера". Но промышленники отворачивались, закрывали глаза и говорили: это — дело правительства и должно итти в законодательном порядке. А каков этот „законодательный порядок", как длинен и безрезультатен для рабочих этот путь, промышленники хорошо знали из всей истории русского рабочего законодательства...

Промышленники не понимали всего грозного и великого значения январьских событий, они не поняли, что им сделано грозное предостережение. Тем хуже для них...

Кровавое воскресенье нашло себе сильный отклик по всей России, разбудив весь рабочий класс страны. Царский расстрел был всюду услышан и всюду был понят, как следует. Пролетариат русский не только услышал и понял, но немедленно же и ответил.

Наиболее мощные отзвуки рабочими были даны, конечно, в тех местах, где пролетариат был более развит — в местах с более развитой промышленностью — в Польше и Прибалтике, где были огромные политические выступления рабочих масс. В Варшаве всеобщая забастовка. Демонстрации с криками „долой самодержавие“, „да здравствует революция“, „да здравствует демократическая республика“, „да здравствует социал-демократия“. Были расстрелы, столкновения с полицией. Разграбили 3 оружейных магазина. Подобные демонстрации происходили по всей Польше и Прибалтике. Всюду движение подавляется силой. Всюду кровь. В центральной России движение в ответ на царскую расправу 9 января носило более мирный характер и не отличалось такой грандиозностью. Везде демонстрации шли под руководством партийных организаций. Повсюду организации выпускали воззвания с призывом к стачке, к борьбе с правительством, к свержению самодержавия. Стачечная волна, как ответ на 9-е января, поднялась и на Кавказе, и в Сибири.

„Рабочий класс получил великий урок гражданской войны, революционное восстание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной забитой жизни“, писал В. И. Ленин во „Вперед“ от 18 января 1905 г.

„Как бы ни кончилось теперешнее восстание в самом Петербурге“, продолжал он: „во всяком случае оно неизбежно и неминуемо станет первой ступенью к еще более широкому, более сознательному, более подготовленному восстанию. Правительству может быть удастся отсрочить час расплаты, но отсрочка только сделает более грандиозным следующий шаг революционного натиска. Отсрочкой только воспользуется социал-демократия для сплочения рядов организованных бойцов и распространения вестей о почине петербургских рабочих“...

9-е января открыло новую главу в истории России. Рабочий класс прозрел и начал первую русскую революцию...

Царское правительство после 9-го января вновь показало свое непонимание положения. По старому обычаю, оно создало комиссию, даже несколько комиссий „для выяснения“... „Для безотлагательного выяснения причин недовольства рабочих в Петербурге и его пригородах и изыскания мер к устранению таковых в будущем“ была в конце января образована особая комиссия под председательством сенатора Шидловского из представителей ведомств, фабрикантов, а также и представителей рабочих. Рабочие Петербурга немедленно выбрали выборщиков, которые затем пред'явили комиссии Шидловского ряд политических требований, — свободу собраний и пр. — гарантирующих свободу агитации и участия в комиссии. Комиссия отказала. Рабочие отказались от участия в комиссии. Она потерпела крушение.

Рабочие продолжали борьбу стачками, с которыми рабочий класс и пришел к всеобщей забастовке в октябре и к вооруженному восстанию московскому в декабре...

Приводим из петиции царю ее требовательные пункты.

„...Необходимо народное представительство, необходимо, чтоб сам народ помогал себе и управлял собой... Сейчас же призвать представителей всех классов, от всех сословий, представителей и от рабочих. Пусть будет и капиталист, и священник, и доктор, и учитель — пусть все, кто бы они ни были, изберут своих представителей. Пусть каждый будет равен и свободен в праве избрания — для этого повели, чтоб выборы в учредительное собрание происходили при условии и всеобщей, и тайной, и равной подачи голосов.

Это — самая главная просьба наша, в ней и на ней зиждется все, это главный и единственный пластырь для наших больных ран...

...Необходимы еще и другие меры — необходимы:

I. Меры против невежества и бесправия русского народа.

1) Немедленное освобождение и возвращение всех пострадавших за политические и религиозные убеждения, за стачки и крестьянские беспорядки.

2) Немедленное об'явление свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, свободы собраний, свободы совести в деле религии.

3) Общее и обязательное народное образование на государственный счет.

4) Ответственность перед народом и гарантия законности правления.

5) Равенство перед законом всех без исключения.

6) Отделение церкви от государства.

II. Меры против нищеты народной.

1) Отмена косвенных налогов и замена их прогрессивным подоходным налогом.

2) Отмена выкупных платежей, дешевый кредит и постепенная передача земли народу.

3) Исполнение заказов военного и морского ведомства в России, а не за границей.

4) Прекращение войны по воле народа.

III. Меры против гнета капитала над трудом.

1) Отмена института фабричных инспекторов.

2) Учреждение при фабриках и заводах постоянных комиссий выборных рабочих, которые совместно с администрацией разбирали бы все претензии отдельных рабочих. Увольнение рабочего не иначе, как с согласия этой комиссии.

3) Свобода потребительно производительных и профессиональн. рабочих союзов — немедленно.

4) 8 часовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ.

5) Свобода борьбы труда с капиталом — немедленно.

6) Нормальная заработная плата — немедленно.

7) Непременное участие представителей рабочих классов в выработке законопроектов о государств. страховании рабочих — немедленно.

И. Вегер (отец).

Государственный бюджет на 1924—1925 хоз. год

(С 1 октября 1924 г. по 1 октября 1925 г.).

Государственный бюджет содержит в себе перечень всех доходов и расходов государства. Общеизвестно, что расходы, которые приходится совершать государству, чрезвычайно разнообразны. Сюда входят расходы по содержанию государственного аппарата, армии, сюда же входят расходы на органы здравоохранения, просвещения; до самого последнего года в число расходов государства входили расходы на покрытие дефицита промышленности; в рассматриваемом бюджете имеются довольно значительные средства, которые правительство предполагает израсходовать на сельское хозяйство. Словом, нет ни одной области нашей хозяйственной и общественной жизни, которая в той или иной мере не соприкасалась бы с расходной частью государственного бюджета, ибо нет ни одной области, на которую наше правительство не оказывало бы того или иного регулирующего влияния.

Совершенно ясно, что для того, чтобы делать столь значительные расходы, правительство должно иметь не менее значительные доходы. Доходы государства являются источником тех затрат, которые должно произвести правительство.

Чрезвычайное же обилие затрат заставляет правительство прибегать к помощи многочисленных источников дохода.

В число последних входят налоги разного рода, доходы, получаемые от оплаты услуг разных государственных предприятий, например, транспорта, почты и т. п., доходы от промышленности и многие другие. Все это входит в доходную часть государственного бюджета и является, повторяю, источником тех многочисленных затрат, которые приходится совершать государству.

Таким образом, годовой государственный бюджет является как бы сметой государственного хозяйства на целый год. Правительство устанавливает, какие доходы оно может получить в течение года, и фиксирует их в так называемой доходной части. Затем оно составляет план использования этих средств, расходования их и фиксирует его

и расходной части. В совокупности доходная и расходная части и составляют государственный бюджет.

Само собою разумеется, что сами по себе цифры, из которых состоит бюджет, нас мало интересуют, и рассматривать их мы будем только потому, что таким путем мы сможем уяснить то положение, в котором в настоящее время находится наше хозяйство, и те процессы, которые оно переживает. Поэтому в дальнейшем изложении каждая цифра бюджета будет рассматриваться как выражение определенных хозяйственных и экономических явлений, и внимание наше, конечно, будет обращено на то, что она выражает, а не на нее самое. Мы смотрим на государственный бюджет как на зеркало, отражающее в себе положение народного хозяйства. Внимательно всматриваясь в это зеркало, мы хотим уяснить себе все особенности того предмета, который в этом зеркале отражается.

Во всех наших прежних бюджетах на первом месте был доход от выпусков государственных бумажных денег (т.-е. эмиссии бумажных денег). Как известно, эмиссии бумажных денег начались не при советской власти. Они гораздо старше советской власти. Когда в 1914 году завязалась война, которая разрушила нормальную хозяйственную жизнь, уничтожила нормальные источники дохода и вместе с этим на неслыханную высоту подняла государственные расходы, — тогда царскому правительству пришлось обратиться к этому новому источнику — к эмиссиям. С тех пор этот источник стал приобретать все больший и больший удельный вес, с тем, чтобы в первые годы революции, когда гражданская война значительно усугубила разруху, стать самым главным средством изыскания доходов. В бюджете же на предстоящий 1924 — 1925 хозяйственный год этот источник совершенно отсутствует.

Все свои расходы в предстоящем хозяйственном году государство предполагает покрыть без какой бы то ни было помощи бумажных денег. Вот первое отличие положения нашего хозяйства в настоящее время от положения его в прошлые годы, первое отличие бюджета 1924 — 1925 г. от всех предшествовавших бюджетов, начиная с 1914 года.

Чтобы учесть всю важность этого обстоятельства, достаточно вспомнить то разрушительное действие, которое оказывали на наше народное хозяйство беспрерывно происходящие эмиссии бумажных денег. Достаточно вспомнить, как они исковеркали всю хозяйственную жизнь, разрушив связь между городом и деревней, ввергнув нас в царство спекуляции и т. п., чтобы по достоинству оценить значение этого нового нашего завоевания. Эмиссии выручали правительство, давая ему возможность пользоваться средствами, которые оно другим путем получить было не в состоянии, но обойтись без которых также не могло. В этом смысле они являлись доходом. Но, являясь источником правительственных доходов, они, вместе с этим, являлись не менее обильным источником народно-хозяйственных бедствий, были разрушительным „убыточным“ доходом.

Поэтому с момента ликвидации гражданской войны наше правительство употребляет всю свою энергию для того, чтобы получить возможность избавиться от дорого стоющих услуг эмиссионного аппарата. Употребляются героические усилия, чтобы изыскать и усилить источники нормального дохода. Эти усилия, правда, чрезвычайно медленно, но зато безусловно верно давали положительные результаты.

В результате их на предстоящий 1924—1925 хозяйственный год мы имеем такой бюджет, где милостью печатного станка не покрывается уже ни одной копейки. Правда, имеется доходная статья в 80 мил. рублей от выпуска серебряных и медных монет, но, во-первых— стоимость этих монет немногим ниже стоимости серебра и меди и во-вторых, их выпускают исходя не из потребностей государства, как это было с выпусками бумажных денег, а исключительно из потребностей рынка в мелкой разменной монете.

Итак, рассматриваемый бюджет прежде всего показывает, что из „миллиардеров“ едва влачивших свое существование под непосильным бременем сумм астрономической величины, мы превратились в небогатых, но крепких и сильных хозяев.

Но эмиссии, как подробно будет показано ниже, являлись весьма солидным источником финансирования промышленности, который, следовательно, исчез вместе с прекращением эмиссий. Что же будет теперь заменять этот источник? Откуда промышленность будет брать средства теперь, когда прекратился процесс постоянного притока подкреплений в виде напечатанных бумажных денег?

На этот вопрос наш новый бюджет отвечает: **в этом году промышленность в себе самой сможет найти необходимые ей средства.**

Кроме уменьшения издержек производства и увеличения доходности, она найдет еще один, довольно обильный, источник, который лишь в совершенно зачаточном состоянии находился тогда, когда на рынке у нас господствовал старый бумажный рубль, с памятными всем причудливыми изменениями его курса. Мы имеем в виду кредит. Кредит стал развиваться еще при старой, падающей валюте. Еще до денежной реформы были основаны банки, развитие которых, в особенности же развитие Госбанка, и создало возможность ввести устойчивую валюту. Но вся наша кредитная система с ее центральными и местными учреждениями (банками и их филиалами) встречала в своем развитии постоянные препятствия со стороны падающего рубля. Эти препятствия были столь велики, что смогли стать чуть ли не главным козырем в руках наших врагов, доказывавших, что Советская власть не сможет поставить на ноги народное хозяйство.

Денежная реформа выбила этот аргумент из рук врагов, устранив основное препятствие в развитии кредита.

Только после денежной реформы— когда упорядочилась работа промышленных и торговых предприятий и усилилась связь города с деревней, наша кредитная система, и в частности червонец, полностью обнаружили свои полезные для народного хозяйства свойства.

Наш червонец является ничем иным, как кредитным документом. Он является векселем, который на свое имя выдает Государственный Банк. Само собою разумеется, что если червонец является банковским векселем, кредитным документом, то его судьба полностью зависит от состояния кредитной системы и всего народного хозяйства в целом. Денежная реформа, как мы установили, значительно усилила биение пульса народного хозяйства и укрепила и расширила кредитную систему. Значит, денежная реформа вместе с этим укрепила и положение нашего червонца. Она позволила Государственному Банку выпускать довольно большие суммы червонцев и не бояться того, что начнет падать их курс. Так, из доклада т. Сокольникова на заседании ЦК РКП видно, что с июля по 1 января 1925 г. предполагалось выпустить в обращение новых червонцев на сумму в 200 мн. з. р.

Все выпущенные червонцы **полностью употребляются на нужды промышленности и сельского хозяйства,** полностью расходуются на производительные цели; эти маленькие и скромные бумажки помогли нашей промышленности твердо стать на ноги. Они расширили ее размеры; избавили ее от потребности в бумажных деньгах, разорительных для народного хозяйства.

Таким образом, денежная реформа, лишив промышленность нездорового источника подкрепления (бумажных денег), создала, вместе с этим, новый источник чрезвычайно обильный и безусловно здоровый, находящийся в полном соответствии с требованиями хозяйственного прогресса. Этим источником является кредит во всех своих видах, включая сюда и червонец.

Появление этого нового источника финансирования промышленности из недр самой промышленности является второй особенностью рассматриваемого периода.

В государственном бюджете на 1924 — 1925 хозяйственный год **эта особенность находит себе выражение в том, что промышленность, расширяясь, увеличивая свои потребности, не только не требует от государства средств, но еще и сама кое-что отпускает государству.** Так, одной из приходных статей рассматриваемого бюджета является доход от промышленности в размере 83 мил. р. Правда, с другой стороны имеются еще убыточные отрасли, нуждающиеся в помощи государства, на которые в этом году предполагается отпустить 59,6 мил. р. Таким образом, чистой прибыли от промышленности будет только 23,4 мил. р. Чистый доход, который государство предполагает получить от промышленности, конечно весьма невелик, но чрезвычайно красноречив самый факт его существования. Если же сравним место, занимаемое промышленностью. в бюджета на 1924 — 1925 г. с местом, которое она занимало в предшествовавших бюджетах, то этот факт станет поистине кричащим.

Взаимоотношение промышленности с государственным бюджетом в течение всей революции можно разделить на три периода.

Первый период—с начала революции до 1922 г., второй — с 1922 до 1924 г. и наконец в 1924 — 1925 хозяйственном году начинается третий период — период здорового состояния промышленности и нормального взаимоотношения ее с госбюджетом.

Каково же содержание каждого из этих периодов?

В течение всего первого периода одной из главных доходных статей государственного бюджета был доход от промышленности. Промышленность наша отпускала весьма значительные средства государству на покрытие его расходов, связанных с вооруженной защитой завоеваний Октябрьской революции.

Разумеется, вполне законно будет задаться вопросом: откуда промышленность брала эти средства? В течение всей империалистической войны промышленность в основном не ремонтировалась, отчего ее производственность в дальнейшем не могла не пострадать. Период „керенщины", являющийся классическим образцом бесхозяйственности и полного распада организационных связей, также не весьма способствовал поднятию производительности труда.

Эпоха борьбы пролетариата за удержание власти, продолжавшаяся с 1917 по 1920 г., создала экономические предпосылки для дальнейшего развития производительных сил, но непосредственное ее влияние на состояние народного хозяйства в то время было, конечно, также отрицательными; производственная способность нашей промышленности, потрясенная до основания империалистической войной и периодом „керенщины", была еще более понижена в эпоху борьбы пролетариата за власть, когда все—в том числе и промышленность—приспособлялось к требованиям войны, когда военный мотив преобладал над всеми остальными и заглушал собою мотивы хозяйственные. Можно ли, помня эти условия, предположить, что те средства, которые промышленность отпускала государству, являлись излишком над ее расходами, что она не только оправдывала себя, но еще была в состоянии отпускать ведущему гражданскую войну государству чрезвычайно крупные средства? Не ясно ли что здесь имеет место какое-то ненормальное и даже нездоровое в хозяйственном отношении явление?

Взаимоотношения промышленности с государством в рассматриваемый период были действительно нездоровыми, так как те крупные средства, которые промышленность отпускала государству, далеко не были доходом промышленности; это были старые ее запасы, которые она, вместо производительного использования, принуждена была отдавать на алтарь гражданской войны.

Совершенно понятно, что это ненормальное в хозяйственном отношении положение, наше правительство поспешило изменить, как только были созданы необходимые для этого условия.

Как только смолкли пушки, стрелявшие по последним остаткам белогвардейских армий, так сразу, во весь свой гигантский рост, встал вопрос о необходимости наладить нормальную хозяйственную жизнь и прежде всего вопрос о необходимости возродить изнуренную за годы войны и революции промышленность.

Как выше было сказано, промышленность в течение первых лет революции давала большие средства государству на его расходы; но на-ряду с этим и в значительной мере вследствие этого она далеко не покрывала даже своих собственных расходов, была убыточной. Свое собственное существование так же, как и существование государственного аппарата, она поддерживала путем прожигания своих старых запасов. Если с этим можно было мириться в грозные годы гражданской войны, то с момента ликвидации белогвардейских армий борьба с этим явлением должна была стать первоочередной задачей пролетарского государства, отстоявшего свое существование.

И она стала его главной задачей. В 1922 году уже не промышленность финансирует государство, а, наоборот, государство напрягает все свои силы, чтобы раздобыть средства для поддержания растрепанной промышленности.

В этом и заключается особенность второго периода. Эта особенность выразилась в весьма значительных суммах, которые государство—в громадном большинстве безвозвратно—отпускало промышленности. Так, по подсчетам Б. А. Штерна [1] в 1922 — 23 хозяйственном году промышленность получила от государства 150 мил. р., а если принять во внимание ссуды на электростроительство и текстильную промышленность, то около 190 мн. черв. руб. безвозвратных ссуд и даже в 1923—

[1] „Государств. финансирование промышленности". стр., 105.

24 г. ей предполагалось отпустить 73 м. р.[1] безвозвратных ссуд. Откуда брало государство столь значительные средства в период, когда доходы его были чрезвычайно ограничены? Главным источником этих средств были бумажно-денежные эмиссии. Они, главным образом, доставляли государству средства, которые помогли поставить на ноги нашу промышленность, и в этом их историческое оправдание.

Но, как известно, печатанием бумажных денег новых ценностей не создается. Этим достигается только перераспределение уже созданных ценностей. И если промышленность при помощи отпущенных ей государством бумажных денег впитала в себя определенное количество ценностей, то ясно, что какая-то другая часть народного хозяйства эту ценность потеряла. За счет какой же части нашего хозяйства восстанавливалась промышленность?

Нетрудно доказать, что за счет сельского хозяйства. Всем памятно то колоссальное расхождение цен между продуктами сельского хозяйства и промышленности („ножницы"), которое имело место до самого последнего времени. Вследствие того, что разница в ценах была в пользу промышленности, она от переполнения рынка бумажными деньгами страдала в гораздо меньшей степени, чем сельское хозяйство. Значит выходило, что бумажные деньги выпускались в значительной мере для нужд промышленности, а страдало от чрезмерных бумажных эмиссий сельское хозяйство. При помощи бумажных денег в течение рассматриваемого периода промышленность впитала часть средств из сельского хозяйства. В этом состоит более полная характеристика второго периода.

Попытаемся теперь дать оценку этого периода. Положительным в нем является то, что весь он проходит под знаком восстановления промышленности при вполне ясном и безусловно прогрессивном сознании, что восстановление промышленности имеет решающее значение для восстановления всего народного хозяйства, а потому, в конечном счете, выгодно даже и тем, кто принужден при этом нести жертвы. Отрицательным в этом периоде является то, что восстановление одной части народного хозяйства (промышленности) шло за счет обременения другой (сельского хозяйства). Если же рассматривать этот период в целом, со всеми его положительными и отрицательными сторонами, то нельзя будет не признать, что он является гигантским шагом вперед по сравнению с первым периодом, когда проживались средства промышленности, когда, следовательно, создавался непроходимый круг хозяйственной разрухи, который наполнял радостью сердца, терпевших на поле брани поражение за поражением вооруженных врагов пролетарской революции.

Этот второй период был прогрессивным по сравнению с первым. Он знаменовал собою выход нашего хозяйства из заколдованного круга хозяйственной разрухи, но нормальным он все же далеко не являлся. Промышленность хоть и развивалась в течение этого периода, но развивалась не своими внутренними силами, а в значительной степени путем средств, получаемых извне.

Тем с большим удовлетворением можем мы констатировать вступление в третий период, когда промышленность уже настолько окрепла, что имеет достаточно мощные внутренние силы развития, силы достаточные не только на самостоятельное, безубыточное существование, но и на помощь, хотя и очень мало значительную, государству. Размеры статьи заставляют нас ограничиваться одним только констатированием этих сил, тем более, что весьма существенную часть их мы рассмотрели выше, когда говорили о кредите.

Вступление в третий период нашло свое выражение в государственном бюджете на 1924—1925 г., где промышленность от государства получает 59,6 м. р., а государство от промышленности 83 м. р. Бюджет на 1924—1925 хозяйственный год является поистине историческим, ибо он фиксирует начало новой главы в развитии хозяйства первой в истории социалистической страны.

Мы надеемся, что читатель не посетует на нас за то, что мы так долго остановились на промышленности. Это находит свое оправдание в том влиянии, которое промышленность оказывает на состояние всего народного хозяйства, а следовательно, и на бюджет, который является зеркалом хозяйственного положения.

Но хозяйство Советского Союза, где преобладает крестьянство, не будет познано, если мы наше рассмотрение ограничим про-

[1] Там же, стр. 146.

мышленностью. Для того, чтобы состояние нашего хозяйства могло быть признано удовлетворительным, нужно, чтобы не только для промышленности, но и для сельского хозяйства были налицо возможности развития.

Условия дальнейшего развития крестьянского хозяйства мы, частично, уже рассмотрели, когда говорили о промышленности. Это было неизбежно, поскольку промышленность находится в постоянном взаимодействии с сельским хозяйством.

Мы установили, что государственный бюджет на 1924—1925 г. решительно покончил с тем ненормальным положением, когда промышленность финансировалась сельским хозяйством; но выше мы рассматривали это явление с точки зрения промышленности, т.-е. как показатель того, что наша промышленность стала на ноги; теперь же мы обратим на него внимание с другой стороны, со стороны влияния его (как реального фактора), на судьбы сельского хозяйства.

До революции наше сельское хозяйство выдерживало на своих плечах не только грузный аппарат царского самодержавия, не только весь огромный паразитический класс помещиков — но и неслыханную по своим разрушительным последствиям, империалистическую войну; с момента революции на место тягот империалистической войны на плечи крестьянства взвалились тяготы войны гражданской; избавившись от этих тягот, по окончании гражданской войны, крестьянство, однако, не избавилось еще окончательно от необходимости давать обществу значительную часть своих средств. Как мы выше видели, весьма значительные суммы переплыли из сельского хозяйства в залечивающую свои раны, промышленность. Однако, преступной слепотой было бы думать, что временная поддержка промышленности была для крестьянства столь же тягостной, как бремя империалистической и гражданской войны. Быстрый рост сельского хозяйства, начавшийся сразу по окончании гражданской войны, и продолжающийся по настоящее время, является лучшим доказательством того, что промышленность не с'ела крестьянское хозяйство, что оно, впуская в себя свежую кровь, не затормозило его развития, что она этим только подготовила тот момент, когда восстановленная промышленность и восстановленное сельское хозяйство наладят здоровую экономическую „смычку“ которая явится исходным пунктом новой социальной эры — коммунизма.

Начало такой смычки и сигнализирует наш новый бюджет, который показывает, что в предстоящем году крестьянству, за исключением налогов, не придется никуда отдавать свои средства. Все они будут употреблены сельским хозяйством на свои собственные нужды.

Но если сельское хозяйство быстро развивалось в годы, когда промышленность отбирала от него довольно большие средства, то какой быстрый процесс развития предстоит сельскому хозяйству пережить теперь, когда все свои средства оно может употребить на нужды своего собственного роста! На это обстоятельство и нужно обратить больше всего внимания, когда мы рассматриваем бюджет на предстоящий хозяйственный год

Только что, мы оговорились, что, несмотря на облегчение, которое несет все же с.-х. новый бюджет, оно не все свои средства сможет употреблять на собственные нужды: часть их оно должно отпускать государству в виде налогов. От налогов избавить сельское хозяйство государство, конечно, не может. Государство по выполнению своих функций как по обороне Советского Союза, так и по организации управления просвещения и здравоохранения внутри его, должно иметь средства. Эти средства оно может получить почти исключительно путем обложения промышленности и сельского хозяйства. Поэтому платить налоги, на-ряду с промышленностью, должно и сельское хозяйство.

Но в этом году сельское хозяйство получит значительное облегчение и в отношении налогов.

Однако, кроме уменьшения налогов, положение сельск. х-ства облегчается еще и тем, что бюджет предусматривает отпуск весьма значительных средств на помощь крестьянскому хозяйству. Так, в общей массе, по всем видам помощи крестьянство получит в этом году 125 м. р.

Таким образом, мы из нашего нового бюджета видим, что на-ряду с бесспорным укреплением и расширением промышленности происходит гигантская расчистка путей для быстрого развития сельского хозяйства, происходит оздоровление и оживление двух основных областей нашего хозяйства, которые зависят друг от друга, дополняют друг

друга, оживляют друг друга: происходит смычка промышленности и сельского хозяйства, которая явится опорным пунктом для углубления смычки пролетариата с крестьянством во всех областях их общественной жизни.

Размеры налогов, которые должны нести и промышленность и сельское хозяйство, полностью зависят от тех непроизводительных расходов, которые приходится совершать правительству. Мы, поэтому, и остановимся на них.

Прежде всего транспорт. Транспорт больше всех других отраслей народного хозяйства пострадал от войны и революции. Многим памятно как министр путей сообщения правительства Керенского — Некрасов, незадолго до падения своего правительства, совершенно официально заявил, что он не видит путей ликвидации транспортной разрухи, что транспорт в России находится в безнадежном состоянии.

Но чего не мог сделать болтливый буржуазный министр эпохи полного распада буржуазной России, того смог добиться организованный пролетариат в союзе с крестьянством.

Слепцы, не видящие творческих сил стоящего у власти пролетариата, пусть вспомнят, какое разрушение претерпел транспорт во время войны, пусть вспомнят официальный отказ буржуазии справиться с разрухой, пусть прибавят к этому то разрушение, которое транспорту пришлось испытать во время гражданской войны, пусть посмотрят как теперь работает наш транспорт и, наконец, пусть внимательно рассмотрят государственный бюджет на 1924—1925 г. который указывает, что транспорт уже больше не дает дефицита, что он свои расходы покроет своими собственными доходами. Расход на транспорт предполагается в 780 мн. рублей и доход в точно такую же сумму.

Таким образом, транспорт уже больше не заставляет правительство увеличивать налоги. Налоги взимаются для других расходов.

Из них, прежде всего, следует отметить чрезвычайные расходы, которых мы в этом году не ждали, которые порождены двумя стихийными бедствиями, постигшими наш Союз. Мы имеем в виду неурожай и наводнение в Ленинграде.

Что касается постоянных расходов, то они в этом году не только не увеличились, но даже несколько уменьшились.

На армию в этом году отпускаются такие же суммы, как и в прошлом.

Расходы на содержание учреждений государственного аппарата уменьшились на 11 м. рублей. Это сокращение почти полностью происходит за счет сокращения расходов Н. К. Ф., расходы которого уменьшились вследствие прекращения затрат на эмиссионный аппарат.

В заключение скажем несколько слов о бюджете в целом. Размер бюджета в этом году равен 2091 м. р. против прошлогоднего — 1912 мил. р. Таким образом, увеличение равно всего только 10%. Увеличение чрезвычайно мизерное, но если принять в соображение особенности переживаемого периода тогда и это незначительное увеличение бюджета должно нас удовлетворить [1].

Выше уже говорилось, что об'ективные условия, в которых нам приходится намечать и осуществлять наш хозяйственный план, в этом году на редкость неблагоприятны. Постигший нас неурожай сильно затормозил развитие сельского хозяйства, а при том колоссальном значении, которое в нашей экономике имеет сельское хозяйство, это не могло не отразиться и на всем нашем хозяйстве в целом. Всякому ясно, что не будь неурожая, темп развития всего нашего хозяйства был бы несравненно более быстрым, что безусловно отразилось бы на размерах государственного бюджета.

Наши заграничные „доброжелатели“ смотрели на неурожай как на счастливую случайность, которая расстроит все планы советской власти и уж во всяком случае не даст провести денежную реформу. Опыт показал, что и на этот раз наши внутренние силы оказались гораздо крепче, чем это хотелось бы нашим врагам. Денежную реформу мы провели полностью и до конца. Кредит мы наладили. Связь промышленности с сельским хозяйством мы осуществляем неуклонно

[1] Когда статья была уже набрана, появились сведения, что бюджет Совкомол увеличен до 2,272 м.р. Это увеличение удалось произвести благодаря тому, что в течение первых месяцев нового хоз. года доходные поступления довольно значительно превысили предполагаемую сумму. Хозяйств. положение оказалось лучшим, чем предполагало наше правительство. Новые средства идут на нужды народн. образования и здравоохранения (в частности на улучшение положения работников в этой области), а также на нужды сельск. х-ва. Рост реального бюджета по сравнению с предположенным является великолепным показателем того, как осторожно наше правительство относится к намечению хозяйственных перспектив.

и весьма успешно. Словом—намеченный хозяйственный план неурожай нам не расстроил, для этого мы оказались слишком сильны. Но бесследно, конечно, неурожай не прошел. Если самый факт развития нашего хозяйства он не устранил, то на темпе развития он, конечно, отозвался, что и обнаружилось на недостаточном росте государственного бюджета. Конечно, если бы правительство могло произвольно увеличивать свои средства путем бумажно-денежных эмиссий, государственный бюджет мог бы расти быстрее. Но нам нечего печалиться по поводу того, что этот источник отсутствует у нашего правительства. Мы охотно помиримся на медленном росте нашего бюджета, лишь бы он не разорял народное хозяйство, лишь бы это был действительный, а не фиктивный рост. Мы с гордостью взираем на наш новый бюджет, какими бы недостатками он не обладал, потому что мы знаем что он построен на здоровых основаниях, что каждая его статья обнаруживает оздоровление соответствующей области хозяйства, что весь он, в целом, предоставляет широкие возможности развития всему нашему хозяйству. Это последнее обстоятельство, т. е. то, что наш новый бюджет открывает широкие возможности перед нашим хозяйством в целом, нам бы особенно хотелось подчеркнуть. Нам бы хотелось напомнить и подчеркнуть то, что мы выше говорили о промышленности и сельском хозяйстве.

Успехи сельского хозяйства, увеличивая платежеспособность крестьянства, дают промышленности силы для расширения, для роста и, наоборот, рост промышленности, удешевляя продукцию, увеличивает мощь сельского хозяйства. Таким образом, соблюдение интересов этих двух областей нашего хозяйства и есть то, что требуется для дальнейшего развития хозяйственных сил. А рассматриваемый бюджет, как мы видели, тем и характерен, что он, как никогда, блюдет интересы не только промышленности, но и сельского хозяйства. В этом его историческое значение и залог быстрого роста наших сил. Здоровое, как никогда, строение бюджета, дает нам все основания рассчитывать, что рост будущего бюджета мы будем измерять не десятью процентами, а десятками процентов. В реалистичности же этих надежд не может быть ни грана сомнений для всякого, кто хоть сколько-нибудь умеет воспринимать язык фактов и цифр.

Составление бюджета почти совпало с отказом английских капиталистов от договора с нами, договора, по которому мы рассчитывали получить довольно внушительный заем. Этот отказ имеет то положительное значение что он помог пролетариату СССР продемонстрировать в чистом виде перед пролетариями всех других стран свои хозяйственные достижения.

Известны глубокомысленные рассуждения всех воздыхателей по буржуазной России (и главным образом меньшевиков всевозможных оттенков), по поводу того, что большевистский режим находится в неразрешимом противоречии с интересами хозяйственного развития России, что при большевиках возможно только разрушение ранее накопленного богатства, что без иностранного займа большевики концов с концами не сведут, и что заем производительно использовать не смогут.

Лучшим ответом на эти умные речи является одновременное существование двух фактов: полного отсутствия иностранных займов и бюджета на 1924—25 г. со всеми перечисленными в настоящей статье достижениями.

По счастливой случайности работы по составлению бюджета были закончены, когда к нам приехала делегация английских профсоюзов. Она здесь на месте смогла проверить, на сколько цифровая картина, которую представляет собою государственный бюджет, соответствует действительному состоянию нашего хозяйства. Результатом этой проверки явился всем известный доклад, который делегация готовит, и общие итоги которого она уже опубликовала. Неслыханно злобным лаем встретила буржуазия доклад, который делают представители английского пролетариата о виденных ими достижениях русского пролетариата. В тысячу первый раз заговорил своим обычным тоном международный меньшевизм чтобы помешать рабочим услышать правду о тех хозяйственных победах, которые достигли их русские братья, по своему налаживая свою жизнь. Дикой ненавистью встретили враги пролетариата вернувшуюся от нас делегацию профсоюзов. Значит она сумела им наступить на больное место.

И. Бялый.

Очередное звено

I.

Ленин определял искусство пролетарского революционера „эпохи больших скачков“ умением найти в длинной сложной цепи развития то „особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену“.

Особое значение приобретает это искусство потому, что здесь идет речь не столько об общих стратегических задачах, сколько о выборе очередных конкретных тактических заданий.

Тактическая гибкость партии пролетариата, эта способность ее к резким переходам, — то к сложным обходным движениям, то к героическому короткому удару и снова к долгому маневрированию—все это и есть умение найти особое в данный момент решающее звено цепи.

Не легко нащупать, выбрать это очередное звено и, сделав правильный выбор, убедить в этом выборе массу, суметь направить всю коллективную энергию класса на то, чтобы справиться с этой задачей.

Таким очередным звеном в истекшем хозяйственном году было создание твердых денег. Сейчас, когда денежная реформа уже проведена и главные трудности позади, кажется бесспорным, что начинать надо было именно с этого — с ликвидации совзнака, оказавшегося неспособным продолжать выполнять свою функцию орудия обращения. Сейчас ясно, что без коренной финансовой реформы не могло быть и речи ни о сжатии „ножниц“, ни о правильной политике цен вообще, ни об оздоровлении нашей промышленности. А это значит, что мы бы имели все большее ослабление союза между городом и деревней, все большую возможность проникновения частного капиталиста - спекулянта в создавшуюся между ними щель. Какие губительные для пролетариата политические следствия проистекли бы из этой „размычки“ с крестьянством, ясно и без дальнейших комментарий.

Между тем, когда партия в начале истекшего года решала вопрос об этом очередном звене, раздавались протестующие голоса:—Не с того конца начинаете! Долой „диктатуру финансов“! Надо взяться за промышленность, сделать ее прибыльной, хотя бы ценой высоких цен, и вопрос о падающей валюте будет тем самым больше, чем на половину, разрешен“. Этот спор уже разрешен жизнью.

Но партия не встала на тот гибельный путь, на который ее толкали, и сумела правильно определить „порядок звеньев“. Мы видим, как на конкретном историческом примере оправдалось предостережение Ильича: „порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты и не так глупы, как в обыкновенной кузнецом сделанной цепи“.

Проведение денежной реформы позволило покончить с пляской цен и приступить к осторожному систематическому регулированию рынка. К заботе о поддержании твердого рубля и о прекращении бумажно-денежной эмиссии присоединилось следующее „звено“: снижение цен на продукты городской промышленности. Денежная реформа механически дала первый толчок этому снижению уже тем, что с появлением устойчивых денег исчезла страховая надбавка к цене товара, учитывавшая падение совзнака. Однако, этим дело не ограничилось. Тринадцатый с‘езд РКП учел политическое значение удешевления ситца, мануфактуры, гвоздей и т. п. В деле укрепления завещанной Лениным „смычки“ С‘езд дал твердую директиву нашим хозяйственникам: лозунг наивысшая прибыль во что бы то ни стало—ошибочен, расширяйте производство, понижайте накладные расходы, удешевляйте свою продукцию!

Так, уже без Ленина, ленинская партия верно нащупала очередное звено в сложной цепи взаимоотношений рабочего класса с крестьянством — расширение рынка, сближение социалистической промышленности с крестьянским полем через дешевый продукт.

Началась будничная творческая работа торгов, синдикатов, трестов и фабрик по выполнению решений партийного с‘езда, — и эта работа скоро дала блестящие результаты.

Обернувшись лицом к деревне, вся наша промышленность в целом и текстильная в особенности переживает полосу органического

под'ема и расширения. За истекший хозяйственный год наше производство расширилось на 30%. Это произошло, главным образом, потому, что деревня, получив твердую деньгу, приобрела возможность обмениваться с горородом, а благодаря снижению цен и сжатию ножниц, эта возможность перешла в действительность.

На расширенном совещании президиума ВСНХ СССР 4 декабря 1924 г. тов. Дзержинский с цифрами в руках показал, что крестьянин теперь в обмен на то же количество продуктов, что и в прошлом (1923-ем) году может получить изделий текстильной промышленности в 2,7 раза больше.

Расширение рынка повлекло за собой расширение производства. Вместо прошлогоднего кризиса сбыта в летние и осенние месяцы 1924 года, несмотря на плохой урожай, прошли под знаком усиленного спроса, который не всегда мог быть удовлетворен. Однако, на достигнутом успокоиться было нельзя. Уже один тот факт, что текстильная промышленность не смогла целиком удовлетворить возросшего спроса, создавал тормоз к дальнейшему удешевлению продуктов. Ведь в руках государственных и кооперативных органов находится не весь торговый аппарат: доля частного капиталиста дает себя особенно чувствовать в рознице, т.-е. на месте непосредственного соприкосновения с потребителем.

При этом условии расширение спроса создало возможность появления новых „ножниц" между оптовой и розничной ценой, причем ненормально высокая надбавка к оптовой цене в большей своей части перепадает в руки частного торгаша и, в конечном итоге, сужает спрос. В целом ряде отраслей розничные надбавки достигают 33 — 46%. Так, по обследованию Комвнуторга розничная надбавка по ситцу выросла с 1 апреля по 1 октября 1924 года с 31% до 43%, надбавка к оптовой цене махорки с 38,5% дошла до 46,8% и т. д.

Это явление отчасти парализует блестящие предварительные результаты кампании за снижение цен, которые в общей сложности удалось понизить на 30 и больше процентов. Мы в достаточной степени вытеснили частного оптовика, нам предстоит дальнейшая задача — подчинить своему влиянию частного розничника и укрепить здесь позиции кооперации. Но и решающим фактором в деле уничтожения новых „ножниц" является расширение нашей продукции. К этому же подводит нас и необходимость закрепления и расширения наших достижений в деле увеличения рынка. Платежеспособность широких крестьянских и рабочих масс попрежнему невысока. Нужно неуклонно продолжать политику снижения цен на фабрикаты, чтобы рынок не только не сокращался, но и расширялся.

Но каким путем наша городская промышленность может осуществить это удешевление продукции?

Сначала падение цен было обусловлено исчезновением уже упомянутой надбавки на обесценение и отказом трестов от чрезмерно-высоких накладных расходов в первую голову в области обращения (борьба с посредничеством, усиление кооперативной сети, сокращение торгового аппарата и т. д.). Но что остается делать дальше, после того, как эти первоначальные средства в своей значительной части уже исчерпаны? Можно ли бесконечно понижать цены за счет прибылей предприятия? Разумеется, нет. Мы имеем здесь об'ективный предел в виде себестоимости продукции в каждый данный момент и той надбавки к себестоимости, которая необходима для нормального расширения производства и общегосударственных нужд. С другой стороны, понижение цен в конечном счете служит могучим побудителем к понижению себестоимости, а расширение производства уже само по себе влечет за собой удешевление единицы продукта. Таким образом, и здесь, начав с рынка, с сокращения торговых издержек, мы приходим к первоисточнику продукта, — к производству, в процессе которого и слагаются основные элементы себестоимости.

Чтобы дальше снижать цены, чтобы иметь возможность скопить при этом необходимый фонд для поддержания тяжелой промышленности и для расширения производства, чтобы в конечном счете получить возможность пересесть с лошади крестьянской на лошадь машинной индустрии, остается один выход: при расширяющемся масштабе производства понизить себестоимость его. А этого можно достигнуть через поднятие производительности труда.

Так, выбрав первым очередным звеном денежную реформу, придя далее к ряду мер по

снижению цен и приближению производства к потребителю, партия подошла к решающему основному звену—к вопросу о поднятии производительности труда.

II.

„Производительность труда, говорил Ильич, это в последнем счете, самое главное, для победы нового общественного строя". Сложным извилистым путем прокладывает себе дорогу этот новый общественный строй в нашей крестьянской стране.

Мы должны были прибегнуть к НЭП'у для того, чтобы приспособить наше продвижение к социализму, к экономическому уровню середняка. Мы развязали частно-хозяйственную инициативу, чтобы методами рынка, хозяйственной конкуренции, соединенными с плановой работой, одолеть возрожденный нами же в известных границах капитализм. Если при завоевании власти первой нашей задачей было экспроприировать экспроприаторов, сломать государственную машину буржуазного господства и преодолеть сопротивление низвергнутых нами классов, то здесь первое слово принадлежало „человеку с винтовкой".

Основным нашим методом было тогда насилие — насилие огромного большинства над меньшинством. Но уже тогда, в эпоху „военного коммунизма", когда задачи военной обороны властно подчиняли себе все остальное, Ленин, а с ним и вся партия знали, что „диктатура означает не только насилие, хотя она невозможна без насилия, она означает также организацию труда, более высокую, чем предыдущая организация".

Новая экономическая политика есть такая система, при которой ежечасно приходят в соприкосновение и столкновение между собой два непримиримых принципа: частная капиталистическая собственность и элементы растущего социалистического хозяйства.

Мелкое крестьянское хозяйство, а с ним и определяемый в значительной степени последним и рынок представляет собой питательный бульон как для того, так и для другого принципа. Здесь о физическом насилии, как о методе втягивания крестьянства на социалистический путь, и говорить не приходится. И частный капитал и крупная социалистическая промышленность борются за деревню. „Крестьянство познает советскую власть практически", говаривал Ильич. Нужно, чтобы крестьянин практически познал, что союз, смычка с социалистической промышленностью ему экономически выгоднее, нежели услуги частного капиталиста. А убедить в этом крестьянство можно не словами, не через митинги, а дешевыми нужными ему товарами, изготовленными государственной промышленностью и доставленными ему кооперацией.

Так, основной вопрос революции — союз рабочего класса с крестьянством подводит нас к вопросу о поднятии производительности труда.

Уже после 13 с'езда партии было установлено, что заработная плата в своем росте обгоняет под'ем производительности труда: если средний поденный заработок рабочего в важнейших отраслях национализированной промышленности возрос с октября 1922 года по январь 1924 г. на 90%, то средняя валовая выработка его за этот же период возросла лишь на 23,3%. Разумеется, эти две цифры являются сводными, и в одной отрасли промышленности, на одном предприятии они колеблются в ту или другую сторону, но тенденция именно такова.

Партия бесстрашно взглянула правде прямо в лицо и забила тревогу.

В случае, если бы эта тенденция упрочилась, она бы выросла в огромную опасность и сделала бы немыслимым продолжение политики снижения цен и конкуренции с „отечественным" и западно-европейскими капиталистами. Но опасность была сигнализирована во-время, и с августа 1924 года началась длительная упорная кампания по изживанию замеченного зла. Это „очередное звено"—поднятие производительности труда—по самому существу своему не может быть разрешено нахрапом, в короткий срок. Здесь органически увязаны между собой все основные элементы производства и чтобы дойти до довоенной нормы, а затем и перешагнуть ее, нужно положить немало усилий, нужна максимальная согласованность, нужна совместная дружная работа хозяйственников и профессионалистов, рабочих масс и технического персонала. Прежде всего здесь нужно, чтобы весь рабочий класс понял, что дело касается его основных, коренных интересов, ради которых надо принести в жертву интересы временные, групповые, цеховые. Надо, чтобы все трудящиеся сознали, что поднятие производительности труда есть главное для удер-

жания и закрепления хозяйственной гегемонии пролетариата над крестьянством.

Среди отсталых, наименее сознательных слоев пролетариата существует предубеждение против самой постановки вопроса о поднятии производительности труда. Из уст лодыря, прогульщика можно услышать: „Почему поднимают производительность на нашей шкуре, за счет рабочего, а не улучшая производство введением технических усовершенствований и т. д.“. Такое противопоставление в корне неправильно.

Каковы условия поднятия производительности труда?

На этот вопрос Ленин дал исчерпывающий ответ еще в 1918 году в своей брошюре „Очередные задачи Советской власти“. „Под'ем производительности труда, писал В. И., требует прежде всего обеспечения материальной основы крупной индустрии: развития производства топлива, железа, машиностроения, химической промышленности“.

„Во-вторых, продолжает он, условием экономического под'ема является и повышение дисциплины трудящихся, уменья работать, скорости, интенсивности труда, лучшей его организации“. Таковы эти основные условия, к которым присоединяется „образовательный и культурный под'ем массы населения“. Можно ли отделить одно из этих условий от другого, организацию труда от организации производства?

Даже в капиталистическом обществе, ставившем себе целью наибольшее извлечение прибыли из своих наемных рабов — пролетариев, даже на капиталистической фабрике стремление увеличить производительность только за счет усиления эксплуатации рабочего оказывалось невозможным, и капиталист против своей воли должен был вводить и технические усовершенствования. А у нас, когда хозяином средств производства является рабочий класс, — фразы об эксплоатации есть результат полного непонимания того, что Октябрь изменил, перевернул в экономике, или простое шкурничество.

Задолго до завоевания власти пролетариата в 1914 году, тов. Ленин характеризовал систему Тэйлора, как „орудие дальнейшего угнетения рабочего“, как хитроумное средство „порабощения человека машиной“. Но уже тогда наш прозорливый рабочий вождь не ограничился анализом эксплоататорской, враждебной пролетариату системы Тэйлора. Он увидел в ней нечто такое, что „без ведома и против воли ее авторов подготовляет то время, когда пролетариат возьмет в свои руки все общественное производство и назначит свои рабочие комиссии для правильного распределения и упорядочения всего общественного труда. Крупное производство, машины, железные дороги, телефон, — все это дает тысячи возможностей сократить вчетверо рабочее время организованных рабочих, обеспечивая им вчетверо больше благосостояния, чем теперь.

И рабочие комиссии при помощи рабочих союзов сумеют применить эти принципы разумного распределения общественной работы, когда она избавлена будет от порабощения ее капиталом“[1].

Это предсказание Ильича ныне становится явью. Победивший, уничтожнвший эксплоатацию российский пролетариат через своих представителей в хозяйственных органах, через профсоюзы и фабкомы, производственные кружки и производственные совещания осуществляет то, что было прогрессивного в системе Тэйлора.

Шестой всесоюзный С'езд профсоюзов положил конец попыткам противопоставить хозяйственника профессионалисту. Эти попытки тем более нелепы, что расширение производства, возможное в наших условиях лишь при поднятии производительности труда, отвечает и непосредственным интересам рабочего класса. Только через расширение производства возможно сокращение безработицы, только в соответствии с достижениями в области производства возможен дальнейший рост заработной платы. Нет и не может быть при сохранении союза рабочего класса с крестьянством иного фонда заработной платы, нежели в самой промышленности. Но нельзя поднять производительность труда исключительно за счет технических улучшений, коренного переоборудования нашего производства, ибо для этого, для восстановления основного капитала нужны средства. И опять-таки нет у нас теперь никакого другого источника для накопления этих средств, кроме самой промышленности.

„Социалистическое накопление за счет эксплоатации не социалистических форм хозяйства“, как это недавно предлагалось тов.

[1] „Система Тэйлора—порабощение человека машиной“. (Собр. соч., т. XII, ч. 2-ая).

Преображенским—предложение явно неприемлемое для пролетариата, ибо, встав на этот путь, он подрубил бы тот сук, на котором он держится в капиталистическом окружении. Другой мыслимый путь для скорейшего восстановления основного капитала — иностранный заем, но этого займа нам дать не хотят.

Значит, остается одно — напречь усилия, поднять трудовую дисциплину, уплотнить рабочий день и перейти к такой системе заработной платы, которая заинтересовала бы рабочего в увеличении производства, чтобы накопить необходимые средства для восстановления и расширения промышленности. На этот единственно правильный, намеченный еще в 1918 г. Лениным путь и встал 6-й с'езд профсоюзов. С'езд решил, что 8 часовой рабочий день должен быть полностью загружен. Уже одно это даст большой производственный эффект, ибо не мало времени уходило у рабочего зря, и станки работали в холостую.

Как много предстоит сделать в области организации труда, показывают данные тов. Дзержинского о том, что в 1923—24 году на ту работу, на которую в 1913 году требовалось 100 рабочих, сейчас по кожевенной промышленности требуется 150, по шерстяной —106, по резиновой—145, по обувной — 235 и т. д. Между тем, давно установлено, что настоящий полностью загруженный 8 часовой рабочий день, дает во всяком случае не меньше 9-ти и 10-ти часового, а при технических усовершенствованиях и значительно более.

Рядом с поднятием трудовой дисциплины уплотнению рабочего дня способствуют введение неограниченной сдельщины и пересмотр норм выработки. Успехи сдельщины дают себя сразу же чувствовать. Так, по сообщению рабкора ситце-набивной фабрики Большой Иваново-Вознесенской мануфактуры, в первый же месяц перехода на сдельщину выпуск готового товара в день на одного рабочего поднялся с 1,4 куска до 1,9 и заработок увеличился. Таких примеров можно привести сотни и тысячи.

Все более широкие массы трудящихся втягиваются в деловую работу по поднятию производительности труда. В производственном кружке, на производственных совещаниях подводятся деловые итоги достигнутого в области организации труда и к этому присоединяется совместная с администрацией работа по устранению производственных недочетов и рационализации производства. Каждый день мы читаем о все новых изобретениях, исходящих из рабочей гущи, направленных к повышению производительности и удешевлению выработки.

Рядом с этой творческой работой масс идет работа местных и центральных органов управления промышленности по организации производства путем концентрации предприятий, большей нагрузки их и т. п.

На расширенном совещании президиума ВСНХ СССР 2 декабря 1924 года тов. Дзержинский поддерживая мнение руководителя Ленинградской промышленности тов. Лобова заявил: „Кампания по стандартизации может и должна стать предметом такой кампании, какою стала кампания за производительность труда". Стандартизация — введение единообразия изготовляемых изделий путем отбора лучших видов из массы однородных образцов — могучее средство по поднятию производительности труда.

Так, по сообщению М. Лапирова-Скобло [1] „Разработанные по инициативе Резино-Треста стандарты шин для автомашин устанавливают вместо ныне существующих 239 различных размеров только 28. Такое сокращение номенклатуры приведет к увеличению производительности труда (из 35 операций, обнимающих весь рабочий цикл производства авторезины, 12 находятся в зависимости от размеров изделий), к снижению себестоимости, а также к большему удобству потребителей при обслуживании их непосредственно со склада". Вплотную подошел к стандартизации или нормализации производства и Всероссийский Текстильный синдикат, значительно сокративши свой прейс-курант.

Все это — и работа по улучшению организации труда, и по повышению выработки, и по улучшению производства и стандартизации его направлено к одной и той же великой цели через поднятие производительности труда, укрепить союз рабочего класса с крестьянством, чтобы сомкнутым строем двигаться к социализму.

Сила коммунистической партии и состоит в том, что в длинном трудном пути к будущему бесклассовому обществу она каждый раз умеет найти ленинское „очередное звено" в этом продвижении и через ряд приводов вести за собой массы.

М. Левин.

[1] „Стандартизация и производительность труда" „Правда" 1924 г.— № 295.

Как определить расстояние до светил?

Видимое смещение.

Каждый, кто ездил по железной дороге, наблюдал не раз, как мимо окна несутся телеграфные столбы, будки, деревья, и медленно-медленно перемещаются далекие предметы. Оказывается, чем ближе к нам предмет, тем видимое смещение его больше при одном и том же нашем перемещении мимо этого предмета.

Действительно, телеграфные столбы ближе к полотну железной дороги, чем далеко стоящий лес, поэтому видимое смещение телеграфных столбов при движении поезда сразу бросается в глаза, а видимое смещение деревьев далеко стоящего леса только едва-едва заметно.

Таким образом, мы видим, что по величине видимого смещения предмета можно судить о расстоянии до предмета: чем больше это смещение, тем ближе к нам находится этот предмет.

Пользуясь вот этим простым явлением, люди научились определять расстояния до далеких предметов, до которых расстояние не может быть непосредственно измерено.

Для этого нужно только знать величину видимого смещения предмета и величину перемещения самого наблюдателя мимо этого предмета.

Величина видимого смещения предмета определяется приближенно, на глаз, следующим простым способом: нужно вытянуть руку, и выставить указательный палец этой руки, а затем измерить, сколько раз умещается поперечник пальца между запримеченными точками смещения предмета.

Величина же перемещения наблюдателя мимо предмета измеряется просто шагами или другим каким-нибудь способом.

Зная величину видимого смещения предмета и величину перемещения наблюдателя, легко определить расстояние до предмета на основании следующих простых правил:

1. Если видимое смещение составляет один палец, то расстояние до предмета в 30 раз больше перемещения наблюдателя.

2. Во сколько раз больше видимое смещение, во столько раз меньше расстояние до предмета.

Поясним это на следующем примере. Пусть, например, наблюдатель идет по дороге мимо домика с флагом (см. рис. 1) и заметит положение флага по направлению к какому-нибудь дереву *А* далеко стоящего леса. Пройдя по дороге 50 шагов, наблюдатель снова смотрит на флаг и видит его уже по направлению к другому дереву *Б*.

Таким образом, при перемещении наблюдателя на 50 шагов (из I-го во II-е положение, см. рис. 1), видимое смещение флага будет от дерева *А* к дереву *Б*.

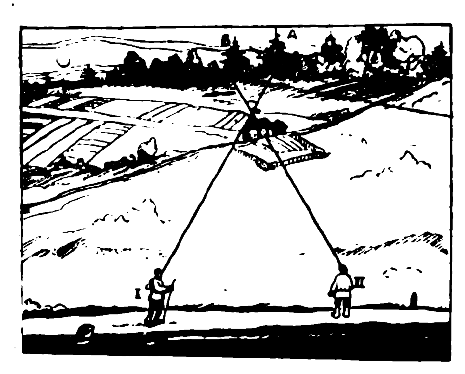

Рис. 1. Определение расстояния по видимому смещению.

Стоит только теперь наблюдателю остановиться в положении II-м и измерить при помощи вытянутой руки, шириной указательного пальца это видимое смещение флага, как он будет знать расстояние до домика с флагом. Действительно, пусть между деревьями *А* и *Б* ширина пальца на вытянутой руке умещается 3 раза; тогда на основании только что сказанного мы получим следующее: если бы видимое смещение флага составляло один палец (см. правило 1-е), то расстояние до флага было бы в 30 раз больше перемещения наблюдателя, т.-е.

50 × 30 = 1500 шагов.

Но так как видимое смещение в 3 раза больше ширины пальца, то на основании 2-го правила, расстояние до флага будет в 3 раза меньше, чем 1500 шагов, т.-е. расстояние до флага от наблюдателя будет

1500 : 3 = 500 шагов.

Зная, что средняя величина шага человека составляет 0,7 метра, легко определить это расстояние в метрах; оно будет

$$07, \times 500 = 350 \text{ метров.}$$

Т.-е. домик с флагом удален от наблюдателя на 350 метров.

Вот каким образом очень просто можно определить расстояние до недоступного нам предмета.

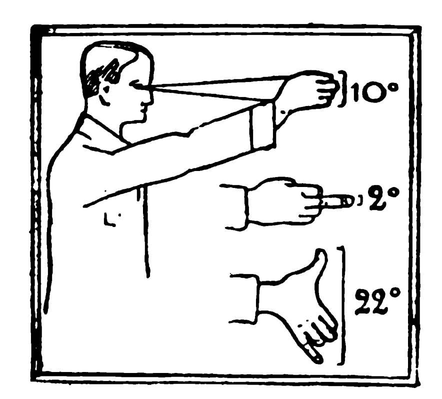

Рис. 2. Определение углов на глаз.

Такое определение расстояний можно легко проделать самому и на практике убедиться в справедливости вышеприведенных правил.

Нужно только помнить, что при измерении угла видимого смещения, руку нужно всегда держать вытянутой и перемещаться не по направлению к предмету, а мимо предмета, как это показано на рис. 1.

Само собой понятно, что этот способ измерения углов шириною пальца является, пожалуй, способом первобытного человека, и, конечно, этот способ при точных измерениях не применяется: но во всяком случае полезно знать этот простой способ, так как он дает нам возможность быстро ориентироваться и определять, хотя и приблизительно, расстояния до недоступных нам предметов.

Мерой измерения углов вообще служит градус, — $^1/_{360}$ часть окружности или, иначе говоря, $^1/_{90}$ часть прямого угла.

Ширина пальца на вытянутой руке составляет угол приблизительно в 2 градуса, ширина ладони дает угол в 10 градусов, а расстояние от большого пальца до мизинца на вытянутой руке (см. рис. 2) занимает угол приблизительно в 22 градуса.

Таким образом, можно приблизительно на глаз измерять угловые расстояния между звездами на небе и между видимыми, далеко от нас отстоящими, предметами на Земле (см. рис. 2).

При определении величины углов на глаз в случае малых углов берем ширину пальца, в случае средней величины углов, ширину ладони, а для больших углов — расстояние от большого пальца до мизинца.

Для того, чтобы измерить угол более точно, служат различные угломерные приборы, дающие возможность производить эти измерения углов с различной точностью.

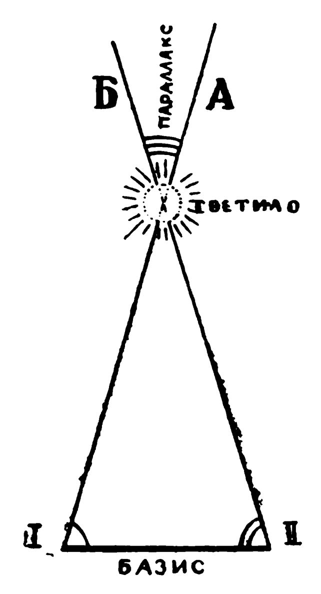

Рис. 3. Основной треугольник для определения расстояний до светил.

Определение расстояний до светил в астрономии основано на том же принципе, который мы привели выше, а именно, — по углу видимого смещения далекого предмета и по перемещению наблюдателя можно судить о расстоянии до предмета.

Таким образом, для определения расстояния до светила нужно только измерить при помощи точных наблюдений, угол видимого смещения

светила на небе вследствие перемещения наблюдателя, а также знать величину этого перемещения наблюдателя.

Действительно, пусть (см. рис. 3) из I-го положения наблюдателя мы видим светило на небе в точке *А* а из II-го положения — в точке *Б*, тогда угол видимого смещения светила называется *параллаксом*, а величина перемещения наблюдателя из I-го положения во II-е называется *базисом*.

Как параллакс так и углы при точках I и II этого основного треугольника для определения расстояний до светил определяется при помощи точных измерений угломерными инструментами и при помощи соответственных наблюдений светила, а базис находится непосредственными измерениями или при помощи вычислений, зная перемещение наблюдателя в пространстве за это время.

Таким образом, в основном треугольнике (см. рис. 3) между светилом и точками I и II будут известны углы и одна сторона; остальные же стороны этого треугольника, представляющие собой искомые расстояния светила от наблюдателя в I-м или во II-м положениях, определяются на основании геометрических построений или при помощи тригонометрических формул.

Вот как, в общих чертах, находится расстояние до светил; в дальнейшем мы покажем применение этого основного метода для определения расстояния в различных характерных случаях.

Расстояние до Луны. Для определения параллакса Луны, иначе говоря, расстояния до Луны была специально построена обсерватория на мысе Доброй Надежды, и нужно отдать справедливость, что намеченная цель была достигнута этой обсерваторией в совершенстве: расстояние до нашего спутника было очень точно определено по видимому смещению Луны при одновременных наблюдениях ее с мыса Доброй Надежды и из Гринвича.

Приведенный ниже рисунок 4-й показывает, как велико это видимое смещение Луны при одновременном наблюдении ее из Берлина и с мыса Доброй Надежды.

Как видим на этом рисунке, это смещение Луны — большое: оно составляет около трех видимых диаметров Луны, т.-е. около $1^1/_2$ градусов. Зная расстояние Берлина от мыса Доброй Надежды, можно теперь по видимому смещению Луны легко определить расстояние до Луны.

Оказывается, что при перемещении наблюдателя по земной поверхности на величину равную радиусу Земли (6.400 клм.) видимо смещёние Луны составляет приблизительно 1 градус (точнее 57 минут). Поэтому, на основании вышеприведенных правил, зная, что ширина пальца составляет приблизительно 2 градуса, мы легко вычислим расстояние до Луны следующим образом.

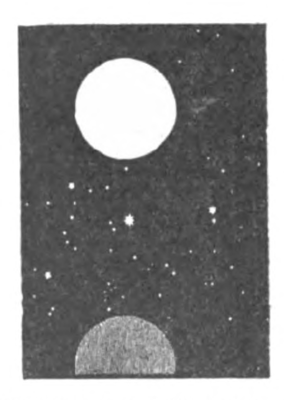

Рис. 4. Видимое смещение Луны между звезд при наблюдении ее из Берлина (нижний круг) и с мыса Доброй Надежды (верхний круг).

При видимом смещении предмета на 2 градуса расстояние до предмета в 30 раз больше перемещения наблюдателя, а при смещении на 1 градус расстояние будет в 60 раз больше перемещения наблюдателя. Таким образом, расстояние до Луны будет составлять 60 земных радиусов, или $6.400 \times 60 = 384.000$ километров.

Видимое смещение светила при перемещении наблюдатателя на величину радиуса Земли называется **суточным параллаксом**. Для Луны он равен 57 минутам. Определив суточный параллакс из наблюдений светила, легко найти по формулам тригонометрии и расстояние до светила. При помощи суточного параллакса определяется расстояние до Луны, Солнца и планет.

Только расстояние до звезд нельзя определить при помощи суточного параллакса, так как звезды находятся от нас так далеко, что перемещение наблюдателя по земной поверх-

ности на величину даже целого диаметра Земли (12.800 клм.) не вызывает никакого видимого смещения звезд на небе. Действительно, Земля по сравнению с расстояниями до звезд пылинка — атом, и при определении расстояния до звезд нужно, чтобы наблюдатель перемещался в пространстве на большие расстояния — на несколько сот миллионов километров.

Расстояние до Солнца.

Суточный параллакс Солнца тоже очень маленькая величина, всего только около 9 секунд.

Поэтому, несмотря на имеющиеся у нас точнейшие инструменты, не удалось еще измерить непосредственно суточный параллакс Солнца, т.-е. видимое смещение Солнца при перемещении наблюдателя по земной поверхности на величину радиуса Земли.

Чтобы представить себе, как мал параллакс Солнца и как велико расстояние от Земли до Солнца, вообразим в нашем основном треугольнике для определения расстояний до светил (см. рис. 3) базис равным 1 миллиметру, тогда другие стороны этого треугольника, т.-е. расстояния до Солнца, выразятся длиною в 12 метров. Одним словом, для вычерчивания такого треугольника для определения расстояния до Солнца понадобится лист бумаги шириною в целую улицу, при чем вся Земля представилась на этом чертеже только с булавочную головку.

Вследствие такой чрезвычайно малой величины солнечного параллакса определить его непосредственными измерениями, так же как это делается для Луны, с достаточной точностью нельзя. Точность такого определения должна быть велика, ибо ошибка в одну сотую секунды дает громадную погрешность в определении расстояния до Солнца: почти в 170.000 километров. Между тем, что такое угол в одну сотую секунды? Это приблизительно такой же угол, под каким нам кажется толщина человеческого волоса на расстоянии $2^1/_2$ километров! Наш глаз без помощи угломерного инструмента не в состоянии заметить угол даже в 1 секунду!

Обойти это затруднение в непосредственном определении параллакса Солнца сделал впервые Эдмунд Галлей, друг и современник Ньютона.

Способ Галлея основан на том, что при прохождении Венеры перед диском Солнца, изображение ее видно на диске Солнца, как на экране.

Пусть наблюдатель на Земле в точке *А*, (см. рис. 5) будет видеть Венеру, проходимую по диску Солнца по прямой *С*, а наблюдатель в точке *В*—по прямой *Д*.

Измерив угловое расстояние между этим прямыми *С* и *Д* и зная из теоретической астрономии отношение между расстояниями от Солнца до Венеры и от Солнца до Земли, легко найдем из подобия треугольников параллакс Солнца.

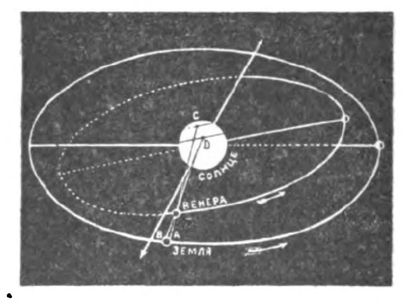

Рис. 2. Прохождение Венеры по диску Солнца.

Этот способ был предложен Галлеем в 1691 г. и применялся в прохождениях Венеры через диск Солнца в 1761, 1769, 1874 и 1882 годах.

Соотношение движений Земли и Венеры по их путям вокруг Солнца делает то, что Венера может проходить перед диском Солнца через правильные промежутки времени в $113^1/_2$ лет, увеличенные или уменьшенные на 8 лет. Таким образом, ближайшее прохождение Венеры через диск Солнца будет 8 июля 2004 г. и 6 июня 2012 г., т.-е. мы не доживем до нового определения расстояния Солнца по способу Галлея.

Из сравнения всех наблюдений, произведенных во время двух последних прохождениях Венеры через диск Солнца в 1874 и 1882 годах, в которых принимали участие астрономы всего мира, получили величину солнечного параллакса равно 8,80 секунды.

Прохождение Венеры через диск Солнца 26 мая 1761 г. наблюдал у нас в России М. В. Ломоносов, открывший во время этого наблюдения присутствие атмосферы на Венере. Вот как он пишет об этом открытии

в своем знаменитом докладе „явление Венеры на Солнце, наблюденное мая 26 дня 1761 г.", представленном Академии Наук: „по сим примечаниям господин советник Ломоносов рассуждает, что планета Венера окружена знатною воздушною атмосферою таковою (лишь бы не большею), какова обливается около нашего земного шара".

Кроме этого способа Галлея, определяют параллакс Солнца из наблюдений параллакса Марса или какого-нибудь астероида при их ближайших положениях к Земле.

Ни одно великое противостояние Марса, т.-е. ближайшее его положение к Земле, не пропускалось астрономами для определения расстояния до Солнца. Таким образом, в 1862, 1877, 1892, 1909 и в 1924 году астрономы определяли параллакс Марса, чтобы потом отсюда найти параллакс Солнца.

Из астероидов очень удобен для определения параллакса Солнца астероид, открытый в 1898 году и названный Эросом. Он подходит к Земле почти вдвое ближе, чем Марс. а именно на расстояние всего только 23 миллиона километров. Такие приближения Эроса бывают, однако, раз в 30 лет. Последнее его приближение к Земле было в 1901 году, и тогда астрономы всех стран, на 1810 обсерваториях определяли параллакс Эроса, чтобы потом найти параллакс Солнца, а отсюда и расстояние до Солнца.

Все эти определения расстояния до Солнца, сделанные различными способами, теперь привели астрономов к точному согласию: величина солнечного параллакса равняется 8,80 секунды, а расстояние до Солнца ровно 149.500.000 километров, при чем точность этого определения расстояния до Солнца составляет $^1/_{1600}$. Это показывает, что точность такого определения поистине изумительна: она равна точности меньшей чем один миллиметр при отмеривания куска материи в 100 метров.

Итак, расстояние до Солнца громадно, оно в 23.400 раз больше радиуса Земли (6.400 клм.)! Посмотрим теперь, как можно представить себе это громадное расстояние, отделяющее нас от Солнца?

Если бы такой путь задумал сделать пешеход, идущий по 30 километров в сутки, то ему понадобилось бы итти 140 веков! То есть в три раза больше времени, какое протекло с начала Египетской и Вавилонской культуры, с постройки первых пирамид в Египте. До Солнца ему никогда не дойти. Быть может, если не дойти, то, может быть, доехать хватило бы жизни? Вообразим, что каким-нибудь способом удалость пустить с Земли ракету на Солнце, летящую со скоростью курьерского поезда, т.-е. по 100 километров в час. Оказывается, что эта ракета только через 160 лет достигнет Солнца, следовательно люди, отправившиеся в этой ракете на Солнце никогда не долетели бы до Солнца. Только внуки наших внуков, родившиеся в этой ракете во время ее полета на Солнце и никогда не видевшие Земли, достигли бы конца своего путешествия — Солнца.

Звук, распространяющийся в воздухе со скоростью 330 метров в секунду, дошел бы до Солнца только в 14 лет, а пушечное ядро, летящее из скорострельной пушки со скоростью одного километра в секунду, долетело бы до Солнца в 6 лет. Наконец, свет, при его страшной скорости в 300.000 километров в секунду, идет от Солнца в $8^1/_3$ минуты. Отсюда ясно, что если даже Солнце уже зашло под горизонт, однако, еще $8^1/_3$ минуты идет до нас последние лучи Солнца и в продолжение этих $8^1/_3$ минут мы еще видим Солнце, как бы находящееся на горизонте.

Вот как велико это расстояние от нас до Солнца.

Расстояние до планет. Расстояние до планет находится также при помощи определения суточного параллакса планет.

При определении расстояний до Меркурия и Венеры, кроме того, также пользуются измерениями углов наибольшего удаления этих планет от Солнца и зная величину расстояния Земли от Солнца. Из полученного, таким образом, треугольника находят искомое расстояние Меркурия или Венеры от Солнца.

Кроме того, расстояния планет от Солнца определяются из наблюдений времени полного оборота планеты вокруг Солнца и применяя третий закон Кеплера: „квадраты времен полных оборотов планет вокруг Солнца относятся как кубы их средних расстояний от Солнца".

Отсюда, зная из наблюдений, время оборота планеты и расстояние Земли от Солнца, легко найдем расстояние этой планеты от Солнца.

Расстояние планет от Солнца и времена полных оборотов их вокруг Солнца даны в следующей табличке.

Чтобы представить себе наглядно эти расстояния до планет, вообразим весь земной шар в виде горчичного зернышка, тогда Луна будет находится на расстоянии 2-х сантиметров от него в виде макового зернышка, а на расстоянии 12 метров от него будет лежать Солнце в виде большого яблока. На 5 метров от этого яблока будет находиться Меркурий немного больший, чем маковое зерно; на 8 метров будет Венера величиною с горчичное зерно; на 18 метров будет Марс в виде крупинки меньше горчичного зерна. Затем, на 60 метров от яблока находится Юпитер величиною с большую сливу, а на 120 метров Уран величиною с горошину. Самая дальняя планета от Солнца, Нептун, будет представлена на этой модели горошиной на расстоянии $^1/_8$ километра от яблока, представляющего собой Солнце.

Название.	Обозначение.	Время полного оборота планеты вокруг Солнца.		Расстояние до Солнца.	
		ч.	сут.	в радиусах земной орбиты	в миллионах клм.
Меркурий . . .	☿	0	88	0,39	58
Венера	♀	0	225	0,72	108
емля.	♁	1	0	1,00	149
Марс	♂	1	322	1,52	228
Юпитер	♃	11	315	5,20	778
Сатурн	♄	29	167	9,54	1426
Уран	♅	84	5	19,18	2869
Нептун	♆	164	287	30,05	4496

Вот и вся наша солнечная система. За пределами же ее идет пустое пространство, за исключением разве рассеяных кое-где комет, вплоть до ближайшей звезды. Но где же поместить эту ближайшую звезду на этой модели? Очень далеко, а именно на таком расстоянии, на каком находится от Ленинграда гор. Омск (Зап. Сибирь), т-е. на расстоянии почти в 3500 километров!

Расстояние до звезд. Расстояния до звезд нельзя определить, как это было сказано раньше, на основании суточного параллакса, так как размеры всей Земли ничтожно малы по сравнению с расстояниями до звезд.

Определяется же оно из наблюдений видимого смещения звезды при перемещении наблюдателя вместе с Землей в пространстве во время ее движения вокруг Солнца. Наблюдая при помощи точнейших инструментов положение какой-нибудь звезды на небе, например, в январе, мы увидим ее через 6 месяцев, в июле, смещенной на небе, так как за это время мы сами переместились в пространстве на расстояние равное поперечнику земной орбиты, т.-е. почти 300 миллионов километров.

Несмотря на такое большое перемещение нас в пространстве, видимое смещение звезды будет едва заметно, — оно будет составлять самое большее угол в 1½ секунды. Это говорит нам, что расстояния до звезд громадны.

Видимое смещение звезды при перемещении наблюдателя на расстояние, равное радиусу земной орбиты, т.-е. 149.500.000 клм., называется **годичным параллаксом**.

Зная годичный параллакс звезд, мы таким же способом, как определяли расстояние до Луны, найдем из основного треугольника для определения расстояния до светил (см. рис. 3) искомое расстояние до звезды.

Определить годичный параллакс звезд, однако, представляет огромные трудности вследствие его чрезвычайно малой величины.

Еще до изобретения трубы астрономы старались определить годичный параллакс звезд, но все было напрасно.

Изобретение трубы увеличило точность астрономических наблюдений и дало возможность измерять небольшие углы; но чтобы действительно обнаружить это видимое смещение звезд при движении Земли вокруг Солнца, понадобилось ждать улучшения техники в течение целых двух столетий. Только в 1837 г., впервые Бесселю удалось измерить параллакс звезды 61-я Лебедя и найти его равным $^1/_2$ секунды. На следующий год, В. Струве в Дерпте определил параллакс Веги равный $^1/_5$ секунды. Приблизительно одновременно с Бесселем и Струве астроном Гендерсон на мысе Доброй Надежды нашел параллакс ближайшей к нам звезды Альфа Центавра, который оказался равным $^3/_4$ секунды.

Таким образом, мы видим, что годичный параллакс звезд не достигает даже 1 секунды

Такая ничтожно малая величина годичного параллакса говорит нам о громадном расстоянии до звезд. Действительно, ближайшая к нам звезда Альфа Центавра удалена от нас на такое громадное расстояние, что свету при его скорости в 300.000 клм. в секунду нужно $4^1/_2$ года, чтобы дойти от этой звезды до нас.

Единицей меры для измерения расстояний до звезд служит световой год, т.-е. расстояние, которое свет проходит в год. Оно равно 365 × 24 × 60 × 60 × 300.000 клм. = = 9.500.000.000.000. клм. = 63.000 расстояний Земли от Солнца.

Название.	Созвездие.	Расстояние в световых годах.	Величина.
Альфа Центавра . .	Центавр	4,5	0,1
Процион	М. Пес.	10.5	0,5
Сириус	В. Пес.	10,6	—1,6
61 Лебедя	Лебедь.	11	5,1
Альтаир	Орел.	14	0,9
Вега.	Лира.	30	0,1
Арктур	Волопас.	41	0.2
Капелла	Возничий.	47	0,2
Полярная . . .	М. Медвед.	48	2,0
Кастор	Близнецы.	54	1,6
Поллукс	Близнецы.	54	1,2
Альдебаран . . .	Телец.	65	1,1
Ахернар	Эридан.	81	0,6
Антарес	Скорпион.	110	1,2
Бетельгейзе . . .	Орион.	160	0,8
Регул	Лев.	160	1,3
Спика	Дева.	300	1,2

Таким образом, ближайшая звезда Альфа Центавра удалена от нас на расстояние в $4^1/_2$ раза большее, чем световой год, т.-е. на расстояние $4^1/_2$ × 9.500.000.000.000 клм.= = 42,700.000.000.000 клм.

В выше приведенной табличке даны расстояния в световых годах до ближайших к нам ярких звезд.

Из этой таблицы видим, что есть звезды менее яркие, но находящиеся ближе к нам, чем более яркие. От ближайшей к нам звезды Альфа Центавра свет идет $4^1/_2$ года, но от многих звезд свет идет до Земли десятки и сотни лет. Вот как громадны расстояния видимых звезд от Земли.

Звезды бывают различных величин. Некоторые звезды больше нашего Солнца во много раз; но есть, однако, звезды равные Солнцу и меньшие, чем Солнце. Таким образом, Земля во вселенной является песчинкой-атомом по сравнению с этими огромными небесными светилами, какими являются звезды, находящимися на колоссальных от нас расстояниях.

Действительно, если бы мы хотели представить себе размеры всей нашей вселенной, т.-е. предположить, что все видимые нами звезды помещаются на площади нашего Союза ССР, то нам нужно было бы для этого принять толщину самой тонкой паутинки, т.-е. $^1/_{500}$ миллиметра, за миллион километров, и тогда вся наша солнечная система поместилась бы на площади небольшой почтовой марки.

Вот каковы соотношения размеров Земли, Солнца, всей нашей солнечной системы, с расстояниями до звезд и размерами нашей вселенной. С одной стороны, площадь почтовой марки — величина нашей солнечной системы, с другой стороны — площадь СССР — размеры вселенной! Как ничтожно мала толщина тончайшей паутинки по сравнению с площадью СССР, так же ничтожно мало расстояние от Земли до Солнца, вся Земля с величайшими на ней сооружениями, Солнце со всеми планетами по сравнению с расстояниями до видимых нами звезд и размерами вселенной!

Проф. Н. Каменьщиков.

Отчего зависит пол

Отчего один человек родился мужчиной, а другой—женщиной? Такие и подобные вопросы, вероятно, многим приходили в голову.

В более общей форме этот вопрос мы можем выразить так: отчего вообще зависит пол в мире животных. Отчего данное животное родится самцом или самкой? Есть ли в этом какая-либо правильность? Каждому, кто хоть немого думал о поле, бросается в глаза, что вообще самцов и самок более или менее поровну. Это мы можем наблюдать и в человеческом обществе и среди животных. Это несомненный факт, замеченный давно, когда еще никакой науки о поле не было.

Правильность в распределении полов, именно в отношении 1 : 1, т.-е. на одного самца приходится одна самка, — очевидно не случайная, а управляется каким-то законом.

Чтобы понять, отчего зависит пол и почему полов поровну, нам надо обратиться к науке о наследственности. Почему именно к ней— нам станет скоро ясно.

Ведь пол есть прирожденное свойство человека или животных вообще. У каждого человека еще в состоянии зародыша, задолго до рождения, уже определяется пол... А ведь наука о наследственности и есть та наука, которая изучает, как получаются прирожденные свойства человека и вообще живых существ, как передаются они от родителей к детям, потому что ведь мы все знаем, что дети—это „плоть от плоти" и кровь от крови своих родителей и что потому дети и могут иметь свои прирожденные свойства только от своих родителей.

Как же это происходит? Начнем по порядку с начала, с яйца. Известно, что каждое животное — птица ли, рыба ли, лошадь ли, человек начинаются с яйца, т.-е. с особой клетки, снабженной питательным веществом для развития зародыша. Яйцо или яйцеклетка—совершенно особые образования, возникающие в половых органах самки — яичниках. У курицы зародыш выходит из яйца,—вне тела матери—потому что яйцо крупнее (собственно яйцо у курицы—это то, что мы называем „желток"). У других животных, как кошка, человек и т. д.—яйцо очень маленькое—около 0,1 миллиметра—так как зародыш вырастает в теле матери и питается на счет ее соков.

Но яйцо обычно не начинает превращаться в зародыш, если оно не соединится с особой мужской половой клеткой—спермием. Такие клетки образуются в мужских половых железах и в момент полового соединения попадают в половые органы самки и там происходит это соединение яйца со спермием— оплодотворение. После этого яйцо начинает дробиться и расти, образуя зародыш.

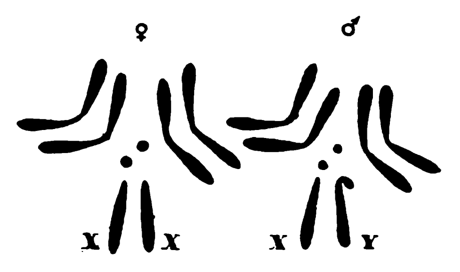

Рис. 1.

Два набора хромосом мухи дрозофилы. Слева набор самки (♀), справа самца (♂). В каждом наборе по 8-ми хромос, при чем попарно подобраны одинаковые — это двойные (диплоидные) наборы.

Таким образом, зародыш получается от слияния двух половых клеток — мужской и женской. Половые клетки вообще принято называть гаметой, а оплодотворенное яйцо, т.-е. оплодотворенную женскую гамету зиготой.

Итак, зародыш всякого животного начинается от слияния отцовской и материнской гаметы. Все наследственные свойства, в том числе и пол, передаются родителями детям через гаметы—не иначе.

Как же это происходит? Наука долго не знала ответа на это и только за последние 2 десятка лет удалось, наконец, многое выяснить.

Дело в том, что лишь в 1900 г. были найдены вновь, открытые Менделем еще в прошлом веке, законы наследственности. Эти законы, дополненные наукой о строении

половых клеток—гамет—и дали возможность так много понять в столь интересных вопросах наследственности. Теперь наука о наследственности с каждым годом открывает все новое и новое и все последние годы оказываются в этом отношении были чрезвычайно плодотворными.

Как же через посредство гамет передаются детям свойства родителей? В половых клетках есть особая часть их, которая и служит для этого—это хромосомы ядра. Как известно, в каждой клетке, в том числе и половой, есть особый орган—ядро. Когда клетка делится, размножаясь, ядро распадается на особые палочки, это и есть хромосомы. Их всегда определенное число у каждого животного. Например, у мухи дрозофилы—их 8, у червя аскариды—их 4, у человека 48 и т. д. Когда происходит оплодотворение—слияние яйца со спермием—то сливаются и ядра этих клеток. Тогда же смешиваются хромосомы отца и хромосомы матери, а с ними, как мы сейчас увидим и будущие свойства ребенка, так как всякий ребенок есть „помесь“ свойств отца и матери.

Но раз число хромосом определенно, то при оплодотворении и слиянии хромосом двух клеток оно должно удвоиться. Оказывается, что у гамет число хромосом половинное. Другую половину они теряют при созревании (это явление называется редукция хромосом). Потому при оплодотворении из половинного числа хромосом отца и из половинного матери слагается нормальное число в зиготе и далее в зародыше, вырастающем из нее. На рис. 1 мы видим изображение 8-ми хромосом мухи дрозофилы (эта муха очень удобна для изучения наследственности и теперь она изучена в Америке знаменитым ученым Морганом и его школой так, как ни одно животное в мире). Мы видим, что эти хромосомы собраны попарно и каждая пара особой формы. Это полный набор хромосом—диплоидный (их на рисунке 2). Когда созревает гамета она теряет половину хромосом—именно по одной из каждой пары. Это диплоидный набор их—половинный. А когда происходит оплодотворение—каждая гамета приносит по одной хромосоме из пары и диплоидное число их восстанавливается, с тем, что в каждой паре одна хромосома—отцовская, другая материнская.

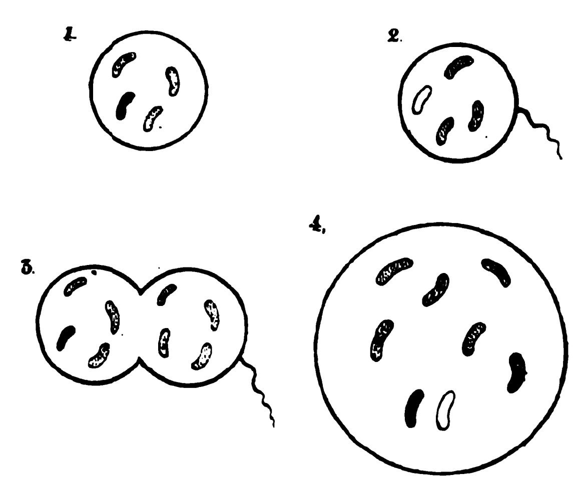

Рис. 2.

Упрощенное изображение гамет и оплодотворения. 1.—женская гамета с „черной“ хромосомой. 2—мужская гамета с „белой“ хромосомой, 3—их слияние во время оплодотворения, 4—в оплодотворенном яйце „черная“ и „белая“ образуют пару.

В этих то хромосомах и находятся зачатки наследственных свойств, передаваемых от родителей к детям. Эти зачатки называются еще *гены*. Иногда какое-нибудь свойство, например, коричневый цвет волос или серый цвет глаз оказывается зависящим от нескольких генов, а более сложные свойства и от многих генов, например, психические свойства, талант и пр., которые тоже наследственны. Когда зигота делится, ее хромосом распределяется по клеткам, из нее получающимся и образующим зародыш.

Какие же законы управляют передачей генов в хромосомах от родителей к детям—ведь это и есть законы Менделя, о которых мы упоминали?

Мы сейчас познакомимся пару морских простейшем примере. Возьмем с ними на сви-

нок: черную и белую и „скрестим" их, т.-е. получим от них потомство. Какого же цвета будет это потомство: черное, белое или пестрое? Оказывается — все черное. Свойство „черный цвет шерсти" взяло верх над белым. Это свойство—„черный цвет"—является преобладающим над белым—уступающим признаком. В этом и заключается первая часть закона Менделя: при встрече пары противоречащих признаков (или свойств) обычно один берет верх над другим, как здесь черный над белым.

Признаки эти находятся, как мы говорили, в виде зачатков в хромосомах. Обозначим гамету от черного родителя с одной хромосомой черной, а белого — с белой и возьмем условное общее число хромосом, четное. Прочие хромосомы несут другие свойства, нас сейчас не интересующие, мы их все обозначим серыми.

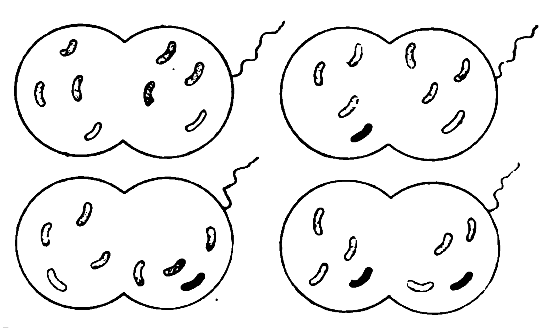

Рис. 3. Возможные сочетания разных гамет при оплодотворении.

Идет ли „черная" хромосома от отца или от матери, безразлично, т.-е. безразлично, берем ли мы самку или самца черным.

На прилагаемой схеме (рис. 2) видно, как два верхних кружка изображают гаметы с разными хромосомами, и как в кружке под ними в зиготе и получающейся из нее помеси — обе эти хромосомы соединяются в пару. Помеси этого поколения, обозначаемого F_1, содержат, следовательно, и „белую" хромосому, которая не обнаруживает своих наследственных свойств, так как преобладают свойства „черной" хромосомы.

Какое же потомство получится от морских свинок из этого поколения помесей черных на вид, но с невыявившейся белой хромосомой? У них получаются гаметы, как полагается, с половинным числом хромосом. При этом гаметы могут иметь или „черную" хромосому или „белую". Смешанных гамет „серых", так сказать, быть не может по понятным причинам: при сокращении числа хромосом остается или „белая" или „черная" хромосома от этой пары, другого случая быть не может.

Гамет тех и других, т.-е. с „черной" и „белой" хромосомой оказывается более или менее поровну и у самцов и у самок.

Что же мы видим при этих условиях при скрещивании.

Яиц будет как бы два сорта—одни с „черной" хромосомой, другие с „белой". Так же и спермиев будет два сорта. Какие же помеси могут получиться при всевозможных скрещиваниях? Спермии с черной хромосомой, короче „черный спермий", может оплодотворить яйцо с черной хромосомой—мы имеем сочетание: черная с черной; или же „черный спермий", а яйцо с белой хромосомой — тогда мы имеем сочетание черной и белой. Спермий с белой хромосомой может тоже оплодотворить или яйцо с черной или яйцо с белой хромосомой. В первом случае это будет сочетание хромосом белой с черной, во втором белой с белой.

Так как всех этих гамет, как мы говорили, более или менее поровну, то и при массовом оплодотворении всех сочетаний этих тоже будет поровну, т.-е. мы будем иметь на одно сочетание черной хромосомы с черной же два сочетания, черной с белой и одно сочетание белой с белой. Это становится вполне очевидным из таблицы, где Ч—черный, а Б—белый.

Яйца / спермии	Ч	Б
Ч	ЧЧ	ЧБ
Б	ЧБ	ББ

На прилагаемой схеме эти сочетания видны и в виде сочетания хромосом.

Итак, мы имеем следующие цифры сочетания хромосом и следовательно соответ-

ственных свойств: 1 Ч. Ч + 2 Ч. Б + + 1 ББ.

Но два сочетания ЧБ при преобладании Ч (черный цвет) над Б (белый) дают тоже черных свинок. Эти помеси называются гетерозиготными, т.-е. такими, у которых в зиготе разные, противоположные гены.

В результате, во втором поколении помесей, мы имеем в среднем на 3 черных одну белую свинку. Опыт вполне подтверждает расчеты теории. Снова появляются белые свинки в отношении 1 на 3 черных, т.-е. признак уступающий появляется в F_2 вместе с признаком преобладания, но в меньшинстве, в отношении 1 : 3, при чем из этих трех черных свинок — 2 гетерозиготные и в их потомстве повторится то же расщепление, т.-е. тоже выделится по 1 белой свинке на 3 черных и т. д.

Это вторая часть закона Менделя о расщеплении признаков в F_2 и появлении особей с преобладающим и уступающим признаком в строго определенном отношении, как мы видели на простейшем случае в отношении 1 : 3 — одного с уступающим признаком (у нас белый) на 3 с преобладающим (у нас черный).

Мы рассмотрели самый простой случай — когда родители разнятся в одном свойстве и следовательно имели дело с одной парой признаков—у нас в примере черный и белый цвет шерсти. Можно взять случай более сложный, с двумя парами признаков. Например, взять морских же свинок, отличающихся не только цветом шерсти, но и длиной шерсти. Это будет случай с двумя парами признаков: чер-ный и белый цвет и длинная и короткая шерсть. Каждый признак, оказывается наследуется независимо от другого — это очень важная часть закона Менделя, третья часть его. Так, если мы имели белую длинношерстную морскую свинку и черную короткошерстную, то при скрещивании их мы в первом поколении помесей (F_1) получим черных короткошерстных свинок — т.-е. короткошерстность — признак преобладающий, как и черный цвет. Во втором поколении (F_2) при расщеплении появятся всевозможные сочетания этих четырех признаков. Следовательно, и новые сорта свинок—черные длинношерстные оказывается не связаны с белым цветом и т. д., они лежат в разных хромосомах и потому наследуется один независимо от другого. Мы не будем выводить число всех помесей F_2 — это делается так же, как и в разобранном примере, с помощью таблицы, где выписаны все сочетания генов в спермиях и в яйцах. Обозначив через *D* длинную шерсть, через *К* — короткую и соответственными буквами черный и белый цвет, мы получим следующие возможные сочетания этих генов в гаметах: *ЧД*, *ЧК*, *БД* и *БК*.

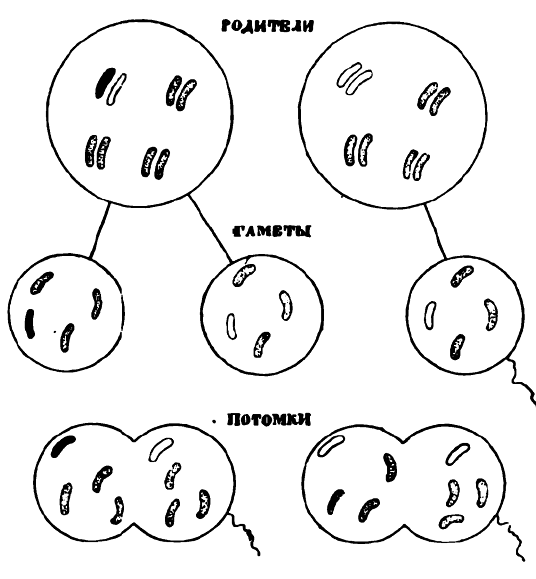

Рис. 4.

Обратное скрещивание „*Родители*" — слева помесь с „черной" и „белой" хромосомой; справа — обе хромосомы „белые" — в данном случае самец, и образует *спермий* (при гамете хвостик) *гаметы* — помесь: образует гамета или с „черной" или с „белой" хромосомой. Родитель с „белыми" хромосомами и гаметы только с такими же. „*Потомки*". При оплодотворении возможны два рода сочетания гамет: *спермий* с „белой" хромосомой оплодотворяет яйцо с черной хромосомой (левое сочетание), или же оплодотворяет яйцо с белой же хромосомой (сочетание справа).

Так, закон Менделя дает возможность предусматривать, какие свойства будут у поме-

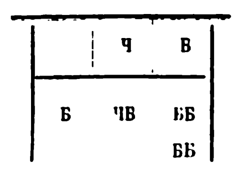
сей и сколько помесей будет того или иного сорта, при чем это можно делать для трех, четырех и более пар признаков. Практическое, а также и теоретическое значение этого очень велико. Но входить ближе в эту область нам здесь не место.

Итак, закон Менделя слагается из трех частей:

1) правила доминирования, т.-е. преобладания одного признака над другим, когда встречаются в помеси противоречащие признаки от разных, родителей. 2) закона расщепления, т.-е. появления во втором поколении (F_2) наравне с признаком преобладающим и признака уступающего в известных численных отношениях и, наконец, 3) независимости наследования признаков, что и ведет к новым, иногда очень практически ценным сочетаниям.

Все эти части закона Менделя наглядно уясняются если представить себе как передаются наследственные свойства с помощью хромосом, при чем гены разных признаков лежат в разных хромосомах. В виде исключения некоторые признаки заложены в одной хромосоме и тогда очень часто наследуются вместе. Теперь после общего представления о законе Менделя, нетрудно перейти к вопросу о наследовании пола, как к частному случаю приложения закона Менделя.

Для этого нам надо остановиться на одном случае скрещивания, именно, так называемом, обратном. Возьмем одну морскую свинку — помесь, которую мы обозначим через *ЧБ* и скрестим ее не с такой же помесью как она сама, а обратно,—с одним из родителей, именно с белой, которую мы обозначим через *Б*. Какое у них получится потомство? От белой будут гаметы только с геном *Б*, от помеси и с *Ч* и с *Б*. Построим табличку как мы это делали уже раз:

	Ч	В
Б	ЧВ	ББ
		ББ

Мы видим, что получаются белые (*ББ*) и черные (*БЧ*), те же помеси по составу, а главное тех и других будет поровну, в отношении 1 : 1.

Но ведь это и есть действительное отношение полов, как мы уже знаем.

Обозначим мужской пол через „*М*“, женский через „*Ж*“ и подставим эти буквы в нашу схему вместо „*Ч*“ и „*Б*“ и мы получим схему наследования пола.

Но при таком обозначении мужской пол должен быть гетерозиготен, как помесь. У самца должны быть различные спермии: одни на самцов, другие на самок, как в нашей схеме с „черной“ или с „белой„ хромосомой. Ведь мы на этом примере признак „черный цвет шерсти“ заменили признаком „мужской пол“, а „белый“—„женским“. Что же в действительности мы находим какое-нибудь подтверждение этого предположения? Обратимся к фактам.

Читатель, вероятно, обратил внимание на то, что набор хромосом дрозофилы на рисунке изображен дважды, при чем оба набора отличаются немного друг от друга. Один набор из четырех пар хромосом со значком ♀ — значит женский набор, другой почти,— такой же со значком ♂ — мужской. Различие их в том, что нижняя пара хромосом у самца неодинакова—одна хромосома как бы с крючечком, другая прямая. Первая обозначается через *У*, вторая через *Х*. В женском же наборе обе хромосомы этой пары одинаково прямые, т.-е. обе обозначаются через *Х*.

Естественно принять, что в этом различии хромосом самца и самки и таится причина отличия полов. Поэтому пара хромосом *ХХ* и *ХУ* называют половыми хромосомами. У самца различные хромосомы в паре половых хромосом, что вполне соответствует нашему обозначению *МЖ*, т.-е. гетерозиготности самцы, как мы это назвали. Обозначение *МЖ* соответствует тому, что мы наглядно видим в наборе хромосом самца в виде различия его половых хромосом, обозначаемых *ХУ*. Самку мы обозначили *ЖЖ* и в ее наборе хромосом мы действительно видим, что пара половых хромосом одинакова, мы обозначали их через буквы *ХХ*.

Итак, различие полов зависит у мухи дрозофилы от различия в наборе хромосом самца и самки. У самца одна пара хромосом состоит из отличающихся хромосом обозначаемых через буквы *Х* и *У*, что вполне соответствует нашему предположению гетерозиготности самца что мы выразили буквами *МЖ*. Самка же имеет одинаковые половые хромосомы *ХХ*, что и соответствует обозначению ее через *ЖЖ*.

Как уже упоминалось, рассмотрение набора хромосом у дрозофилы—это полные, нормальные наборы диплоидные, как мы их назвали.

В гаметах набор хромосом половинный, благодаря редукции.

Из каждой пары хромосом в гамете остается по одной и всего вместо 8-ми хромосом—4. Очевидно, что у самки все гаметы будут одинаковы, так как в каждой паре у нее одинаковые хромосомы, также и половые. Но не то у самца — из пары половых хромосом у него одни спермии будут иметь X —хромосому, другие Y—хромосому и потому получаются разные спермии по своему набору хромосом.

Ясно, что раз спермии разные—одни с X хромосомой, другие с Y, то и результаты оплодотворения яиц должны быть разные, так как яйца все одинаковы—содержат X хромосому. Какие же комбинации возможны?

Спермий с X оплодотворяет яйцо, тоже с X—хромосомой—сочетание XX—дает самку; спермий с Y хромосомой дает при оплодотворении сочетание XY—получается самец. Значит одни спермии на самца—с Y хромосомой, другие на самку—с X хромосомой. Тех и других получается более или менее поровну. Вот почему и таких и других оплодотворений тоже бывает почти поровну, а потому и рождается примерно одинаковое число самцов и самок.

Итак, в хромосомах мы нашли аппарат, об'ясняющий нам отчего зависит различие полов, отчего полов поровну и в чем механизм определения пола.

Но сказанным вопрос еще далеко не исчерпан. Школой Моргана на названной мухе дрозофиле изучены многие подробности наследственности пола. Мы, к сожалению, не можем пускаться в изложение их, несмотря на чрезвычайный интерес, и убедительность их. Укажем лишь, что в половой хромосоме находятся и другие гены, например, белого цвета глаз у некоторых мух и потому передается с ней, т.-е. связан с полом мухи.

Кроме того, некоторые удобства и ненормальности, которые теория об'ясняет неправильной редукцией и потому лишней хромосомой, действительно оказались основанными на этом. Микроскопическое изучение клеток обнаружило эти предполагаемые лишние X хромосомы.

Подобные опыты вполне определенно заставляют принимать предположение, что пол связан с особыми половыми хромосомами и от них зависит.

Половые хромосомы найдены и у других животных, не только у мухи дрозофиле. Так, они описаны у многих насекомых, например, клопов, где иногда Y —хромосомы вовсе отсутствуют и потому самец имеет набор на одну хромосому меньше, чем самка. Это же, повидимому, происходит и у человека. Собственно, 48 хромосом только у женщины, у мужчины же их 47. И спермий на мужчину содержит 23 хромосомы, а на женщину 24. Как видно и здесь пол уже предопределен тем, какой спермий оплодотворит яйцо—на мужчину или на женщину. Число же их и шансы оплодотворения, приблизительно, одинаковы, зависят от „случая", потому и родится, приблизительно, одинаковое число мальчиков и девочек.

У многих читателей, вероятно, уже давно возник вопрос—почему же мужской пол гетерозиготен, а не женский? Теоретически возможно и обратное: XX—значит самец, а XY—самка. Так оно и бывает. В природе есть и тот случай, когда самка гетерозиготна, а самец гомозиготен. К этому типу, найденному впервые у бабочек, относятся также и птицы. У них, следовательно, яйца двоякой наследственной природы: на самцов и на самок, спермии же все одинаковы—на самок, так сказать.

Здесь не место пускаться в подробности этого вопроса и доказательства в пользу него. Рядом исследований над различными животными теперь вполне определенно установлено, что есть и женская гетерозиготность—это тип *абраксас*—по названию бабочки, на которой он изучен. Тип же мужской гетерозиготности назван типом *дрозофила*, по известной мухе, на которой он лучше всего изучен.

Человек, как мы видели, относится к типу дрозофилы, т.-е. гетерозиготен мужчина.

Подведем итоги сказанному. Мы выяснили основной закон наследственности Менделя и учение о хромосомах, как ту материальную основу, с помощью которой осуществляется закон Менделя, т.-е. хромосом содержит в себе зачатки наследственных свойств, переходящих от родителей к детям.

Далее мы увидим, что пол передается по наследству по схеме обратного скрещивания и этим об'ясняется отношение полов 1 к 1. Основой наследственности пола являются так называемые половые хромосомы. У дрозофилы, человека и др животных они раз-

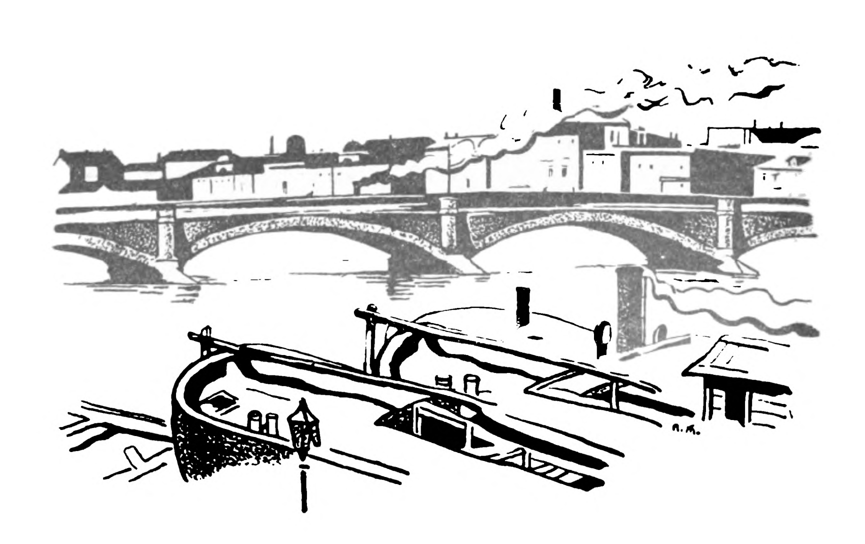
личны у самца или одна из них вовсе отсутствует. У бабочек, птиц и т. д., наоборот—неодинаковые половые хромосомы самки. В этом различии набора половых хромосом самца и самки лежит причина различия полов с точки зрения наследственности.

В связи с этим и гаметы могут быть различны. У типа дрозофилы спермии не одинаковы: одни на самцов (с *У*—хромосомой), другие на самок (с *X*—хромосомой) яйца же все одинаковы. У типа аброксас—наоборот, так как эти двоякие гаметы на самку и на самца—получаются, примерно, в одинаковом количестве, то и число зачатий самок и самцов, примерно, тоже одинаково.

Таким образом, в наследовании пола через хромосом мы получаем об'яснение вопроса—от чего зависит пол и отчего обоих полов поровну.

Но мы до сих пор вовсе не касались вопроса о том, в чем же природа генов и хромосом, каким образом они вызывают появление свойств в организме, в частности пола. Это вопрос физиологии пола. Он требует отдельного обсуждения.

И. К.

Т. Ашкрофт. Очерки современного империализма. Перевод с английского А. И. Ромма. Гиз. Москва, 1924. Стр. 159. Цена 65 коп.

Настоящая книга относится к серии популярных книг, рассчитанных на рабочего читателя, издаваемых английским обществом „Плебс". На русском языке это вторая книжка из серии.

Ашкрофт в своей книге рассматривает империализм, как стремление отдельных государств к территориальному расширению, как стремление к захвату новых областей для эксплуатации, новых колоний. В этом отношении он делает теоретическую ошибку, хотя и дает экономическое об'яснение этим стремлениям, даже вводит целую главу „экономика империализма".

Вот как определяет В. Ленин империализм. „...империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами".

Основная ось книжки Ашкрофта — мировая война 1914 г.

„Война—говорит Ашкрофт—назревала давно, но ...как промышленный капитализм развивается через повторные кризисы, так и капиталистический империализм (а какой еще бывает!? *М. К.*) натыкается в своем развитии на бесконечные военные и дипломатические кризисы" (стр. 41). И вот об этих военных и дипломатических кризисах перед войной 14 года Ашкрофт повествует на протяжение половины книжки, давая, правда, им экономические об'яснения.

Очень немного Ашкрофт уделяет места в своей книге послевоенной-ситуации — 1919, 20, 21 годы и еще меньше — только несколько страничек — нашим дням — современному. Говоря о современном, он несколько останавливается на вопросе о мировом консорциуме. Вопрос интересный, злободневный, но у Ашкрофта он скомкан. Почти совершенно не показана невозможность создания в действительности такого консорциума.

Автор, вполне справедливо, считает, что рабочему необходимо изучение империализма, чтобы кончить с ним. А так как в основе империализма лежит эксплуатация трудящихся, то, „... чтобы разрешить проблему империализма, чтобы избавить народы от его ужасов, надо покончить с эксплуатацией" (стр. 19).

Но как освободиться от эксплуатации, где путь к освобождению — об этом Ашкрофт ничего не говорит. Правда, в самом конце книги он говорит о необходимости пролетарской солидарности, но едва ли с одной солидарностью далеко уйдешь. Надо боевое об'единение для совместных действий. Такое об'единение имеется. Это — Коммунистический Интернационал. До него Ашкрофт, видно, еще не дошел.

Книга написана очень популярно. Ее можно порекомендовать только тем товарищам, которые будут интересоваться империалистической войной 1914 года.

М. К.

Пьер Л'Эспаньоль. Мировая борьба за нефть. Перевод с французкого Г. Дашевского под редакцией А. Сухова. Гиз. Украины 1924. Стр. 100. Цена 60 коп.

„Характерен для нашей эпохи тот факт, что „король-уголь" должен был уступить свой гордый трон прекрасной „даме-сердца" нашего века — нефти". Развитие авиации, автомобилизма, переход — из соображений экономии — водного и железнодорожного транспорта на нефть поставили экономическое благосостояние и военную мощь государства в зависимость от нефтяных богатств. Доказательство тому—история минувшей империалистической войны.

Лорд Керзон на банкете, устроенном для членов „Межсоюзной нефтяной конференции", произнес следующие знаменательные слова: „союзники приплыли к победе на гребне нефтяной волны" (стр. 89). Громадную роль нефти в войне признает и французский маршал Фош, говоря, что „французский грузовик одержал победу над немецким паровозом". Л'Эспаньоль приводит обращение французского президента Клемансо к американскому президенту Вильсону, посвященное целиком нефти. Это обращение датировано 15 декабря, 1917 года. Кончается оно так:

„Если союзники не хотят проиграть войны, они должны позаботиться о том, чтобы сражающаяся Франция, в час решительного германского натиска, получила бензин, необходимый ей, как кровь, в грядущих боях" (стр. 49).

И поэтому, пожалуй, прав автор, когда он говорит, что „союзники выиграли войну в значительной мере благодаря тому, что два самых больших треста—„Стандарт" и „Детч-Шелль" пришли Антанте на помощь" (стр. 47)."

В настоящее время „почти все месторождения (нефти), расположенные в четырех частях земного шара и в различных государствах, находится в руках двух больших трестов: американского „Стандарт-Ойль" и англо-голландского — „Рояль-Шелль-Детч", а также обществ, руководимых непосредственно британским правительством".

По существу, вся нефть, если не считать СССР, поделена между английским и американским капиталом.

После окончания войны 1914 года между ними идет все время напряженная борьба. Почти ни одна конференция не проходит без того, чтоб на ней не выплыла нефть. Не даром Л'Эспаньоль говорит, что „генуэзская конференция войдет в историю не столько, как „мирная", сколько, как „нефтяная конференция" (стр. 77).

И в деле интервенции и в деле признания СССР русская нефть играет не маловажную роль. Л'Эспаньоль очень мало места уделяет вопросам русской нефти и проблеме северо-персидской нефти, борьба за которую близко касается Союза Советских Республик. Его восполняет автор предисловия.

Книжка очень интересная. Ее можно рекомендовать широкому читателю, но с предупреждением, чтоб он не забывал, что автор ее правоверный французский патриот и склонен, так как для Франции вопрос о нефти — больной вопрос, — переоценивать вообще роль и значение нефти.

В. Волин. Сен-Симон и сенсимонизм. Изд. „Красная Новь" 1924. Стр. 112. Цена 45 коп.

„19 мая 1925 года исполняется сотая годовщина смерти Сен-Симона". Поэтому выход настоящей книги как нельзя кстати, особенно, если принять во внимание полное отсутствие на русском языке популярной литературы о Сен-Симоне.

Настоящая книжка — не компиляция, а плод самостоятельной научно-исследовательской работы, как говорит автор, — „итог более чем десятилетней работы".

Тов. Волин, прежде всего, рассеивает неправильное представление о Сен-Симоне, как о социалисте. „Он социалистом не был, и причисление его к социалистам свидетельствует лишь о чрезвычайно низком уровне, на каком стояло вплоть до начала XX века изучение истории социологии". Но, тем не менее, Сен-Симон „оказал большое влияние на дальнейшее развитие социализма".

Новое, что внес Сен-Симон в общественные науки это — идея закономерности общественного развития. „Идея закономерности — основной стержень системы Сен-Симона". Но несмотря на это, он остался в области истории идеалистом.

Тов. Волин дает анализ социально экономической системы, философских и социологических воззрений Сен-Симона и сен-симонистов. Этому анализу он предпосылает вводную главу, в которой дает картину общественно-экономической обстановки, в которой вырос Сен-Симон и из которой развился сен-симонизм.

Настоящую книжку можно рекомендовать всем, интересующимся вопросами истории социализма.

Мотылев. Заработная плата в капиталистическом хозяйстве и в СССР. Изд. „Буревестник" Ростов н/Д, Краснодар 1924 г. стр. 103. Цена 70 к.

Как явствует уже из заглавия, работа состоит из двух частей: выяснение законов заработной платы в капиталистических странах и в СССР, при чем в начале каждой части дается богатый и удачно подобранный конкректный материал. Благодаря удачному подбору материала не утомляет читателя. Что касается теоретической части работы, то она на-ряду с популярностью изложения отличается исчерпывающей полнотой. Автор не упустил ни одной детали из Марксовой теории заработной платы и, вместе с тем, сделал ее легко доступной даже тому, кто впервые приступает к изучению политической экономии.

В качестве недочета работы следует указать на недостаточно рельефное выяснение социалистической сущности заработной платы в СССР. Анализ заработной платы в СССР автор начинает с установления общих ей черт с заработной платой при капитализме. Общим законом заработной платы, действующим как при капитализме, так и в наших условиях, является — по мнению автора — закон стоимости рабочей силы, ибо наш строй унаследовал от капитализма средний жизненный уровень рабочих, а также и разницу в жизненном уровне отдельных групп рабочих, в зависимости от их квалификации и культурного уровня вообще.

Таким образом получается, что в основном законы заработной платы у нас не отличаются от законов ее при капитализме, ибо основной чертой заработной платы при капитализме является именно то, что она существует в качестве превращенной формы стоимости рабочей силы. Поэтому отсутствие в наших условиях остальных черт заработной платы, как-то: подверженность влиянию закона спроса и предложения, влиянию экономических стачек, тенденция заработной платы к понижению, — не производят впечатления коренного отличия заработной платы в СССР от капиталистической заработной платы. По этой же самой причине и утверждение автора в самом конце его работы, что в наших условиях имеет место „изменение социального характера заработной платы" будет пропущено читателем мимо ушей.

По нашему мнению, то, что автором вскользь задето в самом конце его работы и не только не вытекает из его основного положения, но даже находится с ним в противоречии — должно было служить исходным пунктом при выяснении сущности заработной платы в СССР. Заработная плата при капитализме есть прежде всего цена товара „рабочей силы" и, как таковая, является категорией, выражающей экономическую зависимость рабочего от частного собственника на средства производства. Понятно, что стоимость рабочей силы имеет смысл только в том случае, когда рабочая сила является товаром и, следовательно, совершенно бессмысленно в наших условиях, когда рабочая сила не нанимается частным лицом, а оплачивается пролетарским государством[1]. В наших условиях отношения рабочего к производству только по внешности, только по форме сходно с наймом рабочих при капитализме.

По существу же оно отличается от него принципиально. Следовательно, и категория заработной платы в СССР только по названию тождественна с капиталистической заработной платой и в корне отличается от нее по своей принципиальной сущности. Это отличие имеет место именно потому, что в СССР отсутствует ценность рабочей силы. Капиталистическая заработная плата есть экономическая категория, выражающая факт эксплуатации рабочих, эксплуатации происходящей путем меновой формы

[1] Следует иметь в виду, что говоря о заработной плате в СССР, мы отвлекаемся от капиталистических предприятий, расположенных на территории СССР, ибо заработная плата в них от капиталистической заработной платы принципиально не отличается.

отношений. У нас в СССР сохранилась меновая форма отношений, но изменилась сущность их: за меновой формой скрывается социалистическое содержание. Читатель работы Мотылева, благодаря указанным недостаткам, обратит внимание на капиталистическую форму заработной платы и не заметит ее социалистического содержания.

Но жизненный уровень рабочего в СССР отличается от стоимости рабочей силы не только качественна, но—вопреки мнению т. Мотылева—отличен от нее и количественно. Утверждение т. Мотылева, что жизненный уровень рабочего (по его терминологии стоимость рабочей силы) у нас находится в зависимости от стоимости рабочей силы капиталистической России, совершенно неосновательно. Потребности, приобретенные при капитализме, пройдя через эпоху военного коммунизма, не могли не измениться. Что же касается изменения жизненного уровня, роста его, то тут даже сам т. Мотылев признает, что он зависит исключительно от роста производительности труда и, следовательно, при наличии надлежащей производительности легко может перешагнуть через капиталистический жизненный уровень, не встретив с его стороны абсолютно никакого препятствия.

Таким образом, если мы в основу анализа заработной платы в СССР положим изменения ее социальной сущности, то мы—вопреки Мотылеву—придем к тому заключению, что „стоимость рабочей силы" ни с качественной, ни с количественной стороны на заработную плату влияния не оказывает. Благодаря этому же исходвому пункту, делается значительно более ясным и убедительным правильное утверждение т. Мотылева, что заработная плата в условиях СССР не подвергается влиянию закона спроса и предложения, не испытывает тенденции к понижению.

И. Бялый.

Новые идеи в биологии сборник № 10. Живое вещество. Изд-во „Образование". Ленинград, стр. 132, ц. 1 р.

Десятый сборник „Новых идей в биологии" посвящен статике живого вещества. Первая статья А. В. Немилова излагает эволюцию клеточного учения и современные воззрения на элементарную структуру живой материи. Понятие о клетке, как о единице живого вещества, своего рода биологической молекуле, сменяется новыми представлениями, в свете которых клетка не является более „кирпичиком организма", но сама построена из более простых единиц живой материи. По терминологии Гейденгейна она является „гисто-системой" по отношению, по крайней мере, к 6 менее сложным образованиям. Статья написана вполне популярно и вместе с тем изобилует ссылками на новейшую литературу.

Следующая статья принадлежит Петерфи, одному из творцов метода микроскопической хирургии. Здесь читатель найдет краткое описание этого любопытнейшего достижения методики современной цитологии.

Учению о хондриозомах и аппарате Гольджи посвящена статья Д. Н. Насонова. Хондриозомы — палочковидной и нитевидной формы образования, находимые в протоплазме всех без исключения животных и растительных клеток. Наравне с ядром, они являются необходимой составной частью клетки. Их физиологическая роль, по современным воззрениям, может быть определена в 3-х направлениях: 1) они являются наравне с ядром носителями наследственных свойств, 2) они суть формообразующие элементы, переход которых в специфические образования (миофибримы, неврофибримы и т. д.), превращает индифферентную эмбриональную клетку в специализированную клетку взрослых тканей (мышечную, нервную и т. д.) и 3) хондриозомы играют существенную роль в процессе секреции.

Аппарат Гольджи (сетчатое образование протоплазмы) считается органоидом, служащим для экскреторной функции клетки. На основании собственных наблюдений, автор считает его гомологичным пульсирующей вакуоле простейших. Интересная статья Д. Н. Насонова обладает всеми свойствами присущими компетентному изложению, основанному в значительной степени на собственных наблюдениях.

Желая всесторонне осветить различные подходы к изучению структуры живого вещества, редакция дала место в сборнике двум статьям обосновывающим противоположные уклоны в цитологии—чисто морфологической и физиологической.

А. А. Заварзин, в статье „о морфологическом понимании гистологических структур", отстаивает право чисто морфологическаго изучения клетки. Самодовлеющая ценность такого изучения, по мнению автора, вполне оправдывается выдвинутым принципом сравнительной цитологии. В доказательство он приводит любопытные данные о сравнительном строении невронов оптических путей у различных классов животных и спинного мозга позвоночных и брюшной цепочки членистоногих. Эти данные приводят его к возможности выдвинуть интересную гипотезу параллелизма структур, которая может сыграть известную роль в систематизации материала сравнительной гистологии. Сравнительная же гистология является той идеей, которая устранит основной упрек морфологии в накапливании огромного фактического материала, часто ничем не связанного. Таким образом, автор отстаивает возможность чисто морфологических построений в гистологии.

В противоположность А. А. Заварзину, А. В. Немилов, в статье „о физиологическом направлении в микроскопической анатомии", вполне отвергает целесообразность чисто морфологических изысканий. На первый план он выдвигает изучение функциональных отношений, отводя морфологии подчиненное место. Это направление в общем в настоящее время господствует в цитологии. К сожалению противоположность А. В. Немилова А. А. Заварзину сказывается еще и в том, что в то время, как последний в доказательство своей точки зрения приводит ряд интересных и остроумных соображений, А. В. Немилов ограничивается общими фразами, вследствие чего его статья сильно проигрывает в доказательности, несмотря на общепризнанность развиваемой им точки зрения. В целом, общий характер „Сборника новых идей" достаточно известен, чтобы на нем стоило останавливаться подробнее.

Проф. **Н. А. Белов.** Физиология типов. Изд-во Красная книга. Орел, 1924 г. стр. 245, ц. 2 р.

Учение о конституциональных типах, в своих отклонениях определяющих все разнообразие инди-

видуальных отличий организмов, в настоящее время становится все более и более на прочную почву. Неоднократно высказываемые предположения, подкрепленные в достаточной мере основательными наблюдениями, что соматическая сфера находится в определенном соотношении с проявлениями высшей рефлекторной деятельности—с большой настойчивостью и со значительной полнотой просистематизированы в книге Н. А. Белова. Общая идея книги заключается в признании автором трех основных факторов формирования конституционального типа и его индивидуальных отклонений: э) врожденность, 2) эргогенез, 3) воспитание. Под тlрмином эргогенез, автор разумеет образование в организмах тех или иных действующих начал (эргоны) оказывающих влияние на функции самого образовавшего их организма. Иными словами это есть некоторое расширение понятия „гармоны".

Реферируемая книга посвящена рассмотрению эргогенеза. Регуляция, удерживающая систему организма на некотором среднем уровне в нормальных условиях и дающая более или менее резкие отклонения в случаях патологических, определяется связью, существующей между элементами тела. Связь эта осуществляется отчасти химическими веществами, выделяемыми в процессе внутри-секреторной деятельности особыми органами, а также и вообще всеми тканями нашего тела. В равной степени влияют физико-химические изменения среды, которые возникают в результате жизнедеятельности тканей. В случае изменения в средней деятельности тех или иных желез или тканей вся сложная система равновесия сдвигается со своего среднего уровня, и так возникает новый тип, носящий в себе все характерные особенности гипо или гиперфункции органа, явившейся первопричиной этого сдвига. Возникший тип обладает своими характерными особенностями как в строении тела, так и в проявлении высшей нервной деятельности.

Путем подробного изучения накопленного в литературе материала о деятельности желез внутренней секреции, автор устанавливает 46 таких типов, описанных с большей или меньшей полнотой, в зависимости от имеющихся по данной группе органов наблюдений. Изменению функций каждого органа внутренней секреции, каждой системы нашего тела, включая сюда кожу и мышцы, соответствуют минимум 2 типа, один со знаком+, другой—. Как можно легко представить себе, такая работа, несмотря на ее большой интерес и несомненную научную серьезность, носит в себе значительный элемент гипотетичности. Особенно сказывается это там, где автор устанавливает закономерности лежащие в основе связей между отдельными системами. Основным принципом такой связи автор считает параллельно перекрестную зависимость. Это значит, что если один орган возбуждает к деятельности другой, то этот последний продуктами своей жизнедеятельности, в свою очередь, тормозит функцию первого органа. Таким образом и удерживается постоянное равновесие между системами.

Такая схематичность во многих случаях оказывается явно натянутой. Особенно сказывается это в главе о сердечно сосудистых взаимодействиях. Если во внутренно-секреторных отношениях научные данные до сих пор весьма сбивчивы и разноречивы, вследствие чего здесь есть широкое поле для приложения различных схем, в области кровообращения наши сведения гораздо более определенны. Именно поэтому слабое место такого упрощенного понимания сказывается здесь особенно отчетливо. В общем книга представляет собой значительный научный интерес, но, конечно, совершенно недоступна не-специалисту.

Уптон Синклер. Дебри (The Jungle), перев. И. Д. Макусона. Изд-во „Мысль". Ленинград, 1925 г., стр. 236.

Мужественный американский писатель, каждый роман которого является новым и могучим обвинением капиталистическому строю, весьма популярен у нас. Появление нового издания самого известного из романов Синклера—„Дебри", того романа, который первый создал ему имя в мировой литературе, нельзя было бы не приветствовать, если бы это издание не было гешефтмахерским.

Издательство „Мысль", составившее себе достаточно позорную репутацию изданием безграмотных переводов дрянных французских романов, облюбовало романы Синклера, как предмет особой своей коммерческой спекуляции. Переводы Синклера стряпаются переводчиком изд-ва „Мысль" по тем же методам, по каким работают те фабрики консервов Чикаго, которые столь выпукло описывает Синклер в своих „Дебрях".

Чтобы не быть голословным, укажем хотя бы следующий факт. То же самое изд-во в прошлом году опубликовало для... простаков „новый" роман Синклера „Оковы сброшены". Роман этот представляет собой довольно далекий от подлинника пересказ на 237 страницах... второй половины знаменитого романа „Дебри".

Теперь те же дельцы от литературы выпускают в свет самый роман „Дебри", но издают его опять-таки в таком виде, который рассчитан на непритязательного и мало-сведущего читателя. В новом издании всего-на-всего 236 страниц, иными словами роман сокращен более чем наполовину.

Русский читатель, в результате длительной революции, добившийся истинной свободы печати для пролетариата, должен добиться того, чтобы романы Уптона Синклера не обрабатывались в нашей стране по рецепту чикагских консервных фабрикантов. Необходимо, чтобы нэповским дельцам от литературы пути к изданию таких излюбленных рабочим читателем авторов, как: Синклер, Джек Лондон Ромэн Роллан, Анри Барбюс и т. д. были заказаны.

Ив.

Ответственный редактор: **Мих. Коваленко.**

Адрес редакции: Ленинград, Проспект 25 Октября, № 1.

Ленинградский Гублит № 20956. Тип. Издат. „Прибой" им. Евг. Соколовой, пр. Красн. Командиров, 29. Тираж 22.000—4 л. Зак. 342.

Цена 30 коп.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ленинград: просп. 25 Октября, 52, магазин „Книжные Новинки". Телеф. 5-45-77

Москва: Московское отд. изд-ва „ПРИБОЙ", Лубянский пассаж, №№ 47, 48, 49. Телеф. 2-24-09